

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕ.

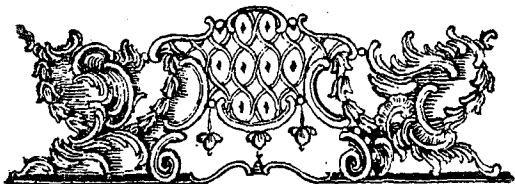
Часть I.

Въ Санктпетербургѣ 1770 года.

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Славенъ, родоначальникъ и пра-
оцедъ первыхъ Славенскихъ Кня-
зей, знаменитый именемъ, и пре-
славный дѣлами, былъ первый, по на-
казанію древнимъ Лѣтописцамъ, ко-
торый преселился со своимъ народомъ изъ Азіи
въ Европу, и построилъ въ память име-
ни своего городъ Славенскъ, по близости
того мѣста, гдѣ потомъ построенъ ны-
нѣшній Новгородъ. Сей Государь, утверди-
въ новую свою столицу покореніемъ со-
седнихъ племенъ, основалъ

ственныхъ народовъ , получилъ имя великаго война , и славнаго обладателя. Не извѣстно, имяли его собственное, или слава дѣла его снискала подданнымъ его нарицаніе Славянъ ; извѣстно только , что какъ при немъ , такъ и при потомкахъ его храбрые Славяне подтверждали имя свое множественнымъ преславныхъ побѣдъ и подвиговъ.

Потомство сего Князя процвѣтало всегда славою храбрыхъ дѣла , и разпространило свои завоеванія на подобіе древнихъ Римлянъ. Въ Государя и кали ихъ союза , и почитали Славенскъ такимъ городомъ , гдѣ самая храбросиѣ обитаетъ. Одинъ изъ сихъ потомковъ славенскихъ , именемъ Богославъ , любя миръ , и ненавидя брани , прославился болѣе своихъ предшественниковъ ; ибо онъ былъ столько добродѣтеленъ , что подданные его еще живъ , начали его обожать , думая , что человекъ не можетъ имѣть такихъ высокихъ качествъ , какія имѣлъ сей Князь. Со вступленія своего на престолъ не пролилъ онъ ни одной капли крови подданныхъ своихъ ; ни же воевалъ съ своими сосѣдями , почитая такое дѣло зѣвствомъ , и думая что человекъ болѣе безславился симъ , нежели прославляешия.

вляется. Благочестіе его было примѣромъ его подданнымъ: онъ былъ со всѣми искрененъ, кропокъ и привѣпливъ, но наипаче всего правосуденъ, щедръ и сщраннопріемливъ; любилъ науки и художества, и украшалъ свою столицу всякими великолѣпіями и достопамятностями; награждалъ достоинства и заслуги щедро, а пороки и преступленія человеколюбиво наказывалъ; повседневно пекся о пользѣ и пишинѣ своихъ подданныхъ, копорыхъ почиталъ не невольниками, но чадами своими; и наконецъ до того довелъ благоденствіе ихъ, что не находилоя ни одного такого человека въ его державѣ, копорый бы жаловался на скудость.

Ибо въ государствѣ его заведено было премножество разнаго рода заводовъ и фабрикъ, на коихъ дѣлали всякія вещи, какія только были въ употребленіи въ тогдашнее время. Индѣ шкали парчи, бархаты, шпофы, и другія шелковыя матеріи; памъ дѣлали сукна, полотна, и все то, что человеку для одѣянія потребно. Въ другихъ мѣстахъ выкапывали изъ земныхъ пѣдръ разные мешаллы, и по очищеніи ихъ дѣлали изъ оныхъ всякія дорогія сосуды и орудія, для велико-

лѣпїя и пользы всенародной. Однимъ словомъ, не было такого искусства, которое бы въ сей благополучной Державѣ могло уйти отъ рукъ щастельныхъ ея обитателей. И малої и старой были тамъ въ дѣлѣ, которое сходствовало съ ихъ силами и знанїемъ. Всѣ содержатели такихъ заводовъ и фабрикъ, плащали государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а имъ была ни мало не опягощительна. Люди тамъ не имѣли нужды въ чужестранныхъ шоварахъ; ибо все нужное имѣли дома; а иностранцамъ тогда только давали деньги, когда отъ нихъ хотѣли научиться какомунибудь новому мастерству. Модъ и опкуповъ между ними не было: роскоши тамъ не знали, и также лѣносни; ибо людей впадавшихъ въ сїи пороки жестоко тамъ наказывали. И такъ, всякой у нихъ работающій, наживалъ себѣ довольный хлѣбъ, и не имѣлъ нужды въ чужой помощи. Одни только увѣчные и дряхлые прибѣгали къ Княжеской щедрости: и получивъ себѣ отъ него довольное пропитанїе, отсылалися въ больницы и гостиницы.

Всякой жишель сей благополучныя страны любилъ Богослава искренно, и почиалъ

почиталъ его Богомъ подашемъ благъ: а онъ судя ихъ малыя распри, [ибо большія рѣдко памъ сказываюшъ случались,] спановился имъ еще любезнѣе, разбирая ихъ ссоры какъ ошцъ, и спараяся ихъ примиришь, промышляя имъ безмяшежную и блаженную жизнь.

Сей добродѣшельный Государь, лишился своей жены на десятомъ году по бракѣ своемъ съ нею: онъ сполько ее любилъ и почиталъ ея память, что не хотѣлъ уже по смерти ея ни какой другой красавицѣ дать мѣша въ своемъ сердцѣ. Супруга его оставила ему сына и дочь: сынъ занималъ всѣ черты его лица, а дочь сходствовала во всемъ съ прекрасною своею матерью. Богославъ ихъ споль любилъ, что просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ смотря и любуясь на нихъ. Любви своей между ими онъ не раздѣлялъ, такъ какъ дѣлаюшъ сіе нѣкоторые ошцы и матери: они ему оба равно были любезны; и онъ все свое спараніе въ то сполько упошреблялъ, чтобы разными науками просвѣпиль ихъ разумъ и понятіе, и здѣлалъ ихъ шѣмъ достойнѣйшими любви своей, и подданныхъ его.

Наконецъ сынъ его, именемъ Свѣшлованъ, достигнувъ семнадцатаго года своего возраста, показалъ въ себѣ совокупно всѣ шѣ качества, которыя въ соспѣяніи украсишь Героя: оспрошъ его разума удивлялися всѣ оспроумнѣйшіе Мудрецы того времени; понятіе его постигало почти всѣ шѣ науки, которыя тогда извѣстны были. Чегожъ касается до шѣлесныхъ его достоинствъ, то стройность его спана, красота его лица, осанка, взоръ, и пріятныя шѣлодвиженія всякаго приводили въ восхищеніе, и заставляли видя его говорить: вошъ прямо Княжескій сынъ! Напротивъ того и Милослава, сестра его, не меньше приводила въ удивленіѣ смотрящихъ на нее. Все въ ней было прелестно: высокой и стройной ея спанъ, украшенный Княжескою багряницею; самая прелестнѣйшая голова, поддерживаемая шѣею, подобною въ бѣлизнѣ снѣгу, которую украшали гмнорусые волосы, вѣющіеся колечками, и пущенные на игру вѣшровъ; цвѣтъ лица бѣлѣйшій лилей, оживотворяющейя румянцомъ нѣжнѣйшимъ розъ; ясные и быстрые глаза, блистательнѣйшіе солнечныхъ лучей, и украшенные шемными шонкими бровями, извившими-

ся полукругомъ ; и сняшой съ самыхъ Пріятностей носъ, подъ копорымъ блистали уша, на подобіе развивающихся нѣжнѣйшихъ розъ; и безчисленныя пшмы прелестей, повсюду ее окружающихъ, не иначе ее представляли зрѣшѣямъ, какъ самую Ладю, богинею любви. Разумъ ея сполькоже былъ прелестенъ, какъ и красота ея; словомъ сказать, Свѣтлосанъ и Милослава почитались чудомъ погдашняго вѣка.

Счастливейшій ихъ опецъ несказанно утѣшался, видя у себя таковыхъ дѣтей, копорымъ во всемъ свѣтѣ несыскивалось погда подобныхъ, ни въ красотѣ, ни въ разумѣ. Не оспавалось ему инова счастья имъ пожелать, кромѣ приличнаго и пріятнаго союза. И едва сполько о семъ далъ знать, что желаетъ сына своего женить, а дочь выдать за мужъ, по вдругъ изъ окрестныхъ Государствъ наѣхала къ нему шма Царскихъ и Княжескихъ дѣтей, льсшая каждый получить за себя Княжну; напрошивъ шого для Свѣтлосана навезли сполько изображеній красавицъ разнаго рода, что наполнили ими всѣ спѣны кабинетовъ.

Богославъ пришедъ опъ шого въ недомѣніе, не зналъ что начать въ ша-

комъ обстояшетьсѣ: на коней велѣлъ кликать ключь, что пошѣ изъ жениховъ получишѣ себѣ Милославу въ жену, что учинишѣ такое дѣло, которое всѣхъ удивишѣ, и коего никто другой превзойти не возможеть. Обнародованіе сіе, привело всѣхъ жениховъ въ движеніе: всякой началъ помышлять изъ нихъ, чѣмъ бы превзойти своего соперника, дабы здѣлаться счастливымъ обладателемъ прелестней Милославиныхъ.

Для сего важнаго случая былъ назначенъ день, въ которой всѣ пребывали Милославины долженствовали сѣхаться на Княжескій дворъ, которой былъ великаго пространства, и украшенъ самыми рѣдкими испуканами: на ономъ долженствовали они оказывать свое превосходство надъ прочими. На канунъ того дня провозвѣстникъ объявилъ всему городу, что въ будущій день спадутъ препирашья Милославины женихи о первенствѣ; и чтобъ народъ сходился на Княжескій дворъ ихъ смотрѣть.

По наступленіи назначеннаго дня, почти весь городъ стекся на опредѣленные мѣста къ смотрѣнію: вскорѣ прибыли и женихи Милославины; а за ними и Богославъ, провождаемый Свѣтлославомъ,

номъ, Милославою, и многими вельможами своего двора. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, тогда паки провозглашатель объявилъ препирающимся, въ подтвержденіе прежняго, что Милославу получишь шотъ, кто окажется себя достойнѣйшимъ прочихъ. Тогда женихи, ободренные снова, составляютъ кругъ и совѣщаются, какое имъ избрать дѣйствіе къ своему прославленію. Многія были предложенія, возраженія и споры: наконецъ, по господствующей тогда повсюду страсти къ военнымъ дѣламъ, положили препираться оружіемъ, и побѣдителю уступить не оубыточное обладаніе прекрасныя Милославы.

И такъ раздѣляясь на части, мечутся жеребей, кому начать славное сіе сраженіе: оный палъ на Вельдюзя, Полошскаго Князя, и на Лѣпозора, Печенѣвскаго Государя. Тогда всѣ прочіе рыцари раздавшись, оставили просторное мѣсто симъ пропывоборцамъ. Но они следва подѣхавъ ко крыльцу, съ котораго смотрѣлъ Богославъ на ихъ препираніе, преклонили предъ нимъ своя копья, въ знакъ своего къ нему почтенія и преданности; а потомъ отѣхали на мѣсто сраженія. Всѣ зрители усрежили

на ихъ свои глаза , и приготовилися восплескать побѣдишелоу. Рыцари разбѣхавшись , и отдавъ честь другъдругу , приготовились защищать свое право на Княжну до послѣдней капли крови. Печенѣвъ первой началъ сраженіе: взявъ опѣ оруженосца своего дрошкѣ , пустилъ имъ въ своего соперника сильнымъ махомъ. Полочаннѣ принявъ его въ спальный свой щитъ , безъ всякаго себѣ вреда , взялъ копье , и пошряся имъ , грозилъ скорою смертію Лѣпозору , который упреждая свое несчастіе натягъ лукъ , и выпустилъ на него вдругъ три стрѣлы. Но Вельдюзъ оприся и ихъ своимъ щитомъ , поразилъ Печенѣга тяжелымъ своимъ копьемъ , и однимъ ударомъ ниспровергъ его во адъ.

Всѣ зрѣшѣли заплескали въ честь побѣдишелоу , и осыпали его похвалами ; но Богославъ , увидя лѣющуюся человѣческую кровь , воспрепешалъ и отвращался отъ сего ужаснаго позорища. Побѣдитель между шѣмъ подбѣхалъ къ Княжескому крыльцу для полученія часмыхъ имъ похвалъ , которыхъ онъ не сомнѣнно себѣ надбѣялся. Но Богославъ , воспревоженный симъ кровавымъ зрѣлищемъ , далъ знать рукою народу , чшобъ оный умолкъ.

умолкъ. „О храбрости твоей не можно
 „сомнѣваться; говорилъ онъ пошомъ,
 „обращаясь къ Полоцкому рыцарю: сей
 „несчастный Печенѣгъ ясный тому сви-
 „дѣтель; но я не могу терпѣть при
 „глазахъ моихъ убіенія неповинныхъ и
 „благородныхъ сихъ Князей. Совѣсть
 „меня уже терзаетъ, что я допустилъ
 „тебя до сраженія съ симъ юнымъ Кня-
 „земъ, и допустилъ тебя его умертвить.
 „Ужасный Чернобогъ конечно опроститъ
 „мнѣ сіе погрѣшеніе. Скипетръ мой до
 „сихъ поръ не обогрѣлся ничьею кровью;
 „и Боги за сіе всегда ко мнѣ были ще-
 „дры. И такъ, храбрый Князь! ежели ты
 „хочешь показашь себя достойнѣйшимъ
 „прочихъ; такъ покажи такимъ дѣ-
 „ломъ, котораго бы другимъ не вредно
 „было,,. По окончаніи словъ своихъ здѣ-
 „лалъ знакъ, чтобъ и другіе рыцари
 „подѣхали къ нему, которыхъ онъ увѣ-
 „щевалъ подобнымъ образомъ, и совѣшо-
 „валъ имъ явить свое достоинство не
 „вреднымъ, а полезнымъ человѣчеству
 „дѣйствіемъ

Когда Князь пересталъ говорить,
 тогда гордящейся своею побѣдою Вель-
 дюжь, снявъ свой шлемъ, началъ такъ
 говорить Славенскому Владѣтелю. „Госу-
 дарь!

5, дарь! не безвѣстно я чаю тебѣ,
 2, что Славяне, съ начала пришествія сво-
 3, его въ Полуночныя спраны, сыскали
 2, себѣ земли, богатства и славу однимъ
 2, своимъ оружіемъ и храбростію. Войною
 2, укрѣпили они свои владѣнія, войною
 2, укропили своихъ враговъ, и учинили
 2, изъ оныхъ себѣ подданныхъ. Храб-
 2, рость ихъ извѣстна не токмо по про-
 2, спранной Россіи, но Греціи и Римъ
 2, трепещутъ ихъ оружія. Не самая ли
 2, сія храбрость укрѣпила и возвеличила
 2, Предковъ твоихъ Державу? Когдабъ они
 2, увидѣли твою столь нужную добро-
 2, дѣтель, давно бы уже сей преславный
 2, городъ свирѣпыя Угры превратили въ
 2, пустыню. Да и въ семъ ли желѣзномъ
 2, вѣкѣ, живя между дикими и хищными
 2, народами, думаешь намъ объ оставле-
 2, ній оружія! Если бы ты мнѣ прошиву-
 2, положишь, что твое Княженіе течетъ
 2, безъ кровопролитія, то и на сіе не
 2, трудно мнѣ тебѣ возразить. Держава
 2, твоя Предками твоими толико укрѣ-
 2, плена и возвеличена, что трепещетъ
 2, ее весь Сѣверъ: окрестныя народы обла-
 2, ссти твоей всѣ тебѣ покорны; дальныя
 2, племена не имѣютъ времени тебя тре-
 2, вожить; ибо ведутъ они промежъ собою
 2, крово-

„кровопролитныя брани ; и припомѣ не
 „избавилися еще отъ ужаса , который
 „на нихъ навелъ свои предшественни-
 „ки. Слѣдственно ни съ которой спо-
 „роны Государству своему не грозятъ
 „опасности ; и такъ кровопролитіе те-
 „перь тебѣ еще не нужно . Но когда
 „спрошивыя твои содѣды брани свои
 „окончатъ, и въ праздности своей усмо-
 „тритъ изобилующее твое всемоу Го-
 „сударство: тебя престарѣла и ненавидя-
 „ща войны , то кто мнѣ поручится ,
 „что не дерзнутъ они помутить пи-
 „шины твоего владѣнія, и не прострутъ
 „алчныхъ своихъ рукъ на твои сокро-
 „вища. Кто тебя тогда защититъ ?
 „Подданные твои, которые въ нынѣ-
 „шней своей тишинѣ позабыли, я чаю,
 „и названіе оружія, употребляемаго въ
 „брани? Новопокоренныя твои обла-
 „сти? Но оныя помня прежнюю свою
 „свободу, конечно непреминушъ при не-
 „счастіи твоемъ свергнуть съ себя иго
 „рабства ; и на себяжъ устремятся ,
 „сколько для опмщенія , столько и для
 „ушверженія своей вольности. Теперь
 „оспаюся къ защищенію твоему союз-
 „ные тебѣ Государя. Но ты самъ вѣда-
 „ешь, много ли такихъ людей на свѣтѣ,
 „которые

„которые счастливымъ противятся, а
 „неполучнымъ помогаютъ! Вступая за
 „себя побоясь они поперяють своихъ
 „вѣнцовъ, иль бесполезно опягошють
 „свои Народы. И что еще? обольстятся
 „добычею, не согласятся ли они скорѣе
 „сѣ своими непріятелями, на сово-
 „купное Княжества своего расхищеніе?
 „Вотъ, миролюбивый Князь! какое мое
 „мнѣніе о нерадѣннн оружія и храбро-
 „сти, которое въ супоспатахъ нашихъ
 „можетъ къ намъ родить презрѣніе, и
 „навесня на насъ не ожидаемая бѣд-
 „снва. И такъ, пока еще счастье свое
 „на себя не оставило, пока близкая своя
 „древность себя не застигла, соблаго-
 „воли храбрѣйшаго изъ насъ почшишь
 „своимъ свойствомъ, и именовъ зяпя:
 „сіе шшло зашавишь его вѣчно защи-
 „щать свои права, какіябы напасни
 „судьба на себя ни послала. Кпожъ изъ
 „насъ благоволѣннн своего достоинъ, сіе
 „тебѣ покажетъ наша храбрость,,.

Сія рѣчь, которую всѣ слушали съ
 превеликимъ вниманіемъ, склонила всѣхъ
 на сторону Вельдюзеву: всѣ ему плеска-
 ли, всѣ его похваляли; и самъ Богославъ,
 будучи отъ всѣхъ Милославинныхъ жени-
 ховъ преклоняемъ, принужденъ былъ
 мнѣніе

миѣніе Полоцкаго Князя подтвердити ,
и дозволишь поединокъ.

Тогда паки юные рапоборцы собрав-
шія кинули жеребей , кому изъ нихъ
прошивоборспвовашь храброму Вельдю-
зю, копорый ожидалъ прошивниковѣ сво-
ихъ храбро , и гошовилъ имъ не минуе-
мую смерть. Тарарай, Касожскій Князь,
осужденъ былъ жребіемъ потерять въ
шопъ день надежду и жизнь; но подкрѣ-
пляемый еще упованіемъ, думалъ однимъ
взглядомъ устрашити Полочанина , ко-
порый ударомъ своего копья испоргнувъ
у него жизнь , прекратилъ его гордость.
За нимъ слѣдовалъ Трухтрахъ , Князь
Козарскій, копорый будучи жребіемъ при-
нужденъ къ сраженію , препеналъ , и
предпочиталъ охотно безславный миръ
славной дракѣ; однакожъ не хотѣлъ
передъ глазами всего народа показашъ се-
бя шрусомъ, чего ради и поѣхалъ , при-
нявъ бодрый видъ, на ужаснаго своего со-
перника. Подѣхавъ поближе къ Вель-
дюзю, извяснилъ ему шрепещущимъ голо-
сомъ, что онъ жизнь свою предпочитаетъ
Милославъ , и уступаетъ ее ему
охотно ; а въ воздаяніе за то хотѣлъ
шощады своей жизни; но чтообъ не обез-
славилъ своего Княжесшва шрусостію,
то

то просилъ Вельдюзя ударить себя по-
 легоньку шупымъ концемъ копья, послѣ
 чего хохлѣвъ, признавъ себя побѣжден-
 нымъ, опѣвѣхашь на прежнѣе свое мѣс-
 то, и провозгласишь его побѣдипелемъ.
 Спупай, спупай, опѣвшиспвовавъ ему
 съ насмѣшкою Вельдюзь, ты дѣйствител-
 ьно не достоинъ быть пораженъ
 оспрѣемъ онаго. И въ самое то время
 ударилъ ево раповищемъ; что въ такую
 шрусоспъ вогнало Козара, что онъ упалъ
 безъ памяти съ коня, и вынесенъ былъ
 безчувствія съ Княжескаго двора. Всѣ
 шѣ, копорые могли ихъ слышать, захо-
 хотали, и проводили съ плескомъ храб-
 раго Трухпраха. Послѣ него выступилъ
 Тарабанъ, братъ его, копорый горя не-
 годованіемъ за насмѣшку ево брату, и
 чувствуя въ себѣ болѣе онаго сердца,
 хохлѣвъ опмсшилъ ужасному Вельдюзю;
 но устремая на него, прекратилъ свой
 гнѣвъ вмѣспѣ съ своею жизнью.

По таковымъ ужаснымъ примѣрамъ
 его храброспи, мало осталось ему про-
 шивниковъ; а копорые еще осмѣлились
 на него напасъ, шѣ заплашили жизнью
 за дерзость свою. Напослѣдокъ, никшо
 не смѣя больше ему прршвивишься, всѣ
 согласно уступили ему право шребовать
 руки

руки Милославиной. Сїи многія побѣды снискали Вельдюзю не шокмо плесканїя, но и почщенїе отъ всего множества зришѣлей. Самъ Князь Богославъ, не смотря на соболѣзнованїе свое о смерти полныхъ князей, возвѣмѣлъ къ нему почщенїе, удивляясь великой его храбрости. Вельдюзь, усмотря къ себѣ благосклонность отъ Князя и отъ всего ево двора, благодарилъ всѣмъ учтивымъ и ласковымъ образомъ за поздравленїя; которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ. Посемъ подступя къ Богославу, препоручалъ себя въ его милость, прося припомнить отъ отъ обѣщанїи, которыми онъ хотѣлъ почтить побѣдителя. Богославъ выслушавъ благосклонно ево прозьбу, подтвердилъ ему пакы свое соизволенїе; и приказалъ въ тоже время провозвѣстнику провозгласить его своимъ зятемъ; а поржествованїе брака его съ Княжнєю Милославою опложилъ на мѣсець.

Весь народъ и знатные вельможи похваляли и радовались сему выбору; ибо храбрость у древнихъ Славянъ почипалась высочайшимъ достоинствомъ. Милослава не менѣе прочихъ была довольна женихомъ своимъ; что показала она ясно своимъ удовольствїемъ, слушая весьма

благосклонно привѣтствія, которыя дѣлалъ ей по побѣдѣ своей Вельдюзь. Примѣшивъ оное Полошскій Князь, старался болѣе его умножить, угождая ей при всякомъ случаѣ; и на послѣдокъ безпре-
спанными своими ласканіями, и не оп-
ступными прозьбами, получилъ отъ нее
ошккровенное признаніе, что выходитъ
она за него безъ всякаго принужденія.

На послѣдокъ назначенный день къ
ихъ браку наспалъ: дворъ и городъ въ ве-
ликихъ были движеніяхъ въ пріуготовле-
ніи къ оному: всякой напрерывъ старал-
ся показать свое великолѣпіе въ платьѣ
и прочихъ убранствахъ; наружность
домовъ украшена была карпинами и ко-
врами, улицы усыпаны цвѣтками; но
храмъ Ладинъ и Полелинъ, въ которомъ
надлежало отправляться браку, былъ
всего великолѣпіе украшенъ.

Когда уже все было пріуготовлено,
тогда Князь Богославъ, послѣдуемый сы-
номъ своимъ Свѣпосаномъ, и сонмомъ
вельможъ и придворныхъ, препроводилъ
во храмъ жениха: за ними вскорѣ пріѣ-
хала и невѣста, въ препровожденіи мно-
гихъ знатныхъ дѣвицъ и госпожъ. На-
родъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ
насладиться зрѣніемъ новобрачныхъ:
улицы

улицы и кровли наполнены были всякаго возраста людьми; всѣ возносили желанія въ пользу сочезавающихся, и весь воздухъ наполненъ былъ обѣдами и мольбами.

По таковымъ счастливымъ разположеніямъ ничего не можно было ожидать кромѣ веселія: уже первые обряды брака были совершены: сочезавающіеся связаны были брачнымъ поясомъ, и залогъ ихъ вѣрности положенъ на жертвенникъ. Первосвященникъ прочтя приличныя молитвы, изрекъ на нихъ свое благословеніе, прося Ладу и Полея ниспослать имъ мирное и благоденственное супружество; послѣ чего готовился приступить къ жертвоприношенію. Окропя жертву, состоящую изъ ста воловъ, чистительною водою, ударилъ, перваго представленнаго ему быка, священнымъ шопоромъ: быкъ возрѣвелъ преужаснымъ голосомъ, и ударясь о жертвенникъ, издохъ. Въ тотъ самый мигъ Полеинъ испукалъ поколебался: возгремѣлъ престрашный громъ, молнія возблистала со всѣхъ сторонъ, небо покрылося прешемными облаками, а волы всѣ пали мертвы. Въ пожъ мгновеніе Полеинъ кумиръ произнесъ сіи ужасныя слова.

Ты къ браку приступишь, Вельдюзь, дерзнулъ
 свирѣисствомъ:
 Въ бѣдахъ тебѣ съ Княжной по шоль бышь
 рокъ судилъ,
 По коль ты не спасешъ гонимыхъ столькихъ
 бѣдсшвомъ,
 Коляко ты Князей невинныхъ умершилъ.

Сїи пресстрашныя слова поразили всѣхъ ужасомъ: весь храмъ наполнился воплемъ и сшenanїями; всѣ пали на колѣни, и гошповилися умилоштивляшь разгнѣванное божештво плачѣмъ и воздыханїями, какъ вдругъ низшедшїй густый облакъ, съ громомъ и молнїями, похишилъ Милославу; и въ шожъ время пораженный Первосвященникомъ волъ прешраться въ ужаснаго Дракона, подхвапилъ Вельдюзя, и унесъ у всѣхъ изъ глазъ. Послѣ шого возшрепешала вся земля: громъ, молнїя, вихрь, градъ и дождь совокупаьсь, шакое движешїе произвели въ воздухъ, что ни видѣшь, ни слышашъ ничего не возможно было. Богославъ и многїе изъ народа упали безчувства: другїе бѣжали не зная сами куда; иные упавъ на колѣни для принесенїя молишвъ, не могли ни слова выговорить, ниже пошевелишьсь. Всѣхъ объявъ ужасъ и шрепешъ; и одинъ шолько Свѣшлосанъ

санъ стоялъ неколѣбимо, принося молишвы Перуну, Чернобогу, и прочимъ Богамъ.

На послѣдокъ, по нѣсколькихъ минушахъ, землетрясеніе окончилось, и небо ушихло. Тогда мало помалу начали всѣ приходиль въ чувство. Несчастный Богославъ, пришедъ въ себя, и вспомя, что лишился дочери и зятя, залился слезами, и испуская сненанія, приносилъ жалобы Богамъ и человѣкамъ. Свѣшлосанъ, жрецы и вельможи спаралися всячески его утѣшить, представляя ему, что божественный гласъ не со всѣмъ ихъ лишалъ надежды, и что со временемъ можно уповать, увидѣшь погибшихъ паки. Къ тому же Свѣшлосанъ, утѣшая его, общавалъ самъ ѣхать повсюду для сысканія ихъ; но опечаленный Богославъ лишеніемъ дочери, отвергъ ево предложеніе, и не хотѣлъ ни для чего согласиться, чтобъ поперяшь въ немъ послѣднюю свою надежду и утѣшеніе, опустя его въ неизвѣстный путь.

Юный Князь, любя и почитая несказанно своего родителя, согласился охотно на его желаніе: оставшися при немъ, пребывалъ съ нимъ непрестанно, и утѣшалъ его своимъ собесѣдованіемъ. Въ семъ упражненіи провелъ онъ цѣлый годъ,

годѣ, посылая между стѣмѣ храмы, и принося жершвы Богамѣ, раздавая милосшныи, и искупая плѣнныхъ и заключенныхъ въ шемницы: шщася стѣмѣ преклонишь Боговъ на милосшь, и возвратишь помощію ихъ Милославу и Вельдюзя. Чаше всего посѣщаль онѣ Капище Чернобогово, и многочисленными жершвами и подаяніями шарался умилошнвити съ Божештво; ибо сей Богѣ починался опѣ древнихъ мстишелемѣ злодѣяній, и власшшелемѣ надѣ беззаконными и бѣдшсшующими людьми.

Нѣкогда жершвуя сему богу Свѣшпосанѣ, и проливая предѣ нимѣ шеплѣшшія молишвы, почувсшвоваль въ себѣ пресильное волненіе крови, и дрожаніе жишѣ: въ шо самое время услышаль онѣ, что бодросшь и крѣпосшь его силѣ умножилися въ немѣ. Въ воспоргѣ своемѣ просштерся онѣ предѣ кумиромѣ, пришеся ему благодарносшь; и просширая къ нему взоры увидѣль, что испуканѣ окруженѣ былѣ блисшательнымѣ сіяніемѣ: угрюмый его видѣ премѣшнѣ былѣ въ пріятный и ласковый: въ самое шо время опѣ поколѣбался, и произнесѣ слѣдующія слова.

Моленія твои пріяшны: небесами:

И грѣхъ вашъ заглаженъ моленьемъ и слезами;
Но въ праздношили ждушъ лавроваго вѣнца?
У смерти въ челюстяхъ ищи бѣдамъ конца.

Свѣплосанъ паки палъ предъ кумиромъ, принося благодареніе за поданіе божественнаго сего совѣта; но не возмогши поняшь ево совершенно, просилъ Чернобогова первосвященника истолковать себѣ сіе прорѣченіе. Нупрозоръ, разсмотря внутренности принесенныхъ жертвъ, объявилъ, что Божество совѣщаетъ ему самому искашь сестру и зятя, которыхъ онъ непременно обрѣщетъ, по прешерпѣніи многихъ трудностей. Младый Князь повиновался ево объявленію, обѣщавъ Бхашъ. Послѣ чего одаря жреца, и учиня обѣщанія Чернобогу, и прочимъ божествамъ, отбылъ изъ храма въ Княжескій свой домъ.

Прибывъ туда, и призвавъ къ себѣ своего любимца, который имѣлъ при немъ чинъ Оруженосца, объявилъ ему слова Чернобога и жреца ево. Бориполкъ, будучи вѣренъ своему Государю, и опасаясь повергнуться въ печаль Богослава, совѣщавалъ ему не скоро полагаться на толкованіе Нупрозорова, но ожидать вѣрнѣйшаго

нѣйшаго извѣщенія отъ времени , или отъ первосвященниковъ прочихъ боговъ , славнѣйшихъ въ прорицаніяхъ . При томъ представлялъ ему , что нечаяннымъ такимъ отъбздомъ причинилъ онъ великое сокрушеніе своему родищелю . Сими и подобными представленіями склонилъ онъ Свѣшлосана ошлужишь свое пушенствіе до времени .

Впрочемъ не совѣмъ совѣшны его изпребили изъ мыслей млада Князя Божеское изреченіе : до самага вечера швердилось оно въ умѣ его ; и одинъ Кикимора , Божество сна и ночи , пресѣкъ его о семъ размышленіе . Но едва сомкнулъ онъ свои глаза , какъ смущенному его воображенію представилось ужасное сновидѣніе : явилася ему преспрашная гора , на копорой вмѣсто деревьевъ стояли копя , и мечи въ верхъ эспрѣмъ . Промежду ими пресмыкалася безчисленное множество всякаго рода змѣевъ , копорые выпускали ужасный свистъ и ревъ . Надъ сею горою летѣла блестящая колесница , влекомая зіяющими пламенемъ Аспидами : въ ней сидѣла несчастная Милослава , выпускающая прежалоспные вопли . Гнусный и преспрашный Волошъ держалъ ее въ своихъ обѣщяхъ , и угрожалъ ее скинуть

скинуть на землю. На пропивъ ихъ лешбѣль на крылатомъ конѣ Вельдюзь, и спремился поразишь сего чудовища копьемъ; но въ самое по время исполнивъ зинулъ на него пламенемъ: конь опъ того исчезъ, а Вельдюзь полешбѣль спремглавъ на ушыканную копьями и мечами гору.

Сіе ужасное позорище сполько испужало и вспревожило Свѣплосана, чпо вдругъ опогнало опъ него сонъ, и принудило его сильно вскричать. Бориполкъ, который спалъ въ другой опъ него компанѣ, пробудясь опъ сего крика, пришелъ къ нему увѣдашь того причину. Испужанный Князь рассказалъ ему свое сновидѣніе шрепещущимъ голосомъ, и воздохнувъ продолжалъ: чпо мнѣ симъ сновидѣніемъ возвѣщаютъ Боги? Неужель объявляютъ они мнѣ кончину сепры моей и зяпя? Праледные Боги! ежели сіе истинно, шакъ къ чему вы намъ и льшили, чпо со временемъ мы ихъ еще увидимъ? О несчастливый родитель мой! какимъ ударомъ поразишь себя сіе сновидѣніе. О Боги! онъ умрешъ--- Не сокрушайся, гадарь, перехватилъ рѣчь его Бориполкъ, еще сіе не подлинно; можешъ бышь Боги совсѣмъ другое сновидѣніемъ симъ шевъ являютъ. Но чшобъ сомнѣніе тебя о

семь не терзало, я тебѣ сыщу средство отъ него избавиться. Неподалеку живепѣ отсюда пустынный, который почитается отъ всѣхъ великихъ прорицателей, и искуснѣйшимъ полководцемъ сновъ. Къ нему спешается со всѣхъ сторонъ народъ, для испрошенія въ недоумительныхъ дѣлахъ совѣта и объясненія; и приносятъ ему въ даръ стрѣлы, безъ чего сказываютъ, онъ ничего прошенія не исполняетъ. И такъ, государь, ежели угодно тебѣ испытать свою и сродниковъ швейихъ судьбу, побдемъ къ нему: я его жилище знаю; а чтобъ болѣе ему угодить, постарайся сыскать для него стрѣлу изъ мешалла; ибо онъ шѣмъ ни въ чемъ не отказывается, которые къ нему такія стрѣлы приносятъ. Я на все готовъ согласиться, отвѣтствовалъ Князь, только чтобъ узнать судьбу бѣдной моей сестры и зятя; чтожъ касается до стрѣлы, я ему дамъ золотую, которую подарилъ мнѣ Древлянской Князь, имѣвшій нужду въ помощи моего родителя.

По окончаніи словъ своихъ, нимало не мѣдя приказалъ осѣлать коней, и принеши молитвы Богамъ, и забравъ нужное для души, пустился въ оныя мѣста
однимъ

однимъ Бориполкомъ. Путешествіе ихъ продолжалось до самого восхожденія багряннаго Зимцерлы: и когда уже Свѣшловидъ испустилъ первые свои лучи на землю, тогда они прибыли къ жилищу пустычника, которое находилось по срединѣ густаго лѣса.

Свѣшловидъ и Бориполкъ сошедъ съ своихъ коней, привязали ихъ къ дереву, и пошли въ пещеру, въ которой жилъ прорицатель. Они его застали спяща: видъ его представлялъ самаго древнѣйшаго старика, коего сѣдая борода простиралась далѣе пояса; лице его суше было самой муміи; онъ опушанъ былъ весь дѣтьми, которыхъ одинъ конецъ былъ прикованъ къ спѣнѣ; передъ постѣлю его стоялъ остоппъ, который имѣлъ вознесенную руку съ кинжаломъ, а въ другой держалъ черную мраморную дощечку, на которой были изображены блистающими буквами неизвѣстные письма. Позорище сіе привело Свѣшловидана въ превеликое удивленіе: онъ спрашивалъ своего спутника, чтобы сіе все значило, но шопъ и самъ не могъ ему на шоп ни какого дать извѣщенія. Отъ разговоровъ ихъ пустычникъ пробудился: тогда Свѣшловиданъ подшупя къ нему,

извинялся учпивымъ образомъ , что нарушилъ его покой; и послѣ разказавъ причины своего прѣзда, вынялъ изъ колчана золошую стрѣлу, копорую поднося ему, просилъ его исполковать себѣ свой сонъ. Лишь только пуспынникъ увидѣлъ стрѣлу, какъ схватя ее поспѣшно, вскричалъ : Ахъ ! государь мой, ты мнѣ возвратилъ мою жизнь ! И въ пошъ время ударилъ стрѣлою въ дощечку, держимую остовомъ, копорый въ пошъ же мигъ исчезъ. Послѣ чего цѣпи копорыми былъ ошягченъ пуспынникъ, пошчасъ съ него спали: длинная его борода пропала, ряса его превратилась въ лазоревое одѣянїе, а онъ самъ въ молодого прекраснаго человѣка.

Пока еще Свѣшлосланъ, съ Оруженосцемъ своимъ, споялъ отъ удивительнаго сего приключенїя въ недоумѣнїи, въ то время превратившїйся пуспынникъ махнувъ стрѣлою, проговорилъ нѣсколько страннхъ словъ, за копорыми послѣдовалъ преужасный шумъ и стукъ молотовъ, по окончанїи коихъ пещера превратилась въ великолѣпную колесницу, запряженную шесью Единорогами. Пуспынникъ обратясь къ Славенскому Князю и его папершнику, не

дивишесь,

дивитесь, говорилъ имъ, сему чудному произшествію; когда вы узнаете кто я, то не станете болѣе ни чему удивляться. Услуга, продолжалъ онъ, оказанная мнѣ вами, обязываетъ меня возблагодарить вамъ достойнымъ образомъ за оную; чего ради и беру васъ теперь въ прежнее мое жилище.

Между тѣмъ колесница споль быстро везена была, что черезъ нѣсколько часовъ очутились они въ Индіи, по срединѣ великолѣпнаго замка, коего все зданіе было сооружено изъ благаго мрамора, а внѣшнія украшенія онаго состояли изъ чистаго золота. Пустынникъ вышелъ изъ колесницы, просилъ ихъ слѣдовать за собою. Лишь только они взошли на великолѣпное крыльцо онаго зданія, какъ загремѣла вдругъ преогромная музыка, и превеликая толпа молодыхъ людей, обоего пола, вышла имъ на встрѣчу. Всѣ сии люди пади передъ пустынникомъ на колѣни, и бросились пошомъ цѣловать его руки и платье; а онъ имъ ошвѣщивовалъ на по ласковымъ видомъ и поклонами. Послѣ чего съ беспрестанными и радостными восклицаніями препроводили они его въ залу, въ кошорой находился престолъ изъ ро-

зоваго яхонта. Пустынникъ возшедъ на
онный, просилъ Свѣтлосана сѣсть по
правую, а Бориполка по лѣвую себя
сторону; попомъ обращая къ предсто-
ящимъ своимъ подданнымъ, вошъ къмъ,
говорилъ имъ, указывая на Князя и
Оруженосца его, возвращенъ я вамъ, лю-
безные мои друзья! Ихъ благодѣяніе
воврашило миѣ свободу, и прежнее мое
могущество и власть, копорья похи-
шилъ было, у меня люшый Карачунъ:
сей гнусный карло, копорый все свое
счастіе и силу получилъ, отъ щедрости
моей. Но дерзость его безъ-наказанія
не останешся: всѣ мои силы употреблю
я на его погубленіе; и никакая власть
не удержишь меня бышь ему вѣчнымъ
непріадедѣмъ. Но прежде всего продол-
жалъ онъ обороты къ Свѣтлосану,
обязанъ я тебѣ, великодушный мой
избавишель, возблагодаришь такъ, какъ,
шребуешь великое швое одолженіе.

Послѣ чего, приказавъ подданнымъ
своимъ шоржествовать день его избав-
ленія, просилъ своихъ гостей слѣдо-
вать за собою во внушренніе покои его
дворца. Прошедъ нѣскольکو комнашъ,
копорья всѣмъ шѣмъ были украшены,
что природа и искусство могутъ про-
извести.

известъ наилучшаго, вошли они на
 конецъ въ удаленный чертогъ, кошорый
 примыкался къ саду. Стѣны сего покоя
 украшены были янтарными Героглифами:
 по срединѣ оной стоялъ круглый столъ,
 коего доска вылита была изъ разныхъ
 металловъ, и поддерживаема Геніями
 изъ гебеноваго дерева: на ономъ стояла
 Сфера, земный кругъ, зрительныя трубы,
 нѣсколько книгъ, и золотая скрына,
 украшенная дорогими каменьями. Подъ
 столомъ стояли креслы изъ слоновой кости;
 а подъ стѣнѣ софы и шезлики, на ко-
 торыхъ лежали блестящельныя орудія,
 коихъ употребленіе однимъ волхвамъ
 извѣстно. Епѣ мой кабинетъ, говорилъ
 владѣтель замка, обращаясь къ своимъ
 гостямъ, гдѣ я прежде завсегда упраж-
 нялся, и откуду могущество мое дося-
 зало во всѣ концы вселенныя; пока не-
 благодарный Еѳіопъ не лишилъ меня сей
 драгоценной спирѣлы, въ кошорой все
 мое счастіе заключается; и кошорую
 щедрость твоя мнѣ возвратила, пре-
 храбрый Свѣтлосанъ, а съ нею и все
 мое прежнее могущество. Я тебѣ раз-
 скажу, любезный мой избавитель, сіе
 приключеніе, кошорое сполько тебя уди-
 вляетъ; для сего и привелъ я васъ обѣ-
 ихъ

ихъ въ сіе мѣсто, чтобъ никто не нарушилъ нашей бесѣды. Ибо ни какая сила не можетъ проникнуть сего чертога, и узнать, что здѣсь дѣлается; сіи не извѣстные шебѣ письма препинаютъ всякому сюда входъ, какую бы кто силу ни имѣлъ; и защищеніе всего моего замка отъ сего одного покоя зависитъ. Помощь, сѣвши самъ въ креслы, а ихъ по прося сѣсть на софы, началъ имъ рассказывать свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ.

ИСТОРИЯ ВИДОСТАНОВА.

Я называюсь Видостанъ: отецъ мой былъ Царь нѣкоторой части Индіи; царствованіе его шло весьма спокойно, и всѣ его увеселенія состояли книги, которыхъ онъ собралъ превеликое множество, и другой я; ибо онъ любилъ меня шѣмъ, нежели, что не имѣлъ другихъ дѣшей кромѣ меня. Охоша ко чпешнїю моего родителя, какъ будто бы по наслѣдству вселилась и въ меня; но съ большимъ его пристрастіемъ. Нѣкогда будучи въ нашемъ книгохранилищѣ, и пересматривая книги, нашолъ я шакую, коея письма были для меня не знакомы
ХОПЯ

хотя я и много зналъ языковъ. Любопытство мое, будучи прельщено сею новизною, понудило меня искашь въ другихъ книгахъ ей извѣщенія. Я началъ снова перебиратьъ всѣ книги, и по счастью моему нашолъ скоро другую въ подобномъ ей переплетѣ. Развернувъ ее увидѣлъ я, что это словарь Ассирійскаго языка, котораго я не зналъ. Буквы его сходствовали во всѣмъ съ пѣми, коихъ я въ объявленной книгѣ неразумѣлъ. Сей случай заставилъ меня искашь шакого человека, котораго бы могъ меня научить сему нарѣчію, что мнѣ въ скоромъ времени и удалось.

При дворѣ отца моего находился одинъ Халдѣянинъ, котораго совершенно разумѣлъ этотъ языкъ: онъ охотно соглашался меня ему учить; но объявилъ мнѣ при томъ, что сей языкъ весьма труденъ и скученъ для ученія. Сіе несчастное объявленіе, хотя отъ желанія моего меня и не отвратило, но для охотнаго въ немъ упражненія, подало мнѣ мысль пригласить къ тому сего мерскаго карла, котораго щедрость моя извлекла изъ бѣдности, и изъ самаго низкаго состоянія въ великолѣпнѣйшее; ибо онъ былъ сынъ конюха моего двора: онъ

мнѣ понравился по причинѣ малаго своего роста, и чернаго цвѣща; ибо онѣ былѣ родомѣ Егѣопѣ. Сей Мурянинѣ, спавѣ осыпанѣ моими благодѣянїями, заплашилѣ мнѣ на мѣсто благодарности зломѣ. Но я, любя его чрезвычайно, не примѣчалѣ злобныхѣ его склонностей; и старался его дѣлать соучастникомѣ во всѣхѣ моихѣ упражненїяхѣ; и такѣ началѣ съ нимѣ учиться вмѣстѣ и Ассирійскому языку. Я учился ему не болѣе года, и завсегда переспыгалѣ Карачуна, кошорый, опѣ лѣносилѣ шо, или имѣя шупѣ моего понятїе, весьма учился мѣдлѣнно.

Первые плоды моего ученїя употребилѣ я на проченїе объявленной мною книги; и хощя, по причинѣ малаго моего въ немѣ упражненїя, не могѣ я разумѣть въ ней всѣхѣ словѣ, но недостапокѣ сей награждалѣ я помощїю найденнаго мною словаря: Первые мои взгляды упали на приложенный къ сей книгѣ листѣ, кошорый различествовалѣ опѣ прочихѣ начертанными золошыми буквами: въ ономѣ предлагалѣ первой, книги сея хозяинѣ, кошорый, какѣ видно по его изясненїямѣ, былѣ весьма добродѣшельный человекѣ, что книгу сію, и съ нею

объ-

объявленный мною словарь, нашелъ онъ въ землѣ, копая колодезь; и усмотря въ ней великую важность, скрылъ ее; и пользовался ею при нужныхъ только случаяхъ. На послѣдокъ, усмотря приближеніе своей кончины, не разсудилъ за благо, оставивъ ее своимъ дѣтямъ, въ которыхъ видѣлъ онъ болѣе пороковъ, нежели добродѣтели; опасаяся, дабы они не употребили ее во зло; ибо она заключаетъ въ себѣ науку Кабалистики, которая владѣтелю ея подаетъ способы дѣлать все то, что ему ни разсудится. Сія же причина и побудила было его сожечь ее: но усмотря, что огонь ее не вредилъ, бросилъ онъ ее въ свинцовомъ ковчегѣ въ море; но когда и вода опказалась ее поглотить, то онъ опредѣлилъ ее, и съ нею вмѣстѣ словарь, закопать въ пустомъ мѣстѣ въ землю; присовокупя къ ней свое завѣщаніе тому, кому по случаю попадется она въ руки; чтобъ онъ не употреблялъ ее во зло другимъ; а въ противномъ случаѣ угрожалъ наказаніемъ, котораго просилъ ему отъ Боговъ.

Сіе объявленіе, продолжалъ Видостанъ, заставило меня съ жадностію и великимъ вниманіемъ прочесть сію книгу.

гу. Я нашелъ въ ней наспавленія дѣлашь всякія невозможности, какія только можно вздумашь, и покоряшь природу своимъ хощѣніямъ. Узнавъ о семъ, вздумалось мнѣ учинить нѣкошорыя малые опышы: видяжъ, что всѣ спихіи волѣ моей покоряются, увѣрился я совершенно въ спариковомъ объявленіи. Сіе понудило меня скрывать ея опѣ всѣхъ: побужденіе шакое весьма спасительно для меня было; но невздержанность моя и не созрѣлый разумъ въ шайнѣ сей мнѣ измѣнили.

Нѣкогда вздумалось мнѣ здѣлашь изъ куска мрамора обезьяну, которую живошворя зашавилъ я првгашь, и забавляшь себя природными симъ живошнымъ рѣзвоспями. Шумъ причиненный ею, побудилъ войши ко мнѣ Карачуна, который случился въ другой опѣ меня комнашѣ. Прыганіе каменной обезьяны привело его въ шакое удивленіе, что онъ ошолбенѣлъ, и спрашивалъ меня съ шрепетомъ о причинѣ сего чуда. Самолюбію моему пріятно было видѣшь его въ шакомъ удивленіи: къ чему присовокупяшь шщеславіе зашавило меня сказать ему, что я ея шворецъ. Сіе объявленіе привело его въ пущее недоумѣніе: онъ

онъ меня началъ усиленнымъ образомъ просить, чшобъ я ему открылъ сію шайну. А я, чшобъ больше еще его удивишь, приказалъ ей передъ глазами его превратиться въ золошаго попугая. Тутъ уже удивленіе его премѣнилось въ страхъ: закричалъ онъ благимъ магомъ, и побѣжалъ отъ меня вонъ; но я его удержавъ, приказалъ шайну сію скрывать отъ всѣхъ.

Между тѣмъ Карачунъ лишаясь мало помалу страха, наполнялся вмѣстопного любопытствомъ: желаяжъ отъ меня увѣдать о семъ таинствѣ, началъ умножать ко мнѣ свои ласкашеслова, кои почишалъ я истинными знаками его ко мнѣ любви. Вскорѣ лукашесловами своими достигъ онъ до своего желанія: объявилъ я ему мою шайну; да и столько еще былъ слабъ, по любви моей къ нему, что дозволилъ ему прочесть нѣсколько страницъ изъ той книги, которую надлежало мнѣ всѣми силами отъ него скрывать. Усмотря важность ея Карачунъ, предпріялъ пользоваться ея наставленіями; но чшобъ не показать мнѣ своего намѣренія, пришворился, что будто онъ не столько еще Ассирійскій языкъ узналъ, чшобъ могъ разумѣть

мѣшь совершенно смыслъ прочитаннаго
имѣ. Чего ради просилъ меня дозволишь
ему чинать ее со словаремѣ, и дѣлать
изъ нее переводы, дабы лучше успѣшь
въ ономѣ языкѣ. Сія его прозьба вселила
было сперва въ меня къ нему подозрѣнїе,
но лукавство его совокупясь съ моею
щедроснїю преклонили меня на его же-
ланїе: я ему дозволилъ дѣлать на себя
оружїе; то есть: переводить волшебную
мою книгу, помощїю коея приключилъ
онѣ мнѣ попомѣ наилучшїи бѣд-
ствїя. Онѣ бы воспользовался ею и безъ
моего позволенїя, естлибѣ не заключала
она закляпїя на похищителей своихѣ,
что кражею своею лишашѣ они ее всей
силы.

Получившижѣ дозволенїе переводитѣ
ее, началъ онѣ выписывать изъ нее все
то, что могло удовольствовать корысто-
любїе его и злость: ибо онѣ чрезвычай-
но былъ скупъ и золъ; хстья казался
чивымѣ и кроткимѣ. И уже списалъ онѣ
ее болѣе половины, какъ пришло мнѣ
на мысль, что онѣ знанїе сіе можетѣ
употребитѣ не токмо ко вреду другихѣ,
но и къ моему собственному; ибо я про-
вѣдалъ, что онѣ многїя дѣлалъ пакос-
ти шѣмѣ людемѣ, которые имѣли не-
счастїе

счастіе хошя мало ему досадишь. Сіе побудило меня книгу мою заперсть, а ему выговорить суровымъ образомъ, что онъ повѣренность моей тайны употребляетъ во зло. Карачунъ старался передомной оправдаться, и лукавствомъ своимъ дошелъ до того, что увѣрилъ меня въ мнимой своей невинности. Впрочемъ книги моей не далъ уже я болѣе ему списывать, опасаясь отъ того худыхъ слѣдствій. Карачуну весьма сіе досадно было: однакожъ онъ сокрылъ отъ меня свое огорченіе. Пришеорство его долго бы можетъ спастись продолжилось, ежелибъ не случилось вскорѣ послѣ того слѣдующее обстоятельство.

Опецъ сего бездѣльника впалъ въ нѣкошорое важное пресшупленіе, за которое родители мой приказалъ его наказать. Сколько Карачунъ ни старался за него, однакожъ не могъ отвратить отъ него наказанія; хотя оно по прозвѣ его и уменьшено было. Сіе столько сторчило карла, что онъ отважился мстить моему родителю, и умертвилъ его наилучшимъ ядомъ. Врачи, бывшіе при его кончинѣ, объявили мнѣ, что онъ отравленъ. Я не зналъ на кого подумать, вѣдая то, что всѣ родители моего

много

мого любили ; пошому чшо онѣ однимѣ шолько преступникамѣ законовѣ дѣлалѣ нѣкошорое зло, наказывая ихѣ иногда строго. И шакѣ, вѣ недоумѣнїи моемѣ, прибѣгѣ я къ помощи моеи книги, кошорая подшвердила миѣ, чшо родишель мой скончался ошѣ яда ; но чшо ядошворца не можешѣ она обѣявишь, ибо онѣ наложилѣ ей молчанїе своимѣ волшебствомѣ. Сїе обѣявленїе подало миѣ сомнѣнїе на Карачуна : я приказалѣ его шопчасѣ къ себѣ позвашѣ, вѣ намѣренїи извлечѣ ошѣ него признанїе вѣ шомѣ мукамѣ. Однако гнѣвѣ мой былѣ уже безплоденѣ : ибо не могли его нигдѣ найши. Побѣгѣ его подшвердилѣ мое подозрѣнїе, и пришомѣ засшавилѣ меня опасашѣся, чшобѣ злосшѣ его непростерлась и на меня. Тогда шо разкаявался я, но уже поздно, чшо подалѣ ему на себя оружіе, ошкрывѣ ему мою шайну. А чшобѣ не подвергнушь себя нечаянному ошѣ него нападєнїю, принялѣ я прибѣжище къ драгоцѣнной моеи книгѣ, кошорая научила меня здѣлать сїю безцѣпную спрѣлу, кошорой никакое волшебство противишься не можешѣ, и коя владѣшеля своего защищашѣ ошѣ нападєнїя духовѣ и человѣковѣ, а пришомѣ не имѣешѣ

не имѣетъ она никакой силы въ другихъ рукахъ, и не можно ею овладѣть безъ моего согласія.

Такимъ способомъ здѣлавъ себя безопаснымъ отъ злоумышленій Карачуновыхъ, предпріялъ я и книгу свою такую же оградить безопасностью: дабы опять не попала она кому, и не произвела новаго мнѣ прошивника. Сія то причина побудила меня построить ещѣ замокъ, и въ немъ сей кабинетъ, который обороняетъ весь сей домъ, и въ немъ живущихъ, какъ я уже вамъ сказывалъ. Въ него то переселился я, и перенесъ сію драгоценную книгу, которая теперь находится въ сей скринѣ. Сюда переселилъ я также часть моихъ придворныхъ, которыхъ вѣрность испыталъ я напередъ такимъ образомъ: приказалъ имъ объявить, что переселяюсь я для живища въ пустыню, и что желающіе слѣдовать за мною, не могутъ ожидать ни чиновъ, ни награжденій, кромѣ спокойной жизни; а которые не поелѣдуютъ мнѣ; я османился въ городъ, шѣмъ опредѣляю я вѣчное жалованье, вдвое больше получаемого ими, и повышаю каждого чиномъ; въ чемъ увѣряю ихъ моимъ словомъ. Сія хитрость, пожеланію моему, имѣла

свое дѣйствіе : изъ двадцати тысячъ придворныхъ, которые при дворѣ моемъ находились, согласилось только сто человекъ за мною слѣдовать, которыхъ вы давѣча и видѣли. Сіи честные люди вѣрностью ко мнѣ своею ничего не потеряли ; ибо довольствуясь здѣсь шакою пищею и платьемъ, какихъ они сами пожелаютъ : а въ увеселеніяхъ также не имѣютъ недоспашка, и почишаютъ себя блаженнѣе сто крашъ богачей живущихъ въ мирѣ. Напротивъ того бѣглецы мои, хотя и получили по обѣщанію моему все, но не долго онымъ пользовались ; ибо лютой Карачунъ, лиша съ способа мнѣ вредить, но желая чѣмъ нибудь мнѣ опмстить, погубилъ ихъ всѣхъ, съ прочими моими поддаными, превратя ихъ городъ въ ужасную гору, на коей вмѣсто деревьевъ растутъ копыя и мечи, а обиваютъ самыя наивирѣпѣйшія змѣи. Я сколько ни старался привестъ въ прежнѣе состояніе сихъ бѣдныхъ людей, но только всѣ мои старанія были безполѣзны.

Ахъ, государь мой ! вскричалъ тогда Свѣшлосанъ : позволь мнѣ прервать твою рѣчь : никакъ, ешу самую гору и видѣлъ я воснѣ, о коей объявлялъ я тебѣ

бѣ въ пустынь; и несчастнаго моего зятя - - - Испорія, его мнѣ уже извѣсна, перехватилъ рѣчь его Видостанъ, и шы объ ней сей же часъ услышишь; не мѣшай только мнѣ рассказывать. И такъ, сей свирѣпый уродъ, сей люшый Карачунъ, недоволенъ будучи мщеніемъ надъ бѣдными моими подданными, предпріялъ спараться всѣми силами и о моей погибѣли. Но видя что я отъ всѣхъ сторонъ безопасенъ отъ его ухищреній, умыслилъ достигъ до того коварства, чего не могъ совершить открытою силою.

Здѣлалъ онъ, силою своего волшебства, привидѣніе подобящееся ему во всѣмъ, копорому приказалъ онъ пойти въ мой замокъ; и раздражилъ меня до того, чтобъ я его предалъ смерти. Что, какъ онъ мыслилъ, такъ и совершилось: привидѣніе поражено было мною саблею, и по пораженіи своемъ сохранило видъ разрубленнаго Карачуна, коего мнимый шрупъ приказалъ я сожечь; и сочелъ тогда себя избавленнымъ отъ всѣхъ его тоненій. Въ такомъ мнѣніи пробылъ я до шѣхъ поръ, пока несчастіе мое не увѣрило меня, что онъ еще живъ.

Между шѣмъ, по прошествіи двухъ мѣсецовъ послѣ сожженія мнимаго Карачунова шѣла, случилось мнѣ бысть на охотѣ: пущенныя гончія собаки въ лѣсѣ, для поднятія изъ норъ пужливыхъ звѣрей, подняли въ маломъ разстояніи отъ меня великой лай, что побудивъ меня и охотниковъ моихъ думать, что онѣ нашли звѣря, понудило насъ къ нимъ скакати. Проѣхавъ нѣсколько сажень, увидѣли мы на деревѣ краснаго цвѣща маршущку, на кошую смонря лаяли мои собаки. Такой цвѣщъ на обезьянѣ показался мнѣ чуднымъ; а наипаче умножилось мое удивленіе, когда сей звѣрокъ началъ кидати на меня печальныя взоры, и шѣлодвиженіями своими спарался мнѣ показати, что онѣ потребуеъ моего покровительсва. Будучи отъ природы жалосливъ, согласился я охотно помочь обезьянѣ: въ слѣдствіе чего приказалъ я собакъ отогнати, а се сняти съ дерева. Когдажъ ее сняли и принесли ко мнѣ, то начала она взглядами и движеніями своими извѣснати мнѣ свою радость и благодареніе, что меня столько пронудило, что опредѣливъ я имѣти ее первымъ моимъ увеселеніемъ. Получа такую хорошую добычу, не хотѣлъ я продол-
жати

жать болѣе охоты, и побѣжалъ въ свой замокъ.

Проѣхавъ въ оный, первое мое спараніе было вслѣшь ее накормить. Сія милость, удвоила веселіе ея и благодарность, копорыя спаралася она мнѣ показашь своими знаками; при всемъ шомъ казались они мнѣ принужденными, и задумчивость ея, копорая за ними послѣдовала, дала мнѣ примѣшшь ея грусть. Я спаралася ее ушѣшшь: но она прижавъ лапы къ своему сердцу воздыхала, и показывая на моихъ придворныхъ, шрепала себя по груди. Сіи знаки заставили меня разсуждашь, чшобъ она хотѣла ими дашь знашь; и на конедъ, по многимъ размышленіямъ, пришло мнѣ въ голову испышашь помощію моеи книги, не человекъ ли какой превращенъ въ нее. Сія мысль споль утвердилась въ моемъ воображеніи, чшо я шомъ же часъ предпріалъ ей здѣлашь опышъ. Чего ради, приведя ее въ сей кабинетъ, взялъ я мою книгу, и сыскавъ въ ней шущашью, копорая научасъ какими словами разрушашь очарованіе, прочелъ ихъ надъ ея головою. Лишь шолько окончилъ я чпеніе, какъ обезьяна исчезла, а вмѣсто ее предшаль передо мною человекъ въ

подобномъ вашему одбѣяніи : онъ бросил-
ся къ моимъ ногамъ, благодаря мнѣ на-
ичувствительнѣйшими словами за пода-
ніе ему прежняго вида. Сіе превращеніе
весьма меня удивило, и побудило любо-
пытствоватъ; кто его привелъ въ та-
кое уничижительное состояніе. Онъ
охотно согласился рассказать мнѣ свою
повѣсть; и объявилъ что онъ Вельдюзь,
Полошскій Князь. Какъ, государь мой!
вскричалъ съ восхищеніемъ Свѣплосанъ,
такъ сподобилъ мой зяпъ? - - - Онъ
точно, онъ испововалъ Видоспанъ; и
вопъ что, по похищеніи его дракономъ,
съ нимъ случилось.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДЮЗЕВЫ.

Сей крылатый змѣй, продолжалъ
Видоспанъ, подхватя его поднялся споль
высоко; что онъ потерялъ изъ вида зем-
лю, и летѣлъ споль быстро; что ско-
рое стремленіе воздуха, и припомъ
ужасъ, захватили у него дыханіе, и ли-
шили чувствъ. На послѣдкѣ, когда онъ
опамятовался, то увидѣлъ себя въ про-
странной каменистой сѣтви; коея кон-
ца не могъ онъ усмотрѣть. Сіе зрѣли-
ще въ такой привело его страхъ, что
онъ

онѣ опять уналѣ въ обморокѣ. Наконецъ, пришедъ въ чувство, рассуждалъ, что ему зачать въ сей крайности: сіе размышленіе завело его въ глубокую задумчивость, изъ которой извлекало его спенаніе. Онѣ оглянулася шуда, откуда оно происходило, но только не могъ ничево усмотрѣть, что страхъ его еще болѣе умножило. Между тѣмъ спенаніе продолжалось, къ коему мало помалу Вельдюзь привыкая, осмѣлился на конецъ увѣдать его причину:

Чего ради слѣдуя на сей жалобный голосъ, пришелъ онѣ къ зеленому камню, на которомъ сидѣла преужасной величины ядовишая жаба. Камень, который она покрывала, препепалѣ подъ нею, и испуская спонѣ, произносилъ иногда жалобъ человеческимъ голосомъ. Сіе чудо опять привело въ ужасъ Полошскаго Князя; однакожъ любопытство его одержало надъ онымъ верхъ. Опважился онѣ увѣдать сію шайну: но не зналъ какимъ образомъ то учинишь; сомнѣвался онѣ спрашивать о томъ у камня, думая, что онѣ ему опвѣтсиповать не можетъ, хотя и произпосилъ нѣкоперыя слова на Персидскомъ языкѣ; но другой дороги къ узнанію сего чуда
ему

ему не оставалось. Персидскій языкъ онъ разумѣлъ, и такъ не трудно ему было на ономъ изъясниться: чего ради при-
сшупя къ нему, спрашивалъ его, что онъ такое, и о чемъ приносилъ жалобы. Я былъ подобный шебъ человекъ, опш-
вѣшествовалъ ему камень; и жалуюсь на несчастное мое состояніе, въ которое привелъ меня люпый волшебникъ со всеми моими подданными. Ежели сердце швое, присовокупилъ онъ, удобно къ жалости, ешлы человеклоубіе природно шебъ, незнакомецъ! такъ избавь несчастнаго Владѣшеля опъ сего ужаснаго бременя, которое его шерзаетъ, и очарованіе его удерживаетъ. Какъ же я могу ешо здѣлать, спрашивалъ его Вельдюзь, коего робосъ при каждомъ камневѣ словѣ усугублялась? Ешо ни мало не мудрено: опшвѣшествовалъ ему камень; вооружись шолько безспрашїемъ, и збрось съ меня ужасную сію жабу.

Прозьба сія весьма поколебала смѣлосшь Вельдюзеву: боялся онъ опшважїшся на шоль опасное предпрїяшїе, которое самому ему угрожало смертїю. Онъ бы скорѣе покусился на оное, ежелибъ имѣлъ при себѣ оружіе; но похищеніе его случилось въ шакое время,

когда

когда онъ къ браку, а не къ сраженію
 готовился: слѣдственно и вооружаясь
 не имѣлъ причины. Долго сожалѣніе его
 боролось съ робостью: выискивалъ онъ
 разные способы погубить лягушку; иног-
 да хватался за камни, копорыми усы-
 пана была степь, но и шѣ отказыва-
 лись ему въ помощи; ибо не могъ онъ
 никакъ опдѣлить ихъ опъ земли. Ме-
 жду шѣмъ камень не переспавалъ его
 просить обѣ избавленія своемъ словами и
 спенаніемъ, что въ Вельдюзѣ умножало
 сожалѣніе, и перзаніе совѣсти, копо-
 рья его укоряли медлѣніемъ въ спомо-
 щеспвованіи несчастному. Приходило ему
 на мысль, что бѣдная его Милослава, и
 онъ самъ, могушъ подвергнуться подоб-
 ному заключенію; вообразилось ему и
 то, что хотя онъ и не подастъ сему
 несчастному помощи; однакожъ не избу-
 дешъ смерти, которую бесплодная сія
 пусыня ему пріугопояляетъ; припом-
 нилось ему и пророчество Полелино, ко-
 торое по шѣхъ поръ не обѣщало ему съ
 невѣстой его благополучія, пока не спа-
 сешъ онъ столько же несчастныхъ Кня-
 зей, сколькохъ лишилъ онъ жизни сво-
 имъ свирѣпствомъ. Сіи размышленія,
 начали напослѣдокъ укрѣпляшъ его

смѣлосць, и ласкашь надеждою, что онѣ
посупкомѣ симѣ можетѣ нѣсколько
умилоспивишь разгнѣванныхъ на него
боговѣ.

Ушвердясь въ сихъ мысляхъ, и при-
звавъ на помощь Чернобога, подошелъ
онѣ смѣло къ Жабѣ, дабы сорвать ее съ
камня. Лягушка усмошрѣвъ его намѣре-
нїе, начала ужаснымъ образомъ дуться,
и бросая на него пламенные свои взгля-
ды, ушрашала его изbleванїемъ на него
яда, копорымъ она вся была наполнена.
Сїе нѣсколько было его поощановило,
но Бѣлый его Духъ, приспавленный къ
нему для побужденїя на добрыя дѣла,
умножая въ немъ сожалѣнїе, возбуждалъ
его къ безспрашному исполненїю его
предпрїятїя. Воспаленный поощренїемъ
его Вельдюзь, бросился безъ спрахъ на
Жабу, и схващя ее шацилъ съ камня, за
копорый она весьма крѣпко держалась.
Сколько упошреблялъ Полочаннѣ силы
на сорванїе ее, сполько она его грызла и
зїяла на него пламенемъ для опогнанїя
его. Однако же Вельдюзь сколько ни
былъ ею шерзаемъ, не оставлялъ ее: а
наконецъ ополчяся всѣми силами, сор-
валъ ее съ камня. Тогда лягушка, пре-
вращясь въ превеликаго слона, вскричала
къ

ѣбъ нему преужаснымъ голосомъ: ны побѣдилъ, несчастный! и разрушилъ очарованіе сего Персіянна, и его подданныхъ; но за то самъ претерпишь мести отъ моего повелишѣя люпѣйшую спю крапѣ его наказанія. Окончавъ сіи слова слонъ, схватилъ его своимъ хоботомъ, и помчался съ нимъ весьма быстро.

Великодушный Вельдюзь, хопя и обманулся въ своемъ мнѣніи, что спася друга уменьшилъ свое несчастіе, однакожь не каялся, что избавилъ Государя съ цѣлымъ его владѣніемъ отъ вѣчнаго спона: и соглашался охотно потерять свою жизнь за спасеніе многихъ несчастныхъ. Едва сіе онъ подумалъ, какъ услышалъ слѣдующія слова, снисшедшія отъ пламеннаго облака: *Злоба привлекаетъ наказаніе, а добрая дѣла награжденіе*; и въ самое то время слонъ исчезъ, а онъ очутился въ прекрасной долинь, копорая усыпана была благоуханными цвѣтами, и окружена плодоносными деревьями. При видѣ сего пріяпнаго позорища спрахъ его исчезъ, и наступила радость: палъ онъ на колѣни, и приносилъ благодарность свою всѣмъ Богамъ; а наиболѣе тому, который его, шоль чудеснымъ образомъ, изпоргнулъ изъ челюстей смерти.

По принесеніи своей молитвы, сѣлъ онъ подъ дерево для отдохновенія, наслаждаясь припомъ онаго плодами: скоро послѣ того заснулъ его сонъ; ибо солнце склонилось тогда уже къ морю. Отдохновеніе его продолжалось спокойно до самой зари, и уже Фебъ началъ показывать блистательные свои лучи, какъ онъ почувствовалъ, что нѣчто за пазухой у него шевелился; проснувшись отъ того увидѣлъ онъ, что это кроликъ, который искалъ у него спасенія отъ волка, гнашагося за нимъ, и бывшаго отъ нихъ уже неподалеку. Храбрый Вельдюзъ, почувствовавъ къ сему малому звѣрку сожалѣніе, вспалъ тотчасъ, и вознамѣрился его защищать; но не имѣя оружія, принужденъ былъ схватить камень, который по счастію ему попался. Однимъ поразилъ онъ столь сильно хищнаго звѣря, что разпянулся тотъ мершвъ передъ его ногами. Въ то самое время избавленный кроликъ превратился въ прекрасную дѣвицу, которая имѣла зеленые волосы, а платье лазореваго цвѣта. Я чрезвычайно много шобою одолжена, великодушный иностранецъ! сказала она Полошскому Князю: и подущу за услугу швою тебѣ заплащивъ, предшавя

представя себя моей шепкѣ, которая неподалеку отсюда живеть; она волшебница, и можеть услужить тебѣ при нужномъ случаѣ. Я уже довольно заплаченъ, сударыня, опвѣщивовалъ ей удивленный превращеніемъ ся Вельдюзь, услуживъ такой прекрасной особѣ какой ты, и почту себѣ за большое одолженіе, ежели ты удостоишь мнѣ сказать, кому я имѣлъ счастье помочь, смертной или Богинѣ; ибо по виду швоему нельзя себя иначе сочестъ, какъ безсмертною.

Ты не совѣмъ ошибся, опвѣчала она: я Наяда, Нимфа недалеко шекущаго отсюда источника, а ешотъ волкъ, опъ котораго ты меня избавилъ, былъ Саширъ здѣшнихъ лѣсовъ. Ты самъ вѣдаешь, продолжала она, сколь сіи живошныя влюбчивы. Ешотъ уродъ безпокойлъ не шокмо одну меня, но и всѣхъ моихъ подругъ своею любовію; однакожъ ни одной изъ насъ не могъ прельстить гнусною своею харею; всѣ его презирали, и ругались козлиными его предестями. Ешо шолько его разсердило, что онъ опредѣилъ достать то шилою, чего не могъ получить по склонности. Я была изъ всѣхъ ша несчастная, надъ коше-

рой вздумалъ онъ оказашь свое свирѣтство. Завсегда искалъ онъ случая найши меня одну; что ему и удалось было сегодня; но храбрая твоя рука спасла меня отъ его наглости. По сихъ словахъ Нимфа начала было снова благодарить Вельдюзя, но онъ просилъ ее досказашь ея приключеніе, начто она въ угодность его и согласилась.

Сегодня проснувшись я, продолжала она, противъ обыкновеннаго очень рано, вздумала прогуляться пользуясь ушреннимъ воздухомъ, какъ сей мерскій Саширъ, кошорый безпрестанно меня караулилъ, давъ мнѣ удалиться отъ моего испочника, напалъ на меня нечаянно. Я дерзость его заплапая напередъ пощочиною, предпріяла отъ него спастись бѣгствомъ; а чшобъ лучше отъ него скрыться, приняла я на себя видъ кролика, и бросилась въ кустарникъ. Но лѣшей примѣшя мою хипроснь, и превращаясь и самъ въ волка, погнался за мною; и конечнобъ меня поймалъ, еспльибъ помощь твоя не предускорила его дерзости.

Я очень радъ, сударыня, сказалъ ей Вельдюзь по окончаніи ея повѣсти, нашедъ случай шобъ услужить; только дивлюсь

диваюсь, какая сила помогла мнѣ ли-
шишь жизни сего Полубога. Я и сама
ешому дивилась, присовокупила Нимфа;
да и теперь сего не поспигаю. Попомѣ по-
думавъ нѣскольکو спросила у Вельдюзя,
не имѣетъ ли онѣ при себѣ какой вещи,
которая силу его умножаетъ. Нѣтъ, ни
какой, отвѣтствовалъ Полочанинѣ. По-
спой! вскричала она увидя на рукѣ его
перстень: покажи мнѣ свою руку. Вотъ
онѣ по тебѣ помогъ, продолжала она
указывая на перстень; гдѣ ты его до-
сталъ? Отъ мащери моей, отвѣтство-
валъ Князь. Онѣ мой прежде былъ, ска-
зала Нимфа осматривая его прилѣжно.
Я не скажу тебѣ, продолжала она закра-
сившись, откуда я его получила; а ска-
жу только то, что играя въ нашемъ
источникѣ съ моими подругами, сронила
я его съ руки. Въ самое то время при-
шли къ намъ на берегъ промышленники
искать жемчужныхъ раковинѣ, кои въ
источникѣ нашемъ родятся; они видно
нашедъ мой перстень продали; который
переходя изъ рукѣ въ руки, достался
на послѣдокъ швоей мащукѣ. Я бы отъ
тебя спала его пребовать, естлибъ
ты не услужилъ мнѣ споль много; ибо
перстень сей кромѣ того, что подаетъ

чрезвычайную силу шѣмъ, которые имъ владѣюшъ, имѣющъ еще и другое дарованіе. Обороти его къ ладонѣ своей камнемъ, продолжала она. Вельдюзь ей повиновался: и въ самое то время увидѣлъ передъ собою крылатога коня, который его спрашивалъ, куда прикажетъ онъ ему себя везти. Никуда шеперь, отвѣтствовала ему Нимфа, прося припомъ Полошскаго Князя, чшобъ онъ опяшь поворошилъ камнемъ къ верху: что когда было учинено, то конь паки спалъ невидимъ.

На этой лошади довольно я побѣдила, говорила Нимфа удивленному Вельдюзю улыбаясь; а шеперь ты на ней можешь развѣзжашъ, сколько изволишь. Полочанинъ благодарилъ ее за столь важное для него увѣдомленіе: на что Нимфа опозвалась, что мало бы она ему возблагодарила, ежелибъ однимъ только симъ объявленіемъ ограничила свою благодарность. Я хочу тебя познакомить съ моею шепкой, присовокупила она: побѣжай ты шеперь къ ней на своемъ крылатомъ конѣ; ибо онъ всюду самъ дорогу знаетъ, лишь только назначъ ему куда ѣхашъ. Я тебя стану у нее дожидаться, ибо я прежде тебя къ ней поспѣю. Проговоря сіе Нимфа исчезла, а Вельдюзь, удивляя-

ся сему приключенію, оспался. разсуж-
дашь, Ёхашь ли ему къ волшебницѣ, ко-
торая ему была совѣмъ не знакома.
Наконецъ подумавъ, что Нимфа непре-
минешъ его ей препоручишь, и что вол-
шебница можешъ ему при нужномъ слу-
чаѣ помочь, вознамѣрился къ ней Ёхашь;
чего ради обѣрошилъ свой перспень кам-
немъ къ ладопѣ, какъ Нимфа его научи-
ла, чпобъ вызвать изъ него крылашаго
коня.

Конь пошчасъ явился, и спрашивалъ
у него, куда прикажешъ онъ себя везти:
къ шешкѣ епой Нимфы, сказалъ Вельдюзь,
которой пы прежде служилъ; и коя давѣча
со мною разговаривала. Очень изрядно;
ошвѣпсшвовалъ ему конь: пы будешъ
шамъ въ минушу. Вельдюзь сколько уди-
влялся его разговорамъ, споль не менѣе и
виду; ибо цвѣшъ его шерсти подобился
бѣлизною своею сиѣгу, станъ имѣлъ онъ
полной и спашной, голову гордую, укра-
шенную густою гривою, состоящею изъ
золотыхъ волосовъ, и которая перевиша
была голубыми леншамы, и по мѣшамъ
блистала дорогими каменьями; хвостъ его
изъ шакныхъ же былъ волосовъ какъ и грива,
и украшенъ былъ подобно; крылья имѣлъ
онъ весьма пространныя, состоящія изъ
бѣлыхъ,

Сѣлыхъ, розовыхъ, и золотыхъ перьевъ, весьма прекрасно расположенныхъ; копыта у него были золотыя же; а глаза ево блистали такъ какъ звѣзды; уди, чепракъ, и сѣдло ево усыпаны были крупнымъ жемчугомъ и бриллиантами. Скажи мнѣ о своемъ происхожденіи, говорилъ ему Полошскій Князь: въ разсужденіи пшоего вида и свойства, и богатого убора, должно бышь оно не мало важно. Ты не обманулся, отвѣщивалъ ему конь: я внукъ шого славнаго коня, который родился изъ крови Медузиной, когда Персей опрубилъ красавицѣ сей голову. Музы меня весьма любили: чему позавидовавъ Фортуна, лишила меня ихъ милости самымъ страннымъ образомъ.

Нѣкогда поѣхала на мигъ Калліона, продолжалъ конь, къ нѣкопорому славному Вишязю на поклонѣ съ Одою, приказавъ мнѣ, какъ можно поскорѣе скакашь, желая заспать его дома. По несчастію моему дорога къ нему была очень круша и бугриста, на которой я спешкнувшись упалъ, и сшибъ съ себя Музу, которая въ паденіи своемъ вывихнувъ себѣ ногу, не осмѣлилась поѣхашъ къ своему Герою, бояся бышь осмѣянною шамъ

шамъ. Сіе столько ее разсердило, что Оду свою въ пошъ же часъ она изорвала, а меня заключила на вѣчное жилище въ епошъ персень. Вотъ сколь опасно б малымъ раздражись риемошворное живое! Сей персень подарила она пошомъ своему любовнику: а пошъ епой Нимфѣ, которая давѣча съ тобою говорила. Далѣе Исторіи своей я не знаю; пошому что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Нимфа въ послѣдній разъ велѣла мнѣ войти въ сей персень, невидаль я свѣта до самаго ешого дня, и невидаль въ чьихъ рукахъ я находился. Теперь я швой слуга, продолжалъ онъ: ибо рокъ мой таковъ; что кто епошъ персень имѣеть, пошъ мною и повелѣвать можеть.

По окончаніи своей повѣсти провилъ онъ Вельдюзя, чтобъ онъ на него сѣлъ, и испыталъ его быспропу. Полотскій Князь не умѣдлалъ желаніе его исполнить; а конь помчался быспрѣ всякой спрѣлы, и принесъ его чрезъ нѣсколько минушъ въ волшебницуынъ замокъ, которынъ въ красопѣ, по описанію Вельдюзеву, говорилъ Видоспанъ; малымъ чѣмъ моему усшупаетъ.

Волшебница и племянница ея, которая шунъ уже была, встрѣшили его
очень.

очень ласково, и осыпали учтивостями за храбрый его поступокъ съ Саширомъ. Проводя его въ покой, спарался всѣмъ и шѣмъ угостить, что вкусъ и обоняніе могутъ изобрѣсть наилучшаго. Послѣ чего просили Вельдюзя, чшобъ онъ объявилъ имъ, какому человѣку одолжены онѣ шоль важною услугою, копорую онъ имъ показалъ; въ чемъ онъ ихъ пошчасъ и удовольствовалъ. По выслушаніи его повѣсти, извяснили онѣ ему свое сожалѣніе о его несчастіяхъ: при чемъ волшебница обѣщалась ему во всемъ помѣ приниматьъ участіе, что до него касаться ни будетъ. Во исполненіе чего пошъ же часъ разоелала она Сильфовъ развѣдать о судьбѣ его невѣсты; и что ежели они ее найдутъ, шобъ принесли ее немѣленно къ нимъ въ замокъ.

Сильфы пошчасъ полетѣли, а Вельдюзь остался благодарить Преврашу за ся попеченіе, копорое она о дѣлахъ его принимаетъ. Благодарность моя очень бы умѣренна была, опшѣствовала ему волшебница, ежелибъ я се ограничила одною сею услугою. Я хочу шобъ услужишь такъ, чшобъ по крайней мѣрѣ могъ шы всегда памятовать, что услуга моей племянницѣ, а шѣмъ и мнѣ,

инѣ, услужилѣ не неблагодарнымѣ. Послѣ того шопнула она ногою, проговоря нѣсколько словѣ : отѣ чего шопчасѣ полѣ вѣ комнашѣ раздвинулся, а изѣ опверспїя явился предѣ нихѣ Арапѣ, имѣя вѣ рукахѣ вооруженїе изѣ чиспаго золота; то еспѣ: доспѣхѣ, щипѣ, копье, лукѣ и колчанѣ со стрѣлами. Указывая на оное Преврата, вошѣ чѣмѣ, говорила она Вельдюзю, хочу я свидѣпельспвовашь тебѣ мою благодарносшь: епо вооруженїе зашишишь тебѣ отѣ пораженїя всякаго человѣка; еспѣли шолько прошивникѣ швой выше человѣческой силы чего при себѣ имѣшь не будешѣ. Епо все принадлежало бѣдному моему мужу, котораго погубилѣ люшый волшебникѣ, нашѣ непрїатель. Ешопшѣ злодѣи никогдашѣ не могѣ одолѣшь моего супруга, ежелибѣ у него не украли препоясанїя и меча обвороженнаго, которые имѣли вѣ себѣ чрезѣспеспвенную силу, и сохраняли его отѣ всякаго волшебспва. Вѣ прочемѣ не совѣмѣ оно лишилось своей силы: кромѣ того чшо не провзиспельно, возбуждаешѣ оно великую храбросшь вѣ шомѣ, кшо его на себѣ имѣешѣ, и при шомѣ умножаешѣ весьма силу. И шакѣ, пожалуй прїими его отѣ меня, продолжала

жала волшебница, въ знакъ моей къ тебѣ благодарности; и надѣнь его теперь же на себя для предосторожности отъ всякаго неожиданнаго случая. Вельдюзь поблагодаря ее за ея подарокъ, надѣлъ на себя вооруженіе; и когда онѣ гоповились описывать его въ немъ пригоштво, по въ самое то время, прилетѣвшей одинѣ изъ посланныхъ Сильфовъ, привлекъ ихъ на себя вниманіе.

По смущенному его виду заключили было они, что онѣ Милославы не нашолъ: чего ради волшебница начала уже было ему и выговаривать за его несправность. Но отвѣтъ его привелъ ихъ всѣхъ въ такое удивленіе и ужасъ, какихъ они не ожидали; ибо онѣ объявилъ, что Милославу нашолъ онѣ на островѣ, узнавъ ее попому описанію, какое ему объ ней сдѣлали, и рассказавъ ей о своемъ посольствѣ, хотѣлъ ее взять, и къ нимъ понести, какъ въ самое то время прѣхалъ къ нимъ въ колесницѣ, запряженной Аспидами, ужасный Исполнѣ, который у него вырвавъ изъ рукъ Милославу, увезъ ее съ собой. А онѣ, не имѣя силы ей пособить, принужденъ былъ летѣть назадъ, чтобъ уведомить ихъ о семъ печальномъ заключеніи.

Когда

Когда Сильфъ окончилъ свое повѣ-
сшвованіе, то Вельдюзь, возбуждаемый
любовію и негодованіемъ, предпріялъ
гнашья за симъ покишишѣлемъ. Волшеб-
ница спаралась его уговорить, чшобъ
онъ не вдавался безъ размышленія въ
опасность; и обѣщалась напередъ развѣ-
дать, кто таковъ сей покишишѣль, и
помомъ уже упопрѣбишь хопѣла при-
личные способы къ освобожденію Мило-
славину. Но Полочанинъ, горя пеперпѣ-
ніемъ, поблагодаря ее приличнымъ обра-
зомъ, пошелъ отъ нее, и сѣвъ на кры-
лашаго своего коня, приказалъ ему гна-
шья за Исполномъ, котораго и нагналъ
онъ вскорѣ надъ сею ужасною горою, въ
которую превращены мои подданные.

Неустрашимый сей Князь, увидѣвъ
любезную свою Милославу въ рукахъ у
спрашнаго сего Волопа, успремился на
него съ копьемъ, думая его онымъ сра-
зить; но въ самой пошѣ мигъ Исполинъ
зинулъ на него пламенемъ, которымъ
обжегъ у него шу руку, на которой
былъ перспень: Вельдюзь почувсшвовуя
боль, опдернулъ ее къ себѣ: отъ чего
повернувшись у него перспень камнемъ
въ верхъ, принудилъ крылашаго коня
скрышья, а всадникъ полешѣлъ спрем-
главъ

главѣ на ушыканную копьями и мечами гору.

Спенаніе и вопль Милославы, копорыя послѣдовали за его паденіемъ, представили ему смерть ужаснѣйшею: страшная гора гошоваила ему неизбѣжимую кончину, копорая бѣдную его невѣспу оставляла на вѣкѣ во власти у люшова Волоша. Низверженный Вельдюзь началъ призывашъ на помощь и Боговѣ и людей, но всѣ его слова погибали на воздухѣ бспполѣзно. Уже паденіе его оканчивалося: свирѣпые змѣи подняли головы, и разинули свои пасти, чтобѣ его разперзашъ: уже коснулся онѣ оспреямѣ копей и мечей, какѣ множество Сильфовѣ подхвапая его, опнесли кѣ волшебницѣ его пріятельницѣ, копорая увидя его, выговаривала ему ласковымѣ образомѣ за его спремленіе и дерзоспъ, сѣ какою онѣ отважился напаспъ на шакого врага, когото она сама прещещѣ.

Едва она окончила сїи слова, какѣ ужасный громѣ и молнїя, сорвали сѣ покая, вѣ коемѣ они находились, крышку: и вѣ самое шо время сѣ превеликимѣ вихремѣ слешѣлѣ кѣ нимѣ Исполнѣ, копорый обратясь кѣ Вельдюзю, сказалѣ ему страшнымѣ голосомѣ: Дерзновенный!

шы осмѣлился оппимать у меня мою невольницу, и напасъ на меня по срединѣ воздуха: но будучи мною сверженъ, убоаяся умереть. Ты не спойшь по прусоспи швоей смеръши; но за дерзоспъ швою неспешъ и жизни; и за то и другое долженъ ты прешерпѣшь такое состояніе, которое заспавишь тебя ужасашься и живоща и смерши. По окончаніи сихъ рѣчей засвиспаъ онъ преужасно: тогда предстало предъ него шесперо прешерскихъ карловъ, копорымъ приказавъ онъ ободрашь сѣ него вооруженіе; а першень его взявъ къ себѣ. Послѣ того прешептавъ нѣчто, взявъ Вельдюзя за ногу, и бросилъ въ отверстіѣ покоя..

Успрашенный Вельдюзь, лептя изъ покоя въ рошу, коею окруженъ былъ волшебницынъ замокъ, почувспвовавъ въ себѣ легкоспъ, и обрапя на себя глаза увидѣвъ, что онъ болѣе не человекъ, но обезьяна. Сіе горестное превращеніе споль его опечалило, что онъ охотно соглашался тогда потерять и жизнь свою. Но живополубіе принудило его схващипсь за вѣтви дерсвѣ, между коихъ онъ упалавъ. По счаспю его схващипся онъ за нихъ такъ удачно, что

паденіе его онѢ оспановили. Свойство новаго его соспоянїя способствовало ему безвредно слезши съ дерева на землю, на которую сошедъ вдался онѢ въ превеликую печаль. Но страхъ воспрепятствоваль ему быти долго въ такомъ мѣстѣ, подлѣ коего находился ужасный его неприятель. Побѣждалъ онѢ ошпуда, проклиная Исполвна, и шужа о бѣдной своей прїятельницѣ, коей волшебникъ непреминетъ мстити за его избавленіе. Напослѣдокъ, бѣгая около двухъ мѣсцовъ по лѣсамъ, добѣжалъ онѢ до моего замка, гдѣ напавъ на него мои собаки, принудили его взлезти на дерево, и дожидаться моей помощи. Вотъ всѣ приключенїя твоего зянїя, продолжалъ Видостанъ говоря Свѣтлосану; а окончаніе ихъ я уже тебѣ рассказалъ; теперь оспалось мнѣ досказати тебѣ мою Историю.

ОКОНЧАНІЕ ИСТОРИИ ВИДОСТАНОВОЙ

Несчастїя Вельдюзевы пронули меня, и возбудили во мнѣ къ нему любовь и сожалѣніе. Я вознамѣрился ему помочь, чего ради прибѣгнуль я къ кольцу, которое ты видишь у меня на рукѣ: я
его

его сдѣлааь помощію моеі книги; оно заключаешь въ себѣ, такова Духа, копорый увѣдомляешь меня обо всѣмъ, о чемъ я ни спрошу. Сей Духъ, будучи мною вопрошенъ о непріятелѣ своего зятя, отвѣтствовалъ мнѣ, что хотя объ немъ онъ и вѣдаешь, но не смѣешь мнѣ объявить. Я хотѣаь увѣдашь о семъ опъ книги моеі, но и она мнѣ поже отвѣтствовала; прибавляя къ тому, что сдѣлано на шайну сію такое заклятіе, копорому и самъ Князь Духовъ прошивишься не въ силахъ. Не могъ я подумашь на Карачуна; ибо привидѣніе его, заколошое и сожженное мною, обнадеживало меня, что нѣшъ его болѣе па свѣшъ; по чему я и заключиаь, что ешо былъ другой какой нибудь волшебникъ.

Между тѣмъ, дни черезъ при послѣ сего приключенія, нѣкто изъ придворныхъ моихъ объявилъ мнѣ, что прохаживаяся въ рощѣ, внѣ моего дворца, сошелся онъ съ молодымъ человекомъ, копорый, выпрося у него о господинѣ замка, просилъ его увѣдомить меня о себѣ, и испросить дозволенія передъ меня предстать, объявляя припомъ, что въ помощи моеі имѣшъ онъ превеликую нужду. Человѣколюбіе мое склонило ме-

ня

ня потчасъ согласишься на его прозбу: я приказалъ его привести къ себѣ, что въ потъ же часъ и исполнено было. Какъ скоро онъ ко мнѣ вошелъ, то по-валясь мнѣ въ ноги, просилъ себѣ моего покровительсва. Я его поднявъ, обна-деживалъ моею дружбою, и просилъ его сказаць мнѣ, въ чемъ ему могу услу-жишь. На что онъ мнѣ отвѣщивовалъ, что Исторію свою желаетъ мнѣ расска-затъ на единѣ. Чего ради приведши его въ сей кабинетъ, просилъ его вторично сказаць мнѣ свою повѣсть, въ чемъ онъ меня потчасъ и удовольсвовалъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ХИТРАНОВО.

Я называюсь, говорилъ онъ мнѣ, Хитранъ, опечество мое Китай: а жиню моею одолженъ я Богдохану. Я былъ одинъ сынъ у моего опца, и былъ онъ всегда благополученъ, ежлибъ не имѣлъ у себя сеспры, коюрая всему моему не-счастію причина. Не удивляйся, Государь, примовилъ онъ, моимъ словамъ: слѣдо-ваніе моею повѣсти докажетъ тебѣ, что я имѣю причину такъ говоришь.

Сестра моя продолжалъ онъ, име-чемъ и свойсвами Асста, имѣла у себя
многихъ

многихъ жениховъ, подданныхъ и союзныхъ намъ Государей: но только не хотѣла ни съ кѣмъ изъ нихъ вступить въ бракъ. Я вопрошалъ ее иногда о причинѣ ея отвращенія къ замужству, на что она отвѣщивала мнѣ одниemi только слезами. Но нѣкогда вздыхая мнѣ говорила, что она и сама любивъ, но не изъ шѣхъ, которые къ ней свашаются, а шакова, который о любви ея къ себѣ ничего не знаетъ, и можетъ быть самъ прельщенъ уже другою. Я не зная совѣмъ, о комъ она говорила, спрашивалъ ее, кто онъ шаковъ, и дозволяетъ ли его состояніе вступить ей съ нимъ въ супружество. Сіе то и причина моей гонимости, отвѣщивала она, что не могу я ласкаться имѣиъ его мнѣ мужемъ; но что касается до его состоянія, то онъ шакой же знатной крови, какъ и я, и столь прекраснъ, какъ ты. По сихъ словахъ она покраснѣлась, и пошупила глаза свои въ землю. Я старался дойти мысленно до того предмѣта, которымъ сердце ея воспалилось; но не могъ ни на кого помыслишь пошому описанію, какое она мнѣ сдѣлала.

Между шѢмѢ приходилъ потѢ день, въ который мысли ея къ моему несчастію открылись. Я былъ влюбленъ въ дочь перваго Министра моего родителя: любовь моя была до шѢхѢ порѢ тайна; но тогда открылась она къ неблагополучію нашего дома. НѢкогда прохаживался я съ моею любовницею въ саду нашего дворца: наконецъ походя довольное время и уснувъ, вошли мы въ пещеру, которая раздѣлялась на нѢсколько жилищѢ. Въ одномѢ изѢ оныхѢ отдыхая, началъ я любовницѢ моей извѣснять жарѢ моеи любви: обыкновенныя рѢчи любовниковѢ, ласкающихся къ своимѢ возлюбленнымѢ. Долго бы я пробылъ въ семѢ упражненіи, еспылавъ причинившейся шумѢ, въ другомѢ покоѢ пещеры, не пресѢкъ монхѢ удовольствій, и не принудилъ шуда пойти, дабы увѢдашь онаго причину. Не мало я удивился увидя геспру мою лежащую шамѢ въ обморокѢ. Не приписывая ничему кромѢ болѢзни сей ея припадокѢ, спалъ я помогашь ей, и спараніями моими привелъ ее вскорѢ въ прежнее чувствво. Когда она опамятовалась, шо проливъ напередѢ нѢсколько слезѢ, начала мнѢ выговаривашъ нѢжнымѢ образомѢ за приключеніе ей сего

при-

припадка, приписывая оной любви моей къ паксей особѣ, копорая недостойна моей горячности, имѣя ниже моего сопояніе. Слова ея не инако я сочелъ, какъ дѣйствиємъ ея честолюбію и гордости; по оныя были дѣйствиємъ напозорнѣйшей спраси, гнуснѣйшей обѣихъ сихъ пороковъ.

Сіе приключеніе принудило насъ оставишь садъ, и возвратишь въ покои нашего дворца, куда долженъ былъ я проводишь по благоприспойности сестру мою. Во время нашей дороги спаралася сестра моя отвратишь меня опъ моею обладапельницы всѣми силами: по опрачивая любовь мою къ ней, по охуждая качества ея и поступки. На послѣлокъ видя, что я несогласяюсь съ ея желаніемъ, сказала мнѣ сердитымъ голосомъ, что она не потерпиаъ, чтобъ я справилъ нашу породу шоль низкимъ союзомъ. И тошже день опкроетъ нашему родителю о любви моей. Сказавъ сіе ушла опъ меня поспѣшно, и почно въ самой тошъ день объявила Богдохану о моей спраси. Но родитель мой, призвавъ меня къ себѣ, и услыша о сильной моей любви, смягчася припомъ моими слезами и прозьбами, соизвоилъ на мое желаніе,

желаніе, чшобъ я совокупился бракомъ съ моею любезною; хотя и намѣрился было сперва женить меня на дочерѣ нѣкотораго союзнаго намѣ Гесударя.

Принеся ему тысячу благодареній, вышелъ я отъ него въ превеликомъ восхищеніи, и побѣждалъ къ моей любовницѣ сообщать ей сію радостную вѣдомость. Препроводя съ нею нѣсколько минушъ въ непрерывныхъ восторгахъ и восхищеніяхъ, вздумалось миѣ пойти къ моей сестрѣ, чшобъ огорчить ее сею вѣдомостію, и наказашъ за то, что она хѣтѣла меня разлучить съ моею любезною.

Пришедъ къ ней, объявилъ ей съ радостнымъ лицемъ соизволеніе моего Родителя. Вѣсть сія сполько ее поразила, что она упала безъ памяти. Я старался ей помочь: она сошворя смутные свои глаза, смотрѣла на меня долго проливая слезы. Попомъ, выславъ всѣхъ служителей изъ комнаты, просила меня сѣсть подлѣ себя, и пожимая мою руку нѣжнымъ образомъ, кропляла ее слезами, вздыхая припомъ непрестанно. Ахъ! вскричала она на послѣдокъ: для чего твое сердце не таково же какъ и мое? Не шѣмъ ты миѣ, жестокой, плашишь,

плашишь, продолжала она, чего достойна любовь моя къ тебѣ! Я не пожалѣю пролить всей моей крови за одинъ твой взглядъ, за одно твое ласковое слово, копорыми пользуешься опъ себя непрестанно недостойная твоя любовница. Любовь моя къ тебѣ такова, какую никто, и ни къ кому еще не воспламенялся. Постой! продолжала она, видя мое удивленіе и желаніе прервать ея рѣчь, дай мнѣ выговорить тебѣ все, что чувствуешь моя душа. Такъ, ты не обманываешься, ежели усматриваешь въ словахъ моихъ такую къ себѣ любовь, какой сеспрамъ не позволено имѣть къ братьямъ. Я ее чувствую къ тебѣ, и споль сильну, что ни сами Боги не въ силахъ ее вырвать изъ моего сердца. Она одна составляетъ все мое на свѣшъ блаженство: безъ нее и жизнь бы моя была мнѣ несносна; и смерть мою основываетъ одна только надежда получить когда нибудь твое соопвѣтствіе. Вошь моя тайна, копоруюкъ тебѣ никогда я не открыла, ежелибъ самъ ты непринудилъ меня къ етому. Теперь не оспасаешься мнѣ инаго тебѣ сказать, какъ просить твоего опвѣща, копорой ты можешь учинать вонзя въ меня сей кинжалъ.

жалъ , или въ сердце недостойной моей соперницы.

Сие нечаянное ея опкрытіе привело меня въ такое недоумѣніе , отъ коего долго не могъ я освободиться ; на послѣдокъ началъ я ее уговаривать , чтобъ она оставила сію безумную страсть , которая кромѣ стыда и безчестья ничего ей не можешь принести . Слова мои , которыя лишили ее всей надежды , привели ее въ ужасное бѣшенство : она начала рыдать , проклиная мою любовницу , и дѣлать все то , что свойственно въ такихъ случаяхъ бѣшенымъ женщинамъ . На послѣдокъ , выхвативъ у меня кинжалъ , хотѣла пронзить себѣ грудь , до чего однакожь я ее не допустилъ , сколько она ни старалась намѣреніе свое исполнить . Я угрожалъ ей , что позову ее служительницъ , и увѣдомлю родителей о незаконной ея страсти , ежели она предпріяшя своего не оставитъ . Изрядно ! сказала она мнѣ на то , бросая на меня яростные взоры , я его оставляю , но не для того , чтобъ влечить бесполезную и горестную жизнь , перзаяся мучительнѣйшимъ пламенемъ къ неблагодарнѣйшему изъ чловѣковъ , а чтобъ пронзить оружіемъ симъ шу , ко-

шорая осмѣлилась опіянь у меня ша-
кое сердце, коего сама недостойна. Ска-
завъ сіе, кликнула своихъ служитель-
ницъ, а меня просила удалиться. По же-
ланію ея вышелъ я опѣ нее вонъ, не
надѣясь въ погдашнемъ сосноянїи при-
веснь ее въ разсудокъ.

На другой день, пришедъ къ ней,
чшобъ повпорить ей мои совѣты, дабы
она оставила безушную свою спрасть,
нашелъ ее совѣмъ спокойну, и согласну
на всѣ мои разсмошрѣнїя. Толь скорую
перемѣну ея чувствїй, ни мало не взду-
малъ я погда подозрѣвашъ, сочпя оно
дѣйствїемъ ея размышленїй и спрахомъ,
дабы не обезславилъ ся такимъ порокомъ,
который опѣ всѣхъ человѣковъ въ пре-
зрѣнїи находилъ ся, и почиается безза-
коннымъ. Обрадуясь счастливой сей пере-
мѣнѣ, хвалилъ ее, что она шакъ разум-
но здѣлала, побѣдя шакую спрасть,
кошорая кромѣ позора, и безплоднаго
мученїя, ничего ей не обѣщала. Потомъ,
ушвердя ее въ мысляхъ сихъ наиболѣе,
пошелъ опѣ нее весьма спокоенъ, не
предвѣщая себѣ никакихъ напасей.

Вскорѣ послѣ того женился я на
моей любовницѣ. Весь нашъ дворъ радо-
вался сему браку; ибо первый Министръ

всѣми былъ любимъ за добродѣпель свою и правосудіе. День нашего брака шорже-спвованъ былъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ: всѣ знатные бояра были приглашены къ столу, который продолжался до полуночи. По окончаніи онаго препровожденъ я былъ съ молодою моею супругою въ брачную комнату, и оставленъ на произволъ любви и нѣжности. Какоежъ было тогда мое веселіе, когда я увидѣлъ себя полнымъ обладашелемъ шой, которая любезнѣе мнѣ была всего на свѣшѣ! Будучи ошъ радости внѣ себя, бросился я передъ нею на колѣни: цѣловалъ спокрашно ея руки, и клялся ей вѣчною вѣрностію. Но въ самомъ жару моихъ восхищеній, заспучались у дверей: сей спукъ произвелъ въ моемъ сердцѣ нѣкое успрашительное волненіе: шайный спрахъ, и прерваніе удовольствія, вкушасмага мною тогда, воспревожили всю во мнѣ кровь, и произвели во всѣхъ моихъ жилалъ шрепешаніе. Подошедъ ко дверямъ спрашивалъ я, кто спущился: на вопросъ мой ошвѣспспвовано мнѣ шихо, чшобъ я ошворилъ дверь; ибо имѣюшъ до меня прекрайнюю нужду, которая не шерпвшъ нималѣйшаго мѣдленія. Сіе еще болѣе воспревожило

МНЯ:

меня: я отперъ потчасъ двери, и увидѣлъ вошедшую ко мнѣ сестру мою.

Я пришла сюда, говорила она мнѣ съ ласковымъ лицемъ, показавъ тебѣ такую услугу, какую можешь здѣлать такая шокмо сестра, какова я. Помомъ, ошведя меня къ споронѣ, сказала мнѣ, что она принесла шакое питье, кошорое предохраняетъ женѣ отъ невѣрности. Симъ напишкомъ, продолжала она, хочю я услужить молодой швоей супругѣ, что предохранитъ ее отъ всякихъ соблазновъ. Пускай она теперь же его выпьетъ, говорила она вынимая изъ кармана скляночку, и подавая ее мнѣ; ибо завтра оно никакого дѣйствія имѣетъ для нее не будетъ. Сказавъ сіе, начала она ласковымъ образомъ принуждать меня, чтообъ я заспавилъ мою жену выпить сей напитокъ, предвѣщая мнѣ отъ шого непоколѣбимую ея вѣрность. Сіе лестное обѣщаніе, побужденія ея, и благопристойность съ моей спороны, дабы не озорчить шоль ласковой сестры за ея усердіе ко мнѣ, склонили меня прозьбу ея исполнить; на что и жена моя согласилась.

Сестра моя, видя ее пьющую, мѣшала на нее радостныя взгляды, кои шол-

говалъ я тогда усердіемъ ея ко мнѣ. Теперь я торжествую! вскричала она попомъ, увидя, что жена моя все допила: напитокъ сей конечно сохранишь ее отъ вѣчнаго непоспоянства; ибо епошоль люшый ядъ, что никакое лѣкарство не можетъ его одолѣть. А чтобъ исполнить все то, продолжала она яростно, чѣмъ я ей должна, такъ вотъ ей мой подарокъ на свадьбу. По сихъ словахъ вонзала она въ грудь бѣдной моей супруги кинжалъ, который она до шѣхъ, поръ въ сокрышій держала. Рвись пепель, мучишель мой! возопила она ко мнѣ въ бѣшенствѣ: и заплаши перзациемъ за то, мученіе, которое ты мнѣ причинилъ.

Представь себѣ, Государь! говорилъ мнѣ печально незнакомецъ, каково было тогда мое состояніе? Я думаю, что молнія снисшедшая съ небесъ не привела бы меня въ такое изумленіе и ужасъ, въ какихъ тогда я находился. Наконецъ, гнѣвъ, преодолѣвъ всѣ прочія движенія, объялъ меня: я не могъ въ тогдашнемъ состояніи ему вопрошивишься, и поразилъ шѣмъ же кинжаломъ люшую мою сесшру, копорымъ она умершвила несчастную мою супругу. Умри и ты, вскричалъ я ей, беззаконница! и спупай во
адъ.

адъ подъ область Фурій, копорыхъ шы
въ злобъ своей превосходишь.

На спукъ паденія пораженныхъ , и
крикъ нашъ , вошло къ намъ нѣсколко
людей, а за ними вскорѣ и родитель мой.
Два окровавленные шрупа поразили всѣхъ
удивленіемъ и страхомъ: а наипаче ро-
дителя моего. Я бросаюсь предъ него на
колѣни, рассказалъ ему все сіе печальное
произшествіе; и будучи обвѣщъ горестію
и отчаяніемъ, просилъ его лишить меня
жизни какъ смертоубійцу. Ахъ! сказалъ
мнѣ родитель мой проливая слезы; шы
неповиненъ, хошя и лишилъ жизни свою
сестру; всякой братъ ешожь бы здѣлалъ,
увидя погибающую свою супругу. Несча-
спливъ одинъ швой отецъ , продолжалъ
онъ , копорый и къ беззаконнымъ дѣ-
шямъ не можетъ изпребитъ вдругъ го-
рячности , вселенной въ сердца наши
природою.

Приближенные бояра старалися ушѣ-
шитъ какъ родителя моего , такъ и ме-
ня; и приказали вынести вонъ шѣла
супруги и сестры моей , дабы не умно-
жатъ нашихъ сокрушеній печальнымъ
симъ зрѣлищемъ. Я препроводя родите-
ля моего въ спальню, старался его ушѣ-
шатъ, хошя и самъ неменьше пребывалъ

ушѣшенія. Вся ночь почти прошла во взаимныхъ вздохахъ и спенаніяхъ ; на конецъ уже на зорѣ родители мой успокоился сномъ , что и мнѣ совѣщовали здѣлать. Я бросился въ постѣлю не сколько для сна, какъ чтобъ ошдаться свободнѣе моеи горести, которой некогда ничѣмъ не могъ я преобороть.

Долго не могъ я заснуть, терзаяся разными ужасными воображеніями: по представляя себѣ плачевную смерть моей супруги, по воображая люпость моей сеспры, и мщеніе мое учиненное ей. Въ сихъ мысляхъ постигъ меня сонъ; но не для успокоенія, а для люпѣйшаго моего страданія. Приснилась мнѣ сеспра моя въ такомъ шочно видѣ, въ какомъ она лежала будучи ошѣ меня поражена: плащье ея было всюду окровавлено, волосы распрепаны, на лицѣ ея присущивовали гнѣвъ и ярость. Она влекла за волосы несчастную мою супругу, испускающую стонъ и вопли, и пронзала ее безпреспанно кинжаломъ. Я бросился къ ней на помочь, и хотѣлъ поразить саблею ея мучительницу, какъ сеспра моя поднявшись съ нею на воздухъ: нѣшъ, мучитель мой! вскричала ко мнѣ яростнымъ и ужасающимъ голосомъ: шы не
ошнн-

опнйменѣ у меня моей жершвы; но самѣ
страшишь мщенія моего, варварѣ! ужасная
моя пѣнь повсюду спанешѣ слѣдовашь
за побою, и опмщевашѣ шебѣ мое убій-
ство. По сихѣ словахѣ вонзила она въ
меня кинжалѣ, и спала невидима. Сей
ударѣ такѣ меня вспревожилѣ, что я
проснулся, и не опамяшовавшись еще со-
всѣмѣ, осмашривался гдѣ я раненѣ: но
не видя никакого пораженія, опомнился,
что ешо во снѣ мнѣ представилось. Но
шокмо страхѣ мой нимало шѣмѣ не
уменьшился: я шрепешалѣ и ужасался
думая, что сновидѣніе сіе грозитѣ мнѣ
новымѣ какимѣ ня ешь несчастіемѣ.
Одевшись [поскорѣе, пошелѣ я къ моему
родишелю, и обѣявилѣ ему о сей усшра-
шительной мѣчшѣ. Сонѣ мой и его не-
мало воспревожилѣ: онѣ шакже думалѣ,
что мѣчшаніе сіе заключашѣ въ себѣ
шайность; чего ради приказалѣ позвашѣ
къ себѣ Первосвященника, къ совѣтамѣ
кого прибѣгалѣ онѣ обыкновенно во вся-
кихѣ недоумишельныхѣ случаяхѣ.

Хейхоамѣ, такѣ назывался сей пер-
восвященникѣ, повыслушанія моего сновидѣ-
нія, обѣявилѣ причиною онаго не очн-
щеніе мое опѣ убійства; чего ради со-
вѣщовалѣ поскорѣе очистишь меня по

законнымъ обрядамъ, что въ шопъ же день и исполнено было. Но мученіе мое шѣмъ, неумалилось ; въ наступившую ночь опять сеспра моя мнѣ явилась: кляла, шерзала меня, и угрожала не да-вашь мнѣ вѣчно покоя. Сей ужасный сонъ, и другіе слѣдовавшіе за нимъ, за-спавили моего родишеля, коому обѣ оныхъ обѣяваялъ я и жаловался, прино-сишь моленія и жершвы ; но ничпо не могло опогнашь опѣ меня привидѣнія. Оно мучило уже меня и на яву, предспа-вляясь мнѣ въ ужаснѣйшихъ видахъ. Всѣ способы были упошреблены къ его опогнанію ; но ничпо не могло освобо-дитъ меня опѣ него. Налослѣдокъ при-совѣшовалъ родишелю моему Хейхоамъ, чшобъ онъ оппустилъ меня пушешес-швовашь, и обѣѣхашь всѣ славныя про-рочесшва : для изшребованія опѣ оныхъ совѣша, какъ освободитъ опѣ ушра-щающаго меня сновидѣнія.

По полученіи дозволенія : опѣ моего родишеля, поѣхалъ я немѣленно, и по довольномъ спраншвованіи, пріѣхалъ я наконецъ въ Дельфы, желая узнать опѣ Аполлона мою судьбу, о коей всѣ проро-чества шемно извѣснялись. По очищеніи и принесеніи жершвы, вошелъ я въ храмъ,
ождая

ожидаѣ Пиеїина отвѣща, которая вскорѣ пришла за мною; сѣла на священный престоликъ, и наполняясь вдохновеніемъ, несповясь и скрежеща, произнесла миѣ слѣдующее прорицаніе..

Пришелъ ты шрепеща, опойдешь ужасаясь,
И вѣхъ свой повлачишь среди всегдашнихъ
золъ,
Доколѣ не найдешь, по Индіи скитаясь,
Изъ крѣпкихъ вѣчныхъ розъ блистающей
престола.

Сіе пророчество привело меня въ недоумѣніе: я не зналъ куда ѣхать, и гдѣ искалъ престола изъ розъ, отъ котораго прорицаніе обѣщало миѣ помощь; напослѣдокъ, не зная лучшаго средства къ освобожденію отъ правдѣнія, предпріалъ ему повиноваться, и проѣхать всю Индію для сысканія обѣщанной помощи. И такъ, взявъ твердо сіе намѣреніе, выѣхалъ я изъ Дельфъ, принеся еще жершву Аполлону. Потомъ пріѣхавъ къ морю, нанялъ я корабль, на которомъ пустился въ море; льсшая надеждою скорого освобожденія отъ безпреспанныхъ моихъ усрашеній. Мореплаваніе наше было нѣсколько дней спокойно: но напослѣдокъ возспала преужасная буря, которая продолжаясь болѣе мѣсяца,

ца, носила нашъ корабль по своей волѣ, и на конецъ оной разбила. Тогда всякой, изъ насъ старался шокмо спасти свою жизнь, какъ кому можно было: я схватилъ доску, кошорая по счастью моему мнѣ попалась; и держась за нее крѣпко оидался на произволъ волнамъ. Я непомню сколько времени меня носило на морѣ; ибо ужасъ, воспослѣдовавшей по разбитіи корабля, лишилъ меня всѣхъ чувствъ; и я опамятовался уже на берегу, на кошорой меня выбросило.

Благодаря Небу за сохраненіе моей жизни, пошелъ я опшуда, желая сыскапъ какое нибудь жилище. По счастью попалась мнѣ вскорѣ деревня, въ кошорой я опдохнувъ и укрѣпясь пищею, опправился въ ближней опѣ того мѣста городъ. Приспавъ въ ономъ у торгующаго пряными кореньями купца, спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ шакого Государя, у коего преснулъ здѣланъ изъ розъ. Нѣтъ, опвѣщивовалъ онъ, обѣ едакомъ я неслыхивалъ; хопя и пупешествовалъ по всей Индіи. Я спрашивалъ о томъ у другихъ: однакожъ всѣ невѣденіемъ мнѣ опозвались. Сіе безвизвѣстіе лишало меня всей надежды во исканіи моемъ; однакожъ предпріятія своего я не оставилъ,

льшясь напослѣдокъ сыскашь то, чего искалъ. Долго путешествованіе мое продолжалось: ибо, будучи лишень кораблекрушеніемъ всего, принужденъ былъ спрашивовашь пѣшкомъ; и наконецъ по многимъ трудностямъ достигъ до сего замка, въ которомъ спрданіе мое надѣюсь окончить. Ибо я слышалъ, Государь, продолжалъ онъ, онъ своего придворнаго, что у тебя находится прешоль изъ розоваго яхонта, на коемъ вырѣзаны сего рода цвѣтки.

По окончаніи своей повѣсти, продолжалъ Видоспанъ, бросился онъ опять мнѣ въ ноги, прося моей помощи. Я его подыалъ, обнадеживая моею пріязнію, и обѣщавая употребить все въ его пользу, что только будетъ состоять въ моей власти. Сіе обѣщаніе перемѣнило печальный его видъ въ веселый: онъ просилъ меня поскорѣе ему помочь; ибо ужасное привидѣніе моей сеспры, говорилъ онъ, всегда лишаетъ меня пріятносней сна: а не рѣдко и на яву меня ужасаетъ. Я согласился охотно на его желаніе: и въ пошъ же часъ взявъ мою книгу, сыскалъ въ ней ту спашью, въ коей описаны были заклинанія на привидѣнія, и выписавъ приспойное къ

его

его обстоятельству, оудалъ Хипрану, чшобъ употребилъ его въ оборону ошъ привидѣнїя. Хипранъ, поблагодаря меня, просилъ дозволенїя жишь въ моемъ замкѣ по шѣхъ поръ, пока онъ совершенно осводится ошъ привидѣнїя. Я и на то безъ всякаго оприцанїя согласился. Послѣ шого вышедъ съ намъ изъ кабинета, представилъ его Полотскому Князю, который находился шогда въ залѣ съ моими придворными. Всѣ его привѣщсшвовали, и получили ошъ него равномѣрныя ласки. Онъ сполько намъ разговорами своими понравился, что сочли его всѣ самымъ честнымъ и досшойнымъ человекомъ всякаго почшенїя ; хопя онъ оказался напослѣдокъ обиталищемъ адскїя злобы , и всякихъ беззаконїй.

Остатокъ шого дня препроводилъ я съ моими госшями весьма весело, не предвѣщевая себѣ никакого зла. На другой день Хипранъ пришедъ ко мнѣ объявилъ, что онъ все исполнилъ по предписанїю моему, дабы прогнашь привидѣнїе , но нимало въ помѣ не могъ успѣшь; и еще болѣе раздражилъ его на себя. Я весьма сему удивился ; ибо до шѣхъ поръ книга моя никогда не обманывала меня въ своемъ дѣйсшвїи. Сїе побудило

меня

меня спросишь въ помѣ извѣщенія у моего кольца, въ которомъ заключенный Духъ отвѣщивовалъ мнѣ ниже слѣдующими словами, произнесенными съ ужасомъ и смятеніемъ.

Брегися, Видостанъ: мѣчтаніе хоть щещно,
Но можешъ навлещи напаси непримѣтно;
Храни свою спрѣлу: злодѣй ея дрожитъ;
А привидѣніе заклятій не бѣжитъ.

Сіи слова привели меня въ недоумѣніе: я незналъ какой имъ дасть разумъ: слышалъ, что Духъ совѣщовалъ мнѣ беречься; и въ тоже время объявлялъ, что мѣчтаніе щещно, и можешъ навлещи бѣды; что ешь у меня злодѣй, что надобно хранишь спрѣлу; и что привидѣніе отъ заклятій не бѣжитъ. Сіе побудило меня опять спрашивать Духа объ извѣщеніи его словъ, на что онъ отвѣщивовалъ онъ мнѣ слѣдующее.

Едва мои уста безплодно отверзаю:
Преслушашься его заклятій не дерзаю;
За рѣчь одну на вѣкъ во адъ могу низпасшь.
Страшися его! страшися! шы можешъ самъ
пропасшь.

Сей отвѣщъ привелъ меня въ пущее недоумѣніе и ужасъ: гощь мой также
вспре-

вспревоженъ былъ симъ отвѣтомъ; да и причину имѣлъ къ тому. Конечно ешо, говорилъ онъ мнѣ, не сестра моя представляется мнѣ привидѣніемъ, а какая нибудь Адская Фурія, испущенная на меня Богами за мое смертоубійство. Я бы не спалъ тебя, Государь, продолжалъ онъ, просишь еще о помощи себѣ, слыша и о твоей опасности, ежелибъ Дельфисское пророчество не обнадежило меня, что ты шочно помочь мнѣ можешь. Да и по отвѣшу твоего Духа видно, что ешотъ злодѣи, то есть привидѣніе, которое не боится заклятій, спрашивается твоей стрѣлы. И такъ, сколько для моей, столько и для твоей собственной безопасности, надобно ешо проклятое спрашилище прогнать опять во Адъ. Да какъ же можно ешо здѣлать, говорилъ я ему, когда оно не боится заклятій? Помощію твоей стрѣлы, отвѣтствовалъ онъ, о коей Духъ твой тебѣ говорилъ. Слова его показались мнѣ въ погдашнемъ моемъ смятеніи довольно справедливы. Я согласился дѣйствовать моею стрѣлою, прошивъ которой никакая сила успѣять немогла.

Но понеже привидѣніе являлося ему одному, то я не зналъ, какимъ образомъ
сму

ему помочь. Кышаецъ просилъ меня повѣрить спрѣлу его рукѣ на однѣ шюкмо сукки, обѣщая прогнати ея свое привидѣніе, когда оно ему предстѣвится. Прозьба его показалась мнѣ справедлива: ошдалъ я ее ему, не воображая себѣ никакихъ опѣ того бѣдствій.

Но едва онѣ принялъ ее опѣ меня, какъ схвативъ меня въ охапку, шопнулъ ногою въ полѣ, кошорый опѣ того разспунился, и бросился со мною въ сіе опверспіе. Во время нашего паденія, вскричалъ онѣ ко мнѣ спрашнымъ и сердинымъ голосомъ: наконецъ я шоржествую надъ шобою; гордый непріятель! Познай по дѣйствіямъ симъ Карачуна, кошораго шы думалъ псббжденнымъ шобою: и научись наказаніемъ своимъ почитать сильнѣйшихъ и разумнѣйшихъ себя.

По окончаніи словъ его, очутились мы въ шой пещерѣ, въ коей вы меня нашли. Вопѣ какое великолѣпное жилище шобѣ я пригошвилъ; говорилъ мнѣ карло насмѣхаясь; пріѣвъ свой прежній видъ: шы въ немъ до шѣхъ порѣ будешь, пока швоя спрѣла возвратится къ шобѣ опять. Проговоря сіе дунулъ на меня, и исчезъ; а я превратился въ шонѣ видѣ,

въ которомъ вы меня нашли: и увидѣлъ себя прикованна къ стѣнѣ, подѣ спра- жею у ошова, коего приспавилъ ко мнѣ Карачунъ, и которому приказано было всѣхъ шѣхъ умершвяляшь, кпо поку- сишся меня освободить изъ неволи. Вы я чаю примѣшили, говорилъ Видоспанъ своимъ госпямъ, что ошовъ держалъ мраморную дощечку: на ней было напи- сано закляшїе, удерживавшее мое очаро- ванїе: оно не могло ничѣмъ разрушиться кромѣ моей стрѣлы. Впрочемъ ни оковъ моихъ, ни ошова никто не могъ видѣть кромѣ шѣхъ, кои должныспивова- ли принестъ ко мнѣ сію стрѣлу.

Представъ себѣ, государь мой, гово- рилъ Индѣецъ Свѣшлосану, какое было тогда мое удивленїе, увидя живаго Кара- чуна, и низверженнаго себя въ бездну, изъ коей не имѣлъ я почти надежды выйши! Горестъ и бѣшенство овладѣли моимъ сердцемъ, что далъ себя обмануть моему злодѣю. Въ крайности моей не зналъ я къ чему прибѣгнуть; всѣ спо- собы къ избавленїю моему были закры- ты: и не оспавалося мнѣ никакой по- мощи кромѣ моего кольца. Я его пожалъ: симъ образомъ вызывалъ я его изъ коль- ца: Духъ предсталъ передо мною въ уны- ломъ

Ахъ образъ, ожидая моего приказанія.
Я спрашивалъ его сердитымъ и съ печалію смѣшаннымъ голосомъ, для чего онъ допустилъ обмануть меня Карачуну, и не предувѣдомилъ объ его хитрости. Духъ опвѣнствовалъ мнѣ на сіе слѣдующею рѣчью.

Несчастія сего ты самъ себя причиною:
Ты легковѣремъ обманушь, не судьбиной.
Не ясно ли тебѣ опвѣшь мой объявилъ,
Чтобъ ты стрѣлу свою со щаніемъ хранилъ?
Злодѣй шивой вымыслилъ свое повѣствованье,
Чтобъ лучше получишь успѣхъ въ своемъ желанье.

Одна твоя стрѣла причиною была,
Что злость его тебя шоль поздно пожрала?
Ее боялся онъ, ее онъ ужасался,
И всѣми силами ономъ спарался,
Чтобъ волей ошъ тебя ее себѣ доспать,
Не могли крадею сей вещь завладать.
Не можно было мнѣ сказать тебѣ по ясно,
Что посвщеніе его къ тебѣ опасно;
Едва я вымолвилъ, чтобъ ты стрѣлу хранилъ,
Какъ онъ на мой языкъ оковы наложилъ.
Закляшя его я долженъ былъ бояться,
Когда ему самъ Адъ не смѣешь противляться.
Теперь молчаніе хранишь, я свободенъ;
Уже его обманъ жестокой совершенъ.

Оуб и менабъ своей подверѣбъ свирѣпой власши,
 Когда бѣ не сохранилъ меня оуб сей запа-
 сти,
 Праславной книги сей, волшебныя шворецѣ,
 Котору у тебѣ хотѣлъ похищити лъснецѣ.
 Мой рокъ меня шому лишь только подверга-
 ешѣ,
 Кипо сею книгою волшебной обладаешѣ.
 Во вѣки буду я подѣ власшию швоей,
 Коль самѣ не подарити кому ты книги сей,
 Котора, смерть швою теперѣ оспановляешѣ,
 И злобу швоего ширана прищупляешѣ.
 Спокойся: скоро ужѣ его мненеися власшь:
 Ужѣ ближишя, его свирѣпая напастъ;
 Злодѣйствами его разгѣбванные Боги,
 Кѣ погибѣли его устроиши дороги.
 Младый Славенскій Князь, прехрабрый Свѣ-
 плосанѣ,
 Назначенѣ сокрушити сей грозный истуканѣ.
 Тебѣ совѣтую назвати себя Пророкомѣ:
 Ты можешѣ имѣ прослыти при званіи глубо-
 комѣ,
 Которо мнѣ Судьбамѣ угодно было даши,
 И конѣ я тебѣ подущуя помогаши.
 Пророчествомѣ кѣ себѣ ты привлечешѣ народы
 И можешѣ ожидать оуб нихѣ своей свободы,
 Которую тебѣ шомѣ можешѣ возвратити
 Кипо согласитя той ширѣлою подарити,
 Которой ты владѣвшѣ сегодня, сталѣ нещастенѣ,
 И надѣ которою ширашѣ швой нынѣ власшенѣ.
 Не

Не долго будешь онъ спрѣлой сей обладашь:
 Не долго и шебѣ свободы ожидать,
 Когда послабдуешь ты моему совѣшу.
 А вопрошающимъ онъ устѣ швоихъ опвѣшу,
 Вели себѣ спрѣлу за оный приносишь,
 Какую кто шебя возможетъ подарить..
 Спрѣла твоя однимъ симъ можешъ возвращить
 И благоденствіе швое возстановишься:

Сїи его слова ободрили унылое мое сердце: и на мѣсто ужаса и опчаянїя вселили въ него упованїе и радость. Переспрашивалъ я его не однократно о всемъ томъ, о чемъ онъ мнѣ ни говорилъ. Наконецъ, будучи удовольствованъ во всемъ его опвѣшамн, вздумалось мнѣ узнать, для чего онъ говорилъ все стихами, а не прозою. На сей вопросъ Духъ мой улыбнулся, и опвѣщивалъ мнѣ такъ.

Пока еще твоей не преданъ былъ я власти,
 Начальникомъ я былъ людей не малой части,
 У конхъ завсегда стиховъ исполненъ рошъ,
 И для того и самъ я прозанъ Рифмоглошъ.
 Сей родъ людей почтенъ названьемъ стихо-
 творцовъ,
 Провозвѣщателей судебъ, порокоборцовъ.
 Однакожъ я не шѣхъ начальникъ былъ умовъ,
 Кошоры шанство наши волшебныхъ словъ,
 Свирѣ-

Свирѣпство укрощашь, и прешворяшъ въ герой-
ство,

Раздоры прогоняшъ, и водворяшъ спокойство;
Необходимельныхъ, свирѣпѣйшихъ звѣрей,
Собратъ и укротитъ, и преворитъ въ людей.
Владычество мое надъ шѣми простиралось,
У конхъ разума нападъ не просягалось,
Которы даръ наши недумавшій писахъ,
И враками народъ нещадно опягашъ;
Гордишся больше всѣхъ прегнусными спи-
хамъ,

И похудишелей ихъ вракъ счпшашъ скопами,
Достойны сами чѣмъ назвашься предъ всѣхъ.
И заглаждашъ такимъ признаніемъ свой грѣхъ.
Съ такими обходясь жужжащими свѣрчками,
Привыкъ я говоритъ на рифмахъ и стопахъ:
Въ чемъ шакже мнѣ моя и должность помогла,
Котора въ пущее ихъ бѣшенство влекла.

Дыханія мои ихъ кровь воспламеняли,
И мрачную ихъ желчь еѣ безумьемъ сѣднляли.
Негодные стихи, и злобу въ ихъ позоръ,
Являло ихъ перо передъ народный взоръ.

Изъ рукъ ихъ ничего во вѣкъ не выходило.
Которобъ не смѣшно и неповоносно было.

Мнѣ должно было ихъ всечасно посѣщашъ,
И къ разсужденію ихъ умъ не допушашъ:
Вселяшъ въ нихъ вздорныя и злыя воображенья,
И возбуждашъ стихи марахъ безъ разсужденья,
Но наконецъ ихъ родъ, къ несчастью моему,
Разпроспранился шакъ къ позору своему,

Что мѣшя въ нищаго, бродягу, крючкошворца
 Яопзлѣ бы ужѣ всегда шы прямо въ спихо-
 шворца.
 Хошь былѣ не упомимѣ, досуженѣ я, и Духѣ,
 Но сладиль не возмегѣ сѣ шлопой сихѣ гнус-
 ныхѣ мухѣ,
 Изѣ конхѣ многія, сколь мерско ни пищали,
 Названіе людей великихѣ похнщали.
 За небреженіе такое Князь Духовѣ,
 Другому власть ошдавѣ надѣ шайкой сихѣ ско-
 шовѣ,
 Подвергѣ меня на вѣкѣ несчастной сей судь-
 бинѣ,
 Въ кошорой нахожусѣ невольникомѣ я нынѣ.

Повѣспѣ !его весьма меня увеселила:
 я разпрашивалѣ его о другихѣ разныхѣ
 обспнояпсльспвахѣ, начпо онѣ мнѣ пакѣ
 же спихами опвѣпспвовалѣ. Такимѣ
 образомѣ ушѣщаль онѣ меня до самага
 шого дня, въ кошорой вы ко мнѣ при-
 шедѣ, кончили мою неволю возвращеніемѣ
 моей стрѣлы, кою разрушилѣ я очаро-
 ваніе; чему меня научилѣ мой Духѣ.
 Чшожѣ касается до происшедшаго шума
 и спука, по изреченіи мною нѣкошор-
 ыхѣ волшебныхѣ словѣ, оной произшелѣ
 ошѣ дѣланія Духами колесницы, въ коей
 вы очутились шогда, когда исчезла пе-
 щера. Вошѣ вся моя испорія, о кошорой
 хошѣлѣ я васѣ увѣдомишь.

Свѣшло-

Свѣшлосанъ и Бориполкъ, по оказаніи своего удивленія, благодарили его за повѣсшвованіе; послѣ чего Славенскій Князь спрашивалъ его о своемъ зятѣ. Ахъ! вскричалъ Индѣецъ, я хотѣлъ было сіе отъ себя сокрышь, дабы не нанесъ тебѣ сокрушенія: я увѣдомился отъ моего Дужа, что понесчастіи моему пропалъ онъ изъ моего замка; и думаю, что похишилъ его Карачунъ; но впрочемъ Духъ мой въ семъ меня не увѣряетъ, ибо и самъ о томъ не вѣдаешь, сколько онъ ни пронцашеленъ; шайна сія отъ него сокрыта.

Вѣдомость сія весьма опечалила Свѣшлосана, и разрушила его надежду, которую было сперва онъ возымѣлъ. Индіанинъ старался его утѣшить, общавая освѣдомиться о немъ въ шопъ день. Въ слѣдствіе чего, взявъ свою книгу, прочелъ въ ней нѣчто: отъ чего возспалъ пресильный вѣпръ, отъ коего отворился въ кабинетѣ окна. Въ оныя влѣтѣлъ съ превеликимъ шумомъ Вихоръ, и превратяся въ шужъ минушу въ молодого крылашаго человекъ, предшалъ предъ Вюдостаномъ. Индѣецъ, поблагодаря его за поспѣшность, приказалъ ему обещать весь кругъ земный, и искаши Вельдюзя,

Вельдюзя, коего принести къ нему въ замокъ, ежели онъ его найдетъ. Вихоръ повиновался: а Видостанъ, попрося гостей своихъ слѣдовать за нимъ въ столовую комнапу, объявилъ имъ идучи, что посланной имъ естъ Духъ, имѣющей подъ властію своею въшры.

Слѣбны столовой комнапы были украшены живописью, представляющею Золотое Время. На одной споронѣ изображена была роща, украшенная плодовыми деревьями, коихъ плодами питались перьвые человѣки. Въ споронѣ видима была не большая горка, усыпанная цвѣтами, и по мѣстамъ украшенная Виноградомъ. На сей горкѣ лежала Чета молодыхъ людей разнаго пола, въ самомъ цвѣтѣ ихъ молодости: положеніе ихъ, и лица, изображены были лучше всей карпины. Львы и Тигры лежали у ногъ ихъ, играя съ ягнянами и малыми звѣрками, извѣщая шѣмъ непорочность перьвыхъ временъ. Робкіе зайцы и олени мѣшались между слоновъ и медвѣдей, не опасаяся отъ нихъ ни малаго себѣ вреда.

Другая слѣбна изображала разныя забавы погдашняго вѣка людей: одни играли на лудкахъ и свирѣлкахъ, другіе пѣли, иные плясали, и возбуждали другъ

друга къ непорочному веселію; нѣкоторые изъ нихъ наслаждались плодами: а прочіе по уединеннымъ мѣстамъ упопали въ любовныхъ прохладахъ. Малые ребяща рѣзвивая также между собою, и съ такими звѣрями, коихъ люшосць и самыхъ нахрабрѣйшихъ устрашаетъ бынѣ. Третья спѣна предсавляла конецъ Золошаго Вѣка, и опшесствіе на небеса Аспрев; а пошолокъ украшенъ былъ изображеніемъ Олимпа.

Видоспанъ, приведши въ сію комнату своихъ гостей, проснаъ ихъ сѣсть за столъ, на кошоромъ, кромѣ приборовъ, и при нихъ книжекъ, ничего не было. Свѣтлосанъ и Бориполкъ весьма сему удивлялися: но пришли въ большее еще удивленіе, когда волшебникъ, сѣвъ съ ними за столъ, проснаъ ихъ по кушанью, что имъ угоднѣе покажешся. Между тѣмъ разогнувъ свою книгу, и прочтя въ ней нѣчто, кинулъ свою шарелку на воздухъ: шарелка изчезла, а передъ нимъ явилось самое прелестнѣйшее кушанье. Я не удивляюсь, говорилъ Индіянинъ своимъ гостямъ, что вамъ приключеніе сіе кажешся странно: я нарочно такъ здѣлалъ, чтобъ васъ удивить, и показатъ могущество власти моея и знающя. Сіи книги, преддо-

предложенныя предъ васъ вмѣсто кушанья, содержатъ въ себѣ названія всего того, что вымыслила человѣческая роскошь для напиканія людей богатыхъ. Находясь въ нихъ и такія еще кушанья и плоды, о коихъ и до сихъ поръ не знаетъ свѣтъ, и не будетъ извѣстенъ. Если вамъ понравится какое изъ нихъ, то спросите у васъ только прочесть названіе его, и пожелаетъ. Пожалуйте, примолвилъ онъ, здѣлайте сему опытъ, выбравъ такую пищу, которая вамъ наилучшею покажется.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, посмотрѣвъ въ свои книжки, и прочія имена шѣхъ кушаній и плодовъ, которыя имъ наилучшими показались, пожелали ихъ: въ тошъ самый мигъ нустыя ихъ шарелки исчезли, а вмѣсто оныхъ явились исполненныя того, чего они желали. Прикушавъ онаго, усмотрѣли они, что одно человѣческое искусство не можетъ ихъ споль изрядно приготовить, въ разсужденіи вкуса и вида. Удивленіе ихъ возрастало при каждомъ ихъ пожеланіи. Въ напиканіяхъ также недоспашка не было: и вкусъ ихъ не уступалъ нисколько Нектару, пицію Боговъ. Напослѣдокъ, когда голодъ ихъ и жажда со всѣмъ удовольствіемъ спволялись.

спвовались, тогда Видостанъ ударилъ
при раза о столъ рукою: въ шопъ мигъ
оный исчезъ; а они очутились въ садо-
вой бесѣдкѣ.

Сколько Дворецъ великолѣпїемъ сво-
имъ и богатствомъ привлекалъ внима-
нїе, столько садъ рѣдкостїю деревьевъ и
цвѣшовъ, и прочими украшенїями приво-
дилъ въ удивленїе зришѣлей. Не было въ
немъ ни одного проспаго дерева: Апри-
козовыя, Гранатовыя, Миндальныя, Олив-
ковыя, Персиковыя, и прочїя плодоносныя
деревья соспавляли его рощи; Кипариссы,
Лавры, Миршы, Пальмы, Винограды со-
спавляли Алеи и Курпины; цвѣпники
были наполнены всякими наилучшими
цвѣшами, какїе только находяпся въ
поднебесной; испуканы, водомѣпы, бѣ-
сѣдки и пещеры были наилучшее подра-
женїе природы, и досщопамянность пре-
нїя ея со искусствомъ. Однимъ словомъ:
вершоградъ сей превосходилъ описанныя
спихопворцами Елисейскїя поля.

Видостанъ, видя удивленїе своихъ
госпей, спарался умножитъ оное, пока-
зывая имъ всѣ рѣдкостї онаго. Въ са-
мое то время водяные Органы, ипиды и
Дрїады совокупя свои голоса, соспавили
такое пѣнїе, какое челобчскому вооб-
раженїю

раженію невмѣстно. Тѣмъ другихъ разнообразныхъ предмѣтовъ, въ коихъ искусство казалось превосходящимъ природу, приводили Славянъ въ пріятное восхищеніе: казалось имъ, что они находятся въ царствѣ Нін, въ жилищѣ блаженныхъ шѣней, или въ прелестномъ обиталищѣ Божеспивенной Лады. Старались они насытить свои взоры каждою привлекающею ихъ рѣдкостію: но красота другихъ отвлекала къ себѣ ихъ зрѣніе, и переводила ихъ изъ удивленія во удивленіе.

Еще не могли они обозрѣть собою части удивительныхъ украшеній сего сада, какъ Вихорь, посланный Видоспаномъ искасть Вельдюзя, прилетѣлъ къ нимъ неся съ собою желѣзную бочку. Вотъ гдѣ, сказалъ онъ Индіянину, положи свою ношу на землю, ваишь Вельдюзь: онъ заключенъ въ этой бочкѣ, я естѣшскъ на той страшной горѣ, въ кою превращены твои подданные. Сказаніе неожиданнаго случая привело всѣхъ во удивленіе и ужасъ, кои умножилъ голосъ, произшедшій изъ бочки въ слѣдующихъ словахъ. Избавь поскорѣ меня изъ сей вѣчной темноты, великодушный Видоспанъ! и возврати мнѣ паки преж-

ній мой видѣ , котораго лишелъ меня люшый Карачунѣ . Избавленіе мое обратися шебѣ самому , вѣ превеликую пользу ; ибо со освобожденіемъ моимъ соединена врага нашего погибѣль . А сіе шебѣ не прудно учинишь : вонзи шолько , продолжалъ Голосѣ , волшебную швою спрѣлу вѣ очарованную сію бочку , послѣ чего увидишь шы шакое дѣйствіе , какого шы не ожидалъ . Видоспанѣ немѣдя ударилъ спрѣлою своею вѣ бочку , которая вѣ шотѣ же мигѣ превратилась вѣ желѣзную колесницу , запряженную двумя зіяющими пламенемъ Саламандрами , кои ухващя Видоспана , бросили вѣ оную , и помчали съ необычайною скоростію по воздуху .

Свѣшлосанѣ и Бориполкѣ при видѣ ужаснаго сего приключенія оцѣпенѣли : и вѣ самое шо время увидѣли передѣ собою малорослаго Еѣіопа , (ешо былъ Карачунѣ ,) оденаго пламеннаго цвѣша вѣ одежду , на коей вѣшишы были золотомъ небесные знаки Зодіака . Вы освободили моего врага , сказалъ онѣ имѣ грознымъ голосомъ , и за шо должны претерпѣшь вѣвчное наказаніе . Проговоря сіе , хощѣлъ онѣ ударить Свѣшлосана дубиною , кою былъ вооруженѣ ; но вѣ самое

шо время запряся , и премѣня свой грозный видѣ на ласковый , сказалъ учинивымѣ образомѣ Славенскому Князю: Извини меня, Государь, что я осмѣлился испытать твою храбрость. Я вижу теперь, что ни какая напасть поколѣбашь ее не можетъ. Мое намѣреніе было только увѣришься, истинна ли твоя слава, которая о храбрости твоей носитъся по всей подсолнечной; и теперь къ удовольствію моему познаю, что она не довольно возвеличила твои достоинства. Къ великимъ людямъ имѣлъ я всегда почтеніе, присовокупилъ онѣ: и всегда старался имѣ служить; а какъ мы заступаешь между ними первое мѣсто, такъ прошу мнѣ сказать, чѣмъ могу тебѣ услужить. Не сомнѣвайся, Государь, хотя бы ещо сполно погибѣли всей Вселенны, то по желанію твоему сей же часъ она разрушится.

Удивленный приключеніемъ симъ Князь, не вѣдалъ чему приписать краткость сего страшнаго уroda: и во время Карачунова привѣстивъ старался проинкнупъ сего причину. Думалъ онѣ сперва, что ласковость его заключала въ себѣ какую ничесъ хитрость; но шрусось, съ какою сей злодѣй говорилъ

свою рѣчь , склонила сго думань , что скрывается шущь какая нибудь шайность , копорая защищаешъ его отъ наглосшей сго волшебника. Ободрясь сими мыслями , ошвѣшсшвовалъ онъ Карачуну швердымъ голосомъ , что онъ согласился скорѣе поперяшь шьмокращно жизнь свою , нежели приключишь свѣшу малѣйшую напасшь ; а ежели онъ хочешъ ему услужишь , то ничемъ ему болѣе удовольствія не сдѣлаешъ , какъ ежели возврашишь ему его сеспру , зятя и Видостана. Во время Свѣпласановой рѣчи Карачунъ стоялъ пошупясь , какъ будшо бы ужасался чего ; а при именахъ Милославы , Вельдюзя и Видостана зашрепешалъ пресильно , и произнеся шенаніе изчезъ.

Славяне , избавясь вида сго страшнаго чудовища , ободрились , и принесли благодарность свою Богамъ , за шоль удивительное ихъ избавленіе отъ предшоявшей опасности. Въ самое шо время предшалъ предъ нихъ Духъ во образѣ юноши , одепаго въ лазоревое плашьс , и вооруженнаго пламеннымъ копьемъ. Познай шеперь , говорилъ онъ Свѣпласану , сколько благочестіе и праведное сердце пріяшны Богамъ : ни какая сила
не

не избавила бы себя отъ люпости Карачуновой, естлибъ богобоязливость швоя, и милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, не преклонили Боговъ поборствовать по тебѣ. Но наипаче всѣхъ покровительствуетъ тебя сильный Чернобогъ, жестокій Судія коварныхъ и неправедныхъ людей. Съ младенчества усердіе швое къ нему; склонило его защищать тебя отъ всѣхъ напастей. Онъ видя твою опасность, послалъ меня къ тебѣ на помощь: сего пламеннаго оружія, и претящаго моего взора устращась Карачунъ, премѣнилъ свое свирѣпство на робость и покорство; и исчезъ ддятого, чпобъ ты не принудилъ его, вспомошествоемъ мною, исполнишь твоего приказанія. Но сіе не первое тебѣ благодѣаніе отъ Чернобога; онъ твою умножилъ силу и храбрость: возбудивъ тебя изрѣченіемъ къ путешествію, послалъ къ тебѣ сонъ, которымъ увѣдомилъ тебя о бѣдствіяхъ сеспры твоей и зятя. Онъ тебѣ внушилъ мысль подарить волшебную стрѣлу Видосшану, дабы избавя его оною отъ узилища, обрѣлъ ты въ немъ себѣ помощника. Спупай теперь искачь твою сеспру, кошую ты вскорѣ найдешь,

и освободишь изъ плѣна ея пирана, превозможешь всѣ препяпспвія, и побѣдишь славно общаго вашего врага. Но припомѣ помни, что неинако сіе ты можешь учинить, какъ удовлеспвореніемъ чести и человѣчеству. Окончавъ сіе Духъ исчезъ; а Князь и Оруженосецъ его пали на колѣни, и принесли благодареніе свое Чернобогу, покровишело своему.

По окончаніи молишвы, начали они совѣшовашься, куда имъ ѣхать, и гдѣ искашь Милославу; ибо ни Духъ, ни Видоспанъ не ошкрыли имъ ея пребывантія. Въ семъ недоумѣніи согласились они положитьсь на счасшіе. Утвердясь на семъ мнѣніи, пошли они къ Видоспановымъ придворнымъ, чпобъ обѣявишь имъ о несчасшіи ихъ Государя; однакожъ не сыскали изъ нихъ ниодного, а на мѣсто ихъ нашли шолкоежъ число Хамелеоновъ, кошорые увидя ихъ, спаралися имъ всячески извяснишь свою горешь. Славяне познали изъ сего, что ешо несчасшіе Видоспановы служешели, приведенные непремѣнно Карачуномъ въ сіе жалоспное состояніе. Сей предметъ наипаче умножилъ ихъ горешь. Между шѣмъ не могли они поняшь, какъ

какъ возмогъ Карачунъ пресланишь очарованный Видоспановъ кабинетъ, копорый защищалъ, по объявленію Индѣйскаго Государя, весь замокъ и жишелей его отъ всякаго непріязненнаго нападеція. Сія причина возбудила въ нихъ любопытство пойши въ кабинетъ, и посмотришь, нѣтъ ли въ немъ какой перемѣны. Сомнѣніе ихъ было правильно: блестящія янтарныя писмена на стѣнахъ кабинета были черны, какъ уголь: и всѣ вещи находившіяся въ ономъ были похищены. Сіе жалкое зрѣлище огечалило еще болѣе Славянъ: они думали, что пріятель ихъ погибъ невозвратно. Подобныя соболѣзнованія: продержали ихъ долго въ семъ зданіи; наконецъ, по довольномъ сѣшованіи, опредѣлили они, ища Милославу и Вельдюзя, спаранься помочь и Видоспану; ежели еще можно будетъ подашь ему какое вспоможеніе. Послѣ того пошли они сыскашь своихъ коней, которые перенесены были въ Видоспановъ замокъ: осѣдлавъ оныхъ, и запасшись на дорогу сѣвешнымъ, выѣхали они изъ замка; и принеся молитвы Богамъ и учиня обѣщанья, дали конямъ своимъ на волю ѣхать куда, куда они захошашь.

Чрезъ

Черезъ нѣсколько дней путешествія своего никакимъ приключеніемъ не были они встревожены. Путь ихъ продолжался по степямъ и лѣсамъ, кони замокъ Видоспановъ былъ окруженъ. На послѣдокъ въ одинъ день заснула ихъ ночь въ густомъ Миршовникѣ, по срединѣ коего былъ небольшой лужокъ. Свѣтосанъ и Борисполкъ слезши съ своихъ коней, и разбѣдавъ оныхъ пустили ихъ на лугъ; а сами поужинавъ и помолясь Богамъ своимъ покровителямъ, и защитникамъ шѣхъ мѣстъ, отдалися во объятія Морфеевы для полученія силъ къ дальнѣйшему путешествію.

При окончаніи первой спражи сонъ ихъ былъ прерванъ печальнымъ и ужасающимъ пѣніемъ: Славяне вспали, и осматриваяся на всѣ стороны, дабы увидѣть откуда оно происходило, усмотрѣли они сквозь деревья сіяніе многихъ свѣточей. Спранное сіе приключеніе возбудило въ нихъ любопытство узнать онаго причину. Взявъ свое оружіе, пошли они къ тому мѣсту, откуда происходилъ свѣтъ: подошедъ къ оному, увидѣли они торжественное шествіе Жрецовъ, и нѣсколькихъ послѣдователей за ними; въ рукахъ у всѣхъ у нихъ были свѣчи

и пламенники. По срединѣ сей толпы шелъ человекъ въ бѣломъ одѣянїи, и въ вѣнкѣ изъ цвѣшовъ: руки у него были загнуты на задъ и связаны. Видъ его печальный и воздыханїя, и прочїе признаки показывали его осужденнымъ на жертвсприношенїе; что и не ложно было. За сею жершвою несены были препоясанїе и мечъ, украшенныя золотомъ и дорогими каменьями; за ними вели другїе коня, на коемъ лежало Варяжское платье и оружіе.

Свѣтлосанъ и Оруженосецъ его, дивясь спранныму сему позорищу, и желая узнать его окончанїе, шли за нимъ до того времени, пока шествіе остановилось при нѣкопородой пещерѣ, въ коей по освященїи ея увидѣли они великолѣпную гробницу, а на оной истуканъ, представлявшій Индѣйскаго Государя. Передъ гробницею стоялъ жершвенникъ украшенный цвѣтами. Жрецы вошедъ въ пещеру, и положи на жершвенникъ дрова, развели огонь: окурили истуканъ благовоиїями, окропвали пещеру и предстоящихъ священною водою, поя между шѣмъ Гимны въ честь Богамъ. Попомъ Первосвященникъ, взявъ осужденнаго на жершву, привелъ къ жершвеннику, и пошановя

Шанова предъ онымъ на колѣни, пречелъ надъ нимъ молитвы, окропилъ его чиспительною водою, и окуря благоуханіемъ, вознесъ жертвенный ножъ, чтобъ имъ пронзить его. Тогда Свѣплосанъ, исполненъ будучи челоѣколюбія и желанія спасти сего неповиннаго, бросился къ жрецу, и вырвалъ у него ножъ.

Сіе великодушное его дѣйствіе привело жрецовъ, и народъ пришедшей съ ними, въ великое смятеніе: первое попому, что они его не примѣтили, и не ожидали ошъ него шакого нападенія; второе, что сочли сіе дѣло ужаснѣйшимъ злочестіемъ; чего ради въ преванкой ярости бросились на него всѣ съ кинжалами. Свѣплосанъ ни мало не ушпращась ихъ свирѣпства, обнажилъ свой мечъ въ сопрошвеніе имъ, и началъ ошвращать нападенія ихъ безчисленными ударами; при чемъ присовокупился къ нему и Борисполкъ. Не много сполло имъ шпуда разогнать сію кровавадную толпу, изъ коея перерубили и переранили они большую часть.

Оспавшись побѣдителями, перее ихъ спараніе было, чтобъ разрѣшить ошъ узъ осужденника, которой получа свободу палъ имъ въ ноги, и приносилъ

свою

свою благодарность найчувствительнѣйшими словами. По изъясненію его узналъ Свѣтлосанъ, что онъ Варягъ, чего ради почувствовавъ къ нему большую пріязнь по причинѣ сосѣдства ихъ земель, и нѣкопорымъ образомъ единоплеменства, спрашивалъ его, кто онъ таковъ, и какимъ образомъ попался въ руки сихъ свирѣпыхъ людей? Варягъ съ охотою согласился въ помѣ его удовольствовашь, и началъ повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РУСОВЫ.

Я называюсь Русъ, Отечество мое Винешша; родишель мой пріобрѣлъ себѣ въ семъ городѣ довольную славу, обучая молодыхъ людей словеснымъ наукамъ; наипаче всего искусенъ онъ былъ въ исторіи, которая вселила въ меня охоту къ спранствованію. Я просилъ дозволенія у моего отца путешествовашь: но онъ, имѣя во мнѣ одного у себя сына, не хотѣлъ на то никакъ согласиться; однакожь желаніе мое шѣмъ нимало не уменьшилось. Я опредѣлилъ убѣхать отъ него тайно: что и учинилъ запасшись деньгами, кои у него похитилъ.

Сей кражѣ, и не позволѣнїю родителю моего на шайный мой побѣгѣ, приписываю я всѣ несчастїя, копорыя со мной попомѣ случились. По выѣздѣ моемѣ изъ Винешпы пусшился я напередѣ въ Славенскѣ, опшуда въ Кїево владѣнїе, попомѣ въ земли Чеха и Леха, а наконецѣ въ Грецію. Въ сей спранѣ пребылъ я довольное время, не болѣе для прїятности сей земли, какѣ для наученїя себя словеснымѣ наукамѣ. Видѣлъ я въ ней довольно разумныхѣ людей, однакожѣ не менѣе и глупцовѣ, изъ коихѣ одинѣ принудилѣ меня оспавишь сїю землю, славную седмью Мудрецами. Опшуда пробрался я въ Вавилонѣ, и принужденѣ былѣ въ семѣ городѣ бышь мершвымѣ съ прочими его жителыми не малое время. Сїе непременно вамѣ спранно покажется, примолвилѣ Русѣ, великодушныя мои избавишели: и для того расскажу вамѣ ешо приключенїе, пропусчая другїя маловажныя, дабы не наскучишь вамѣ мою повѣспью.

Государь сея спраны назывался Варранѣ, будучи человекѣ молодой жершвовалѣ онѣ не рѣдко любви: Сераль его содержалѣ въ себѣ болѣе трехѣ сошѣ красавицѣ; но наипаче всѣхѣ одна пленная

ненная Ипаліанка привлекла на себя его взоры, и владычешствовала надъ нимъ болѣе, нежели онъ надъ своими подданными. Она была малинькое его Божество, коего прихощамъ жертвовалъ онъ всѣмъ: дѣлалъ для нее безпрестанныя Пиршества, Маскарады, Концерты, всснародныя игры и проч. Словомъ, не было шаква увеселенія, каковабъ онъ для нее не выискалъ, жопябъ оно стоило годовыхъ его доходовъ.

Нѣкогда сей владѣтель, въ день ея именинъ, представилъ народу позорище, на коемъ и самъ присутствовалъ съ нею: великолѣпіе онаго привлекло великое множество народа оповсюду. Все успремили на него свое вниманіе; но въ самомъ жарѣ онаго разрушило его ужаснѣйшее приключеніе. Вдругъ появилось на небѣ густое облако, кошорос лепѣло по Оризонту съ необыкновенною скоростію: поравнявшись съ позорищемъ начало оно спущаться на землю, и вдругъ развернувшись представило нашимъ глазамъ самаго гнуснаго карла, одѣтаго въ великолѣпную и странную одежду. Показіе явленіе, объявъ всѣхъ умы, привлекло на себя народныя взоры, въ шю время карло, принесенъ будучи облакомъ къ

шому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Вараранъ съ своею любовницею, схватя ея поднялся съ нею на воздухъ, произнеся многія ругательства и наемѣшки Персидскому Государю. Язвительныя его слова и похищеніе любовницы, ушувивъ страхъ и удивленіе въ Вараранъ, возбудили въ немъ великій гнѣвъ: схвативъ у одного изъ спражей копьё, поразилъ онымъ карла въ лядвію; чему послѣдуя придворные и народъ, начали въ него бросать всемѣшкѣ, что кто имѣлъ въ рукахъ. Сіе нападеніе шоль разъярило воздушнаго пушника, что онъ обратилъ насъ всехъ въ камень, а городъ со всемѣмъ уѣздомъ въ шепь: сказавъ при томъ, что по шѣхъ поръ не ошдѣлимся мы отъ земли, и не получимъ прежняго своего вида, пока не снимешъ кто съ Варарана, обращеннаго также въ зеленый камень, голыми руками ядовишой жабы, родившейся отъ плевка, изверженнаго симъ гнуснымъ волшебникомъ на Персидскаго владѣтеля. Но сего вы вѣчно не дождешесь, приславилъ карло; ибо сего не можешъ учинить одна человѣчская сила.

Да и дѣйствительно оспались бы мы на вѣкъ въ семъ горестномъ состояніи, ежели бы не послали Бога къ намъ избавителя,

видѣлая,

вишея, которому сіе сполло, я чаю, жазни; ибо когда онъ сорвалъ съ Варарана Жазу, то оная превращаясь въ великаго слона; унесла его потчасъ у насъ изъ вида. Вараранъ и подданные его, получа прежній свой образъ, принесли общую благодарность Богамъ; а избавишело своему въ чешьъ воздвигли золотой испуканъ; ибо ничѣмъ другимъ кромѣ сего не могли они засвидѣтельствоватьъ ему своей благодарности.

Ахъ! вскричалъ при сихъ словахъ Свѣшлосанъ: епо былъ несчастный мой зять, который возврапя вамъ жизнь, лишился можешъ быть своей ошъ люшато Карачуна. Сіе восклицаніе вселило въ Руса любопытство: онъ просилъ Славенскаго Князя рассказать ему о себѣ, кшо онъ шаковъ. Свѣшлосанъ, увѣдомя его о томъ въ коропкихъ словахъ, просилъ его доканчивать свою повѣсть, на чшо Русъ съ охотою согласясь, продолжалъ ес слѣдующимъ порядкомъ.

Получивъ паки жизнь, спарался я поскорѣе выѣхашъ изъ Персіи, опасаясь вшоричнаго превращенія. Слышя много похвальнаго объ Индіи, поѣхалъ я въ нее, желая узнать о спранѣ сей обшпояшельно. Обрѣзжая многія мѣспя досшойныя.

любо-

любопытства , наѢхалѢ я наконецѢ на такое , которое паки лишило было меня жизни. НѢкогда вѢ весьма жаркѢй день , пробѢзжая лавровую рощу , захопѢлось мнѢ подѢ шѢнѢю ея опдохнуть : чего ради привязавѢ моего коня кѢ дереву , легѢ самѢ на праву , и опдыхая на ней нечаянно заснулѢ. ВѢ самомѢ почти началѢ моего сна , пробудился я опѢ рева и шрѢска вѢшвей : проснувшись увидѢль я , что преужасной величины БарсѢ напалѢ на моего коня , которѢй опѢ него всѢми силами опбивался. Желая помочь ему , и себя спасти опѢ опасности , схватилѢ я копье , и поразилѢ имѢ хищнаго звѢря , коего удвоившаяся шѢмѢ ярость обратилась на меня. Сколько храбрость и досужство мое ни употреблялѢ я себѢ вѢ помощь , однакожѢ не возмогѢ себя защититѢ опѢ всѢхѢ его нападенѢй ; и напоследокѢ непрѢменноѢ спалѢ его жертвою , съшлибѢ не помогѢ мнѢ ЛевсилѢ , славный спраны шоя волшебникѢ , которѢй случился тогда на ловѢ подѢ самого того мѢста. БарсѢ былѢ шопчасѢ убитѢ , а я опнесенѢ вѢ его замокѢ для излѢченѢя опѢ ранѢ.

ИскусвомѢ его былѢ я вѢ шопѢ же день опѢ оныхѢ освобожденѢ ; и хошѢль было

было отъ него поѣхашь, принесши на-
передъ мою благодарносць за вспоможе-
нїе его; однакожъ былъ имъ удержанъ.
Видъ мой и образъ изъясненїй моихъ
сполько ему понравились, что хопѣлъ
онъ меня имѣть при себѣ вѣчно, и раздѣ-
лять со мною всѣ выгоды своего соспо-
нїя; а я видя его къ себѣ прїязнь, и по-
любя его также, согласился на то охот-
но. На послѣдокъ поопознавшись болѣе, и
здѣлавшись шѣсными прїятелями, не
скрывали мы другъ отъ друга ничего: я
ему рассказывалъ мои приключенїя, а
онъ мнѣ свои, кои сосполяли въ слѣдую-
щемъ.

Природою былъ онъ Армянинъ, и
сынъ богатаго купца; искусству волхва-
ванїя научился онъ отъ своей бабки,
которая была родомъ изъ Египта. Оста-
вшись послѣ отца своего весьма молодъ,
получилъ онъ великое наслѣдство, и упо-
требилъ его на изученїе себя совершенно
Кабалистикъ, для которой странство-
валъ онъ по всѣмъ частямъ свѣта; и
доспалъ себѣ помощію ея преудивитель-
ныя вещи, изъ коихъ препоясанїе мечъ,
которыя вы здѣсь видите, были всего
важнѣе. Прибывъ въ Индію, и проѣзжая
шѣми мѣстами, въ кошорыхъ на послѣ-
докъ

скѣ построилъ себѣ замокъ , влюбился
 день по случаю въ Нимфу , увидѣвъ ее
 спящую подъ вѣсчънка , мимо когото
 онъ ѣхалъ. Пріятный ея видъ и ласки,
 къ чему можетъ быть наиболѣе по-
 служило его искусство, склонили ее скоро
 на его желаніе, съ такимъ припомъ усло-
 віемъ , чѣобъ онъ женился на ней , и
 оспался жить въ той спранѣ ; ибо она
 ее оспавить не хотѣла. Левсилъ на все
 съ радостію согласился : женился на ней,
 и построилъ великолѣпный замокъ по
 близости отъ того мѣста , гдѣ обитала
 прежде Нимфа.

По любви ихъ и согласію надлежало
 жизни ихъ продлиться во вѣкъ благопо-
 лучною : любили они другъ друга какъ
 любовники , искренни были какъ друзья,
 и вѣрны какъ супруги. Левсилъ открылъ
 ей все свои таинства , и здѣлалъ ее
 сполькожъ искусною въ Кабалистикѣ ,
 сколько былъ и самъ. Согласіе ихъ и лю-
 бовь можнобъ было пославить примѣ-
 ромъ , еспьлибъ они жили въ нынѣшніе
 вѣки ; а въ древнія времена оныхъ до-
 вольно было. Жизнь свою провождали
 они въ непрерывныхъ веселіяхъ и заба-
 вахъ : всякая малость дѣлала имъ удо-
 вольствіе ; однимъ словомъ , вѣкъ бы ихъ
 преде-

пролетѣлъ какъ одна минута, ешьянбѣ
ненависть и злоба любаго волшебника
недала имѣ почувствовать горестей сего
мира.

Волшебникъ сей былъ Карачунъ, и
самой плоть; который превратилъ Вара-
рана, и всѣхъ его подданныхъ въ камни.
Онъ былъ весьма влюбчивъ и корысто-
любивъ: всѣхъ прекрасныхъ женьщинъ
похищалъ онъ въ свой Сераль, а дорогія
и рѣдкія вещи собиралъ оповсюду въ
свой сокровища. Объ етомъ извѣспился я
опѣ Левсила; ибо онъ по причинѣ съ
нимъ ссоры, и также по искусству свое-
му зналъ объ немъ обстоятельно. А не-
нависть его навлекъ онъ на себя опѣ
сабдующаго приключенія.

Построивъ свой замокъ, и желая
великолѣпнымъ образомъ торжествовать
свой бракъ съ Нимфою, позвалъ
Левсилъ на оный всѣхъ знаемыхъ ему
волшебниковъ, которые одарили ново-
брачныхъ рѣдкими и важными вещами
по ихъ наукѣ. Свадьба ихъ торжествована
была великолѣпно и весело: уже
сопиршесшующіе, наполнившись виномъ,
запѣли пѣсни въ честь новобрачнымъ,
и упоая въ веселіи ни о чемъ непомыш-
ляли кромѣ роскоши, како вдруго огни-
ныя

ный клубъ, провождаемый громомъ и молніями, влѣтѣвъ къ нимъ въ комнату пресѣкъ ихъ восхищенія, и обратился на себя всѣхъ взоры.

Епо былъ Карачунъ: здѣлавшись изъ огня человѣкомъ, подошелъ онъ къ Левсалу, и сказалъ ему съ надмѣннымъ и насмѣшливымъ видомъ. Я очень сожалѣю, что ты сочелъ меня ниже всѣхъ, и не удостоилъ меня имѣть своимъ господемъ; однакожъ, я чаю, ты вѣдаешь, что знаніе мое и власнѣ могутъ поколѣбать вселенную, и съ самымъ твоимъ замкомъ. Милоспивый государь! перехватилъ рѣчь его Левсаль: это нѣ отъ презрѣнія произошло; а отъ того, что я не имѣя чести бытъ тебѣ знакомъ, не осмѣлился тебя прозьбою моею шрудить; не надѣясь припомъ, чтобъ ты удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Извиненіе не худо вздумано: вскричалъ Карачунъ; однако ужъ поздно, да и несправедливо; пошому что я и не званой сюда прѣбхалъ, дабы доказать тебѣ, что я не гордъ и не сердитъ. Левсаль помоществуемый прочими волшебниками; спарался всячески предъ нимъ извиниться; и на послѣдокъ умягчилъ его совершенно, такъ какъ хотѣлъ епо доказать Карачунъ.

Левсаль!

Левсилъ посадилъ его въ первое мѣсто, а прочіе гости сѣли по своимъ. Веселіе опять повсюду разлилося, и всякъ думалъ объ одномъ винѣ и пированіи. Карачунъ также показывался слѣдующимъ общему желанію; однакожъ непре- спанно задумывался, почаспу взглядывая на Нимфу. Прочіе, бывъ ошягощены виномъ, сего не примѣчали; но Левсилъ будучи презвѣ, и пріемля въшомъ больше всѣхъ участія, не пропускалъ ни одного его взора, коихъ частые и спра- стные обороты увѣрили его вскорѣ, что онъ имѣетъ себѣ въ немъ соперника. Чего ради получивъ на него подозрѣніе, предпріялъ его осперегаться, опасаяся опъ него себѣ нападенія. Однакожъ Карачунъ, сколько былъ ни дерзоспенъ, не опважился ничего тогда предпріяпъ при собраніи волшебниковъ, коихъ совокуп- ная сила превышала его могущество. Чего ради по окончаніи стола, поблаго- даря съ притворною ласкою Левсила, поднялся на воздухъ, и исчезъ опъ всѣхъ въ минушу.

Левсилъ оставшись одинъ со своими гостями, извяснилъ имъ свои подозрѣнія на Карачуна, и просилъ ихъ всѣхъ по- мочь себѣ въ шакомъ опасномъ для него

обстоятельствѣ. Волшебники, будучи имѣ угощены, охотно согласились на прозьбу его, и здѣлали между собою совѣщѣ, какимѣ образомѣ опрратить опѣ новыхѣ супруговѣ нападенія Карачуновы. По довольномѣ ихѣ о шомѣ разсужденіи, придумали наконецѣ здѣлать шакое ожерелье для Левсиловой жены, что когда она будетѣ имѣть его на себѣ, то всякой, ктобѣ къ ней ни прикоснулся, ожжется опѣ нее шакѣ какѣ опѣ раскаленнаго желѣза. А ктобѣ и мужѣ ея не прешерпѣлѣ шогожѣ, прикася къ ней, то положили здѣлать ему золотую дѣнь, на которую повѣсипѣ изѣ шаковажѣ мешалла Тализманѣ, на коемѣ начертанныя волшебныя слова учиняшѣ прикосновеніе его къ Нимфѣ не вреднымѣ.

Выдумка сія весьма показалаась новобрачнымѣ: они просили волхвовѣ исполнить се поскорѣе самымѣ дѣломѣ, что они и учинили совокупными силами въ шотѣ же часѣ, и вооружили ими молодыхѣ супруговѣ. Послѣ чего, по учиненіи сѣ обѣихѣ споронѣ учтивостей, разошлись. Волшебники развѣхались по своимѣ жилищамѣ, а новобрачные опѣдались въ обѣщія любви и сна.

Карачунъ заразясь любовію къ Нимфѣ, предпріялъ ее похищать: въ слѣдствіе чего, вооружась всѣми своими силами, и полетѣлъ къ нимъ подвѣ вечеръ, уповая ихъ исплошнить, и найши неспособными къ оборонѣ. Видѣ принялъ онъ на себя седмглавой Гидры, дабы спрашнѣе показаться: и въ семъ образѣ примчался въ Левсиловъ замокъ.

Молодые супруги находились тогда въ саду, наслаждаяся пріятностію воздуха, а болѣе своими нѣжностями. Малорослый чародѣй, увидя ихъ въ семъ расположеніи, воскипѣлъ сильнѣйшею завистію, и бросился на Нимфу, дабы ее похищать изъ рукъ нѣжнаго ея супруга. Но лишь только прикоснулся къ ней, повзревѣлъ какъ лѣшей, будучи уязвленъ пламенемъ, произшедшимъ отъ волшебнаго ожерелья, копорое на ней было. Въ ярости своей кошѣлъ было онъ разперзашъ Левсила, думая что онъ сему былъ причиною: но Армянинъ, имѣя на себѣ волшебное препоясаніе и мѣчь, о копорыхъ я обѣявалъ, и коихъ силъ ничто не могло пропавишься, поразилъ его симъ оружіемъ, и ошсѣкъ ему голову, что такъ взбѣсило Карачуна, что бросясь всѣмъ своимъ шѣломъ на Левсила,

хотѣлъ его разперзати; но получа другой себѣ ударъ, копорой лишилъ его другой головы, принужденъ былъ ярость свою удержати, и прибѣгнувъ къ отступленію. Чего ради принявъ прежній видъ, и вспомошесвуемъ будучи Духами, поднялся на воздухъ, крича припомъ Левсилу: Ты побѣдилъ шеперь, бездѣльникъ! однакожь не долго спавешь гордишься своимъ злодѣисвомъ: праведная моя мещь вскорѣ тебя накажетъ, и увѣритъ тебя, что Карачунъ больше имѣетъ силы Армянина.

Левсилъ, будучи ободренъ своею побѣдою, смѣялся его угрозамъ; однакожь положилъ съ шѣхъ поръ завсегда ходитъ въ семъ спасительномъ препоясаніи, и имѣетъ при себѣ мечъ; а супругъ своей совѣщовалъ носить также завсегда ожерелье. На ночь заграждалъ онъ свою спальню волшебными словами, коимъ научили его волхвы; а днемъ защищалъ его мечъ; и такъ отъ всѣхъ сторонъ находился онъ безопасенъ отъ Карачуна. Но отъ чего не можно ему было ожидать несчастія, отъ того оно ему приключилось: по естѣ отъ меня, отъ наилучшаго его пріятеля. Симъ именемъ могу я величаться; ибо подлинно былъ я ему искренній

искренній другъ, и причинилъ ему бѣд-
спые не съ умысла, а пронырствами
любопаго Карачуна.

Вскорѣ послѣ побѣды Карачуновой
прѣхалъ я въ Индію, и вошелъ въ его
замокъ объявленнымъ мною образомъ.
Подружась съ симъ любезнымъ человѣ-
комъ, не отспавалъ я отъ него ни на
минушу, такъ какъ и онъ отъ меня.
Всѣ увеселенія, какія можно было найсти
въ замкѣ, служили къ нашему удоволь-
ствію: чаще всего ѣздили мы на охоту,
кою весьма снраспно любилъ мой пріятель,
и копорая на послѣдокъ намъ здѣ-
лалась бѣдственна; а наипаче Левсилу.

Нѣкогда будучи на оной, и гоня
довольное время звѣрей, разбилися мы
всѣ по разнымъ мѣстамъ: иной гонилъ
изъ насъ Вепря, шотъ Барса, а миѣ
попался Олень, какова ни я, и никпо
другой отъ роду невидывалъ. Рога у него
были золотые, ноги желѣзные, нашеѣ
блиспало жемчужное ожерелье, въ ушахъ
бравіаншовыя серьги, а спаномъ споль
былъ пригожь, чпо не всякой бы худ-
ожникъ могъ вѣрно положить на кар-
тину его красоту. Такой удивительный
Олень всякаго бы зришеля склонилъ ко
вниманію; а я шакое почувствовалъ же-

ланіе кѣ овладѣнію имѣ, что поскакалъ за нимѣ въ шужѣ минушу, и положилѣ не прежде возвратишься, пока его не поймаю, или не заспрѣлю. Мнѣ весьма хотѣлось похвастаться передѣ Левсиломѣ есю добычею, какой не случилось ему никогда и видѣть.

Вѣ сихѣ мысляхѣ проскакавѣ за нимѣ довольное время по долинамѣ, горамѣ и лѣсамѣ, пригналъ его напослѣдокѣ кѣ весьма крупной и каменистой горѣ, вѣ коей находилось множество пещерѣ. Вѣ одну изѣ оныхѣ вбѣжалѣ тонимый мною олень: а я надѣясь способности его вѣ оной поймать, оставилѣ мою лошадь, и вошелѣ за нимѣ вѣ пещеру. Она раздѣлялась на другіе многіе вершины, вѣ коихѣ заблуждая нѣсколько времени, увидѣлъ я наконецѣ вѣ недалекомѣ отѣ меня разсояни свѣтѣ, и блистаніе мепалловѣ и камней. Побуждаясь любопытствомѣ пошелѣ я шуда, откуда зрѣніе мое они поражали: чѣмѣ ближе я кѣ нимѣ подходилѣ, тѣмѣ болѣе они увеличивались; и напослѣдокѣ по приближеніи моемѣ шуда, представилась монмѣ глазамѣ великолѣпная зала, украшенная серебромѣ, золотомѣ и драгоценными камнями. Освѣщена она
была

Была многими хрустальными паникадилами, опѣ копорыхъ сїяніе разливалось повсюду. Напротивѣ дверей споялъ пресполь изѣ чистаго золоша, усыпаннаго браліаншами: на немѣ сидѣла дѣвица въ бѣлой и съ розами смѣшанпой одеждѣ. Красоша ея споль была велика, что зашмѣвала всѣ украшенія находившіяся въ пещерѣ. Руки и ноги ея скованы были алмазными цѣпями, кои прикрѣплены были къ пресполу.

Сіе удивительное зрѣлище сполько меня поразило, продолжалѣ Русѣ, что я пришедѣ въ изумленіе, и нѣкопорый родѣ боязни, не могѣ ниодного выговорить слова, и шолько что смотрѣлъ на окованную красавицу. Она первая перервала молчаніе: шы удивляешься Русѣ, говорила она мнѣ, сему чудному позорищу; но еще болѣе удивишься, когда узнаешь мою испорію. Я Царская дочь: въ несчастное сіе соспояніе приведена я Карачуномѣ: онѣ меня похишилѣ опѣ моего родителея, и заключилѣ въ свой сераль, желая имѣшь меня своею любовницею. Всѣ богатства свѣша опдавалѣ онѣ въ мою власшь: всѣ хошѣлъ покорить моей волѣ; но ничѣмѣ не возмогѣ снискашь склонности моея къ себѣ. Угрозы его шакже ни-
МЯЛО

мало не подѣйствовали надо мною ; ибо способомъ нѣкопорого моего знанія въ Крбалистикѣ, умѣла я отвращать всѣ его насильства. Сіе столько его огорчило, что заключа меня въ вершепѣ, оковалъ сими волшебными цѣпями, коихъ ничто пресѣчь не можешъ, кромѣ волшебнаго Левсилова меча ; и ничто другой кромѣ себя. Первому причиною закланіе Карачуново, а другому мое соизволеніе, продолжала она закраснѣвшись. Ты вина сей моей неволи, жестокой ! для себя я презрела Крипскаго Царя, для себя возгнушалась Карачуномъ, и ввержена въ сіи оковы. Вспомни Лакедемонъ, и въ немъ несчастную Царевну Горіаду, на копорую зрѣніе твое навлекло на себя отъ ревниваго моего жениха нѣсколько ударовъ, и принудило тебя освавить Грецію. Я самая та Горіада прельщенная побою : я за тебя поссорилась съ Крипскимъ Царемъ ; и будучи потомъ похищена Карачуномъ, отвергла его предложеніе, и осуждена за то въ вѣчную неволю. Терзаяся любовію къ тебѣ всякой часъ, послала я искать къ тебѣ сего оленя, сотвореннаго моимъ искусствомъ, копорый завелъ тебя въ сію пещеру. Теперь желаніе мое исполнилось : я вижу тебя ; а о любви швоей

швоей ко мнѣ спану судишь по швоему отвѣшу. Но знай напередъ: ежели шы изъ оковъ моихъ меня освободишь, по Карачунѣ тебѣ мспитъ не будешъ; онѣ мнѣ кляся въ епомѣ, заключаая меня въ цѣпи, Княземъ Духомѣ, и всѣми Богами. Сверхъ того будешъ шы обладашь вѣчно мною, ежели только любовь моя тебѣ пріятна; будешъ царствовать со мною на пресполѣ, и поведешъ спокойную и пріятную жизнь вѣ моихъ обѣщаніяхъ. По сихъ словахъ она умолила, ожидая моего отвѣша.

А я, будучи пораженъ прелестями ея и словами, пришелъ вѣ пущее недоумѣніе, и не зналъ что говорить. Сердце мое наполнилось снова къ ней любовью, кошорую почувствовалъ я вѣ Лакедемонѣ: а удовольствіе, слыша ея къ себѣ любовь, и лестныя ея обѣщанія помушили всѣ мои мысли. Вѣ восторгѣ моемъ бросился я предъ нею на колѣни, и - - -

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ Лугопой Миліонной, у переплетчика
Вегъ, продаются слѣдующія книги.

	Р.	К.
1. Трушень, еженедѣльное сочи- неніе на 1769 годъ - - -	1.	40-
2. Трушень на 1770 годъ, за весь годъ. - - - - -	2.	..
а порознь каждый листъ по		4.
3. Собраніе пѣсенъ, часть I. -		75-
4. Славенскія древности часть I.		
5. Еннды Виргиліевой, пѣснь I.		25-
6. Еженедѣльникъ Смѣсь на 1769 годъ. - - - - -	1.	
7. Еженедѣльникъ и То и Съо.	1.	4-

ПОГРѢШНОСТИ

стр. 23 стр. 1 напеч. прѣшны читай приняшы

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Сочиненіе

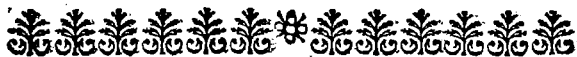
Михайла Попова.

Часть II.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

При изданіи второя части Слапенскихъ Древностей, за нужное явчелъ изъяснитья предъ моими читателями, пѣ разсужденіи титула сея книги, которое нѣкоторыми почтено содѣлать ей неспойстпеннымъ. Но я и при семъ етомъ остапиль бы всякого гонорить о семъ по его благо-разсужденію, ежелибѣ не присопокуплено было нѣчто къ ущербу моего чистосердечья, съ какимъ положено отъ меня сѣе назпанге. И потѣ что пѣ оправданге мое предстапляю.

Намѣренге мое, услужить обществу посильнымъ трудомъ, было мнѣ побужденге мѣ сочинить сѣю сказку, или такъ называемый романъ. Первыми лицами постапиль я пѣней Слапенскихъ Князей, между которыми Спѣтлосанъ занимаетъ первое мѣсто; я ее украсиль нѣкоторыми нашими Древностями, которыя могли пойти пѣ разположенге сего сочиненья, и къ описангю коихъ прибапиль я нѣсколько вымысловъ, дабы прятнѣе ихъ предстапить взорамъ читателя.

читателя. Вотъ что склонило меня наименовать сѣе твореніе Славенскими Древностями; а чтообъ читателямъ не подать объ немъ, при перпомъ на него взглядъ, друсмысленнаго поображенія, то я присоухулилъ: яви Приключенія Славенскихъ Князей, что яено означаетъ романъ, а не исторію о нашихъ Древностяхъ, какъ нѣкоторые мнили найти.

Но ежели, и при семъ моемъ оправданіи, титулъ сея книги найдетъ кто дѣйствительно ей неспойстпеннымъ, то я, пѣ разсужденіи такого, соглашусь лучше признать себя погрѣшившимъ пѣ наименованіи моей книги, нежели остаться предъ обществомъ такимъ челоукомъ, который пышнымъ названіемъ малопажныя книги, хочетъ обмануть любозытство его пѣ свою пользу.

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ,

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РУСОВЫХЪ
ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

✽✽✽
✽ **Б** [✽]удучи внѣ себя схватилъ я
✽ [✽]ея руку, и цѣлуя ее сира-
✽ ✽ ✽ сно, вскричалъ: Ахъ, пре-
красная Горіада! возможно ли,
чтобъ Русь была столько счаст-
ливъ! И лъзя ли, чтобъ наипре-
краснѣйшая особа въ свѣтѣ удо-
стоила шоль бѣднаго челоуѣка поч-
шпть своимъ взоромъ, и согласи-
лась для него претерпѣвать нап-
Часть II. А сши?

ети? Нѣтъ! я скорѣе самъ шмо-
кранно умру, нежели допущу тебя
спрадапъ еще въ семъ подземномъ
жилищѣ. Но, ахъ! Желаніе мое
освободишь тебя ешь больше, не-
жели способны его исполнить. Мечъ,
отъ коего, по словамъ швоимъ, за-
виситъ швое освобожденіе, въ ру-
кахъ у Левсила, моего пріятеля,
копорый, какъ я ему ни другъ, не
смѣешь и мнѣ его ни на минуточку
повѣрить, опасаяся Карачуна, мо-
шаго швоего похишителя, копо-
рый безпреспанно ищетъ случая,
его исплошить безъ волшебнаго сего
меча.

Какъ! перехватила Горіада, ко-
гда я для тебя презрила царя.
лишилась всѣхъ упѣхъ свѣта, под-
верглася съ радостію вѣчнымъ око-
вамъ, ты не находишь тогда сред-
ства освободишь меня отъ узъ; оп-
рекаешься быть моимъ супругомъ, и
сидѣшь со мною на пресполѣ? Не-
благодарный! Сего ли отъ тебя я
ожидала? Таковой ли цѣны горяч-
носшь моя спонтъ? Я бы для осво-
божденія швоего, изъ подобнаго не-
счасція, предала жизнь мою всѣмъ
муче-

мученіямъ: пожертвовала бы тебѣ отцомъ, матерью, всею моею родомъ, и наилучшею моею пріятельницею. Ты не находишь средства освободить меня, и для этого только, что твой пріятель обладаетъ симъ мечемъ, и что онъ тебѣ не вѣришь его опасаясь Карачуна. Я согласна на сіе, но развѣ нѣтъ другихъ способовъ его получить? Неужели ты не находишь въ себѣ столько досужства чиня похитить его тайно для спасенія той, которая тебя обожаетъ? Ахъ! Государыня, вскричалъ я, могу ли я сіе учинить не подвергая себя презрѣнію всего свѣта, отваживая моего пріятелиа нападкамъ Карачуновымъ? Нѣтъ, перехватила окованная красавица, себя ты презрѣнымъ не учинишь, избавляя отъ вѣчныхъ темницы несчастную царевну, тебя любящую, и впадшую для тебя въ шель недостойное состояніе моего сана. Жестокой! Смотри на лиющіяся мои слезы, на помлненіе мое и прелепть: вообрази лютое страданіе моего сердца, пылающаго къ тебѣ неограниченною лю-

бовію! Освобожденіемъ моимъ не одной пыи мнѣ учинишь благодѣяніе: пыи избавишь отъ горести двухъ несчастныхъ родителей, которые непрестанно о мнѣ сокрушаются, и изрываютъ себѣ гробъ ежечасными воздыханіями. Ежели пыи пресѣчешь мои оковы, и возвратишь меня имъ, по какою благодарностию не воздадутъ они за твое благодѣяніе! Какою похвалою не возвеличатъ они твое дѣяніе! Они тебя поставятъ выше смертныхъ: отдадутъ тебѣ престолъ свой, учинятся твоими рабами, божествомъ тебя своимъ поставятъ, и живаго почтутъ тебя жертвами! А я, пылающая уже и къ жестокому, какимъ тебя почту въ моемъ сердцѣ, когда пыи учинишься моимъ избавителемъ! Ты мнѣ священнѣ Олимпа будешь! Ты мнѣ будешь.. Государыня! вскричалъ я тогда, ставъ ея чрезвычайно пронуть, я гошовъ тебя избавишь отъ сея неволи; но научи меня, какъ мнѣ сіе учинишь. Ты вѣдаешь конечно, присовокупилъ я, по своему искусству, что Лезвилъ препоясаніе свое

и мечъ имѣеть при себѣ непрестанно, а ночью спальню свою, въ которой ихъ хранишь, заграждаетъ волшебными словами, копорыхъ никакая сила побѣдить не можетъ.

Я знаю что, сказала мнѣ съ признаніемъ моя прелестница; но не ужели любовь твоя ко мнѣ не можетъ обрести какова средства къ полученію ихъ? Левсилъ тебя любить; изыщи какую нибудь хитрость, копорая бы тебѣ въспомоществовала овладѣть его мечемъ. Хитрость сія будетъ тебѣ простишерна, и Левсилу ни какой отъ того погибѣли не приключится; ибо какъ скоро ты меня избавишь, то я сама, вмѣстѣ съ моею благодарностію, подшуся возвращишь ему его оружіе. Любезный мой Русъ! Попыши освободить страждущую твою супругу отъ плѣненія; я тебя иначе уже не считаю, примолвила она, кидая на меня страстные взоры, какъ любезнымъ моимъ супругомъ; ибо коль скоро ты меня освоводишь, мужъ минушу и я, и престоль отца моего, тебѣ принадлежать будутъ.

Что же касается до способа , продолжала она , какимъ тебѣ доспать Левсиловъ мечъ , то я тебя оному научу , ежели ты самъ не хочешь принять на себя труда вымыслишь его. Воишь , говорила она , подавая мнѣ малую золотую коробочку , сія волшебная вещь можетъ тебѣ послужить къ предпріятію сему , самымъ легчайшимъ способомъ. Она имѣетъ силу , когда ее разкроютъ , приводитъ природу въ расстройство : возбуждаетъ бурю , громъ , молнію , градъ и вихрь. Возьми ее , и спупай въ Левсиловъ замокъ. Когда наступитъ вечеръ , то ты , имѣя ее всегда у себя въ карманѣ , разкрой ее : отъ сего единого дѣйствія смутится вся природа : возстанетъ пресильная буря съ безпрестаннымъ громомъ и молніею. Ты ихъ не спрашисъ внутренно , ибо они никакого зла тебѣ не приключатъ ; но прищорисъ предъ Левсиломъ , что ты сего весьма боишся : такимъ образомъ дай пройти цѣлой ночи , и слѣдующему дню. По прошествіи ихъ , и по наступленіи вечера , скажи Левсилу , принявъ

принявъ на себя испужанный видъ, что ты весьма страшишься сей непогоды, и не можешь ночевать въ своей спальнѣ: примолви, что ты и прошедшую ночь не спалъ, находясь въ повсеминутномъ страхованіи отъ безпрестаннаго грома и блиspanія. И посемь проси Левсила, чтобъ онъ позволилъ тебѣ ночевать въ своей спальнѣ, огражденной волшебными словами, которые сохраняютъ ее не токмо отъ насилія челоуѣковъ, но отъ огня, желѣза и бурь, и недопускаютъ никого въ нее войши безъ его позволѣнія.

Когда же онъ дозволишь тебѣ въ ней переночевать, то уже не трудно будетъ тебѣ овладѣть его оружіемъ: ты можешь во время ночи его похитить, и прѣхать сюда для освобожденія моего. Ибо трудно только войши въ его спальню, а выйши изъ нее никакого уже труда тебѣ не будетъ. Вотъ какъ тебѣ надобно поступить, любезный мой Русь! говорила она мнѣ, кидая на меня ласковые и распаленные взоры: не опринь прозбы плавающей къ тебѣ Горіады: извле-

и меня изъ ужасныя сея шемни-
цы, и возврапя меня моимъ роди-
телямъ, учинися нашимъ Царемъ,
и повелитѣлемъ храбрыхъ Спар-
шянъ.

Послѣдовавшія за симъ ласка-
шельства ея и слезы въ шакое кс-
лебаніе привели мой духъ, что я
склонился бы тогда предать и Лев-
сила и самого себя Карачуну, лишь
бы только освободишь ее отъ узъ
и шемницы, не токмо похитишь
мечъ у моего пріятеля. Возвращая
ей за ея ласки шьмою подобныхъ
ласканій, и безчисленными колѣно-
преклоненіями, обѣщаль ей съ кля-
твою исполнить ея повелѣніе. Въ
слѣдствіе чего, простясь съ нею, и
поѣхаль отъ нее къ Левсилѣву зам-
ку, по близости коего упражня-
лись въ ловитвѣ наши охотники.

Я ихъ нашелъ всѣхъ собравших-
ся уже въ одно мѣсто, и межъ ни-
ми Левсила, зоботящагося о моемъ
ошесудствіи, и приказывающа ис-
кашь меня. Прибытіе мое весьма
его обрадовало: онъ спрашиваль ме-
ня о причинѣ ошдаленія моего отъ
нихъ; а я, желая сокрышь отъ него
на-

настоящее приключеніе , принужденъ былъ ему лгать , что будто гонясь за звѣремъ заблудился , и на силу могъ найти прежній путь.

Левсилъ , почитая меня искреннимъ себѣ другомъ , нимало невздумалъ подозрѣвать меня во лжи , и вѣрилъ всѣмъ моимъ словамъ охотно. Послѣ чего побѣжали мы въ замокъ , ибо начало уже смѣркатъся. А я между тѣмъ , спѣша начавъ порученное мнѣ отъ Горіады дѣло , раскрылъ въ моемъ карманѣ волшебную коробочку ; и какъ только сіе учинилъ , то и началъ воздухъ колебаться , и мало по малу возспавать вихрь. Вскорѣ показалися темныя облака , которыя совокупляясь межъ собою покрыли надъ нами небо , и будучи понуждаемы вѣтромъ , начали спираться другъ съ другомъ , и напоследокъ произвели шакой сильный громъ , молнію , дождь и градъ , каковыхъ ни я ни Левсилъ отъ роду не видывали. Сіе принудило насъ убираться поскорѣе въ замокъ.

Слѣдуя Горіадину ученію , принявъ я на себя видъ боящагося

человѣка, и движеніями моими и словами старался увѣрить моего пріятеля, и Преврату его жену, что я весьма сей бури устрашаюсь. Они старались мнѣ доказать, что она ничего страшнаго въ себѣ не имѣетъ; и что сіе еспественно, и не должно пакъ устрашать разумнаго человека. Я и самъ епо вѣдалъ; но желая умысль мой произвести въ дѣйство, не давался имъ на уговоръ, и часъ ошъ часу припворялся боязливымъ. Представляя такимъ образомъ робющаго лице, весьма мало ѣлъ во время ужина, вскакивая и содрогаясь при всякомъ ударѣ грома. По окончаніи стола, просился я съ ними гораздо ранѣе обыкновеннаго, пославляя причину робость мою, для уменьшенія которой, говорилъ я имъ, хотѣлъ зарыться въ мою постѣлю. Они охотно склонились на мое желаніе, и проспаясь со мною пошли въ свою спальню, а я отбылъ въ мою.

Безъ всякаго припворства не могъ я уснуть большую часть ночи: образъ моей прелестницы повсеминушно упражнялъ мои мысли:

всѣ

всѣ ея слова и взгляды представлялися моему воображенію; наипаче обѣщанія ея услаждали мое честолюбіе: я воображалъ себѣ, что будто уже сижу на Лакедемонскомъ пресполѣ, и повелѣваю Спартанскими народами. Но высокоумію моему не довольно и сего было: я предпріялъ учиниться обладателемъ всей Греціи; и напоследокъ хотѣлъ окончивъ власнѣ гордыхъ Персовъ. По недолгомъ наслажденіи себя сими мнимыми побѣдами, вздумалъ я показать силу моего оружія Индіянамъ. Подвергнувъ ихъ моему игу, предпріялъ я увеличивъ державу мою покореніемъ Африки. Но можетъ ли удовольствованіе великій духъ столь малое пространство земель! Я видѣлъ неповинующихся еще моему скипетру цѣлую Европу, и безчисленные острова Океана. Чего ради предпріялъ я и ихъ всѣхъ подвергнуть моему оружію, и учиниться единодержавнымъ обладателемъ всей подсолнечной. Такъ заблуждаясь моими помышленіями, радовался я несказанно, воображая себѣ, какъ я стану вели-

величашься, когда всё части свѣта
будущь предсказать моему престо-
лу, и съ какимъ претепомъ спа-
нушь внимать всё мои слова. При-
семь общемъ повиновеніи всяя земли,
однѣ только планеты не признава-
ли моей власти; но я бы и ихъ
конечво уже покоришь себѣ, когдабъ
немилосердый Кикимора, Божество
Сна и Ночи, не испортишь у меня
скипетра, и не оковалъ шягосивы-
ми своими оковами Обладателя Все-
ленныя. Или лучше сказать: сонъ
пресѣкъ глупыя мои размышленія.

На другой день, по пробужде-
ніи моемъ, одевшись, пошелъ я къ
Левсилу, который находился уже
въ залѣ, разговаривая съ своею же-
ною о чрезмѣрности бури. Вся часъ
отъ часу умножалась. Хотя онъ и
былъ искусенъ въ угадываніи при-
чинъ, однакожь немогъ постигнуть
моей тайны, гошозившей ему по-
гибѣль. А я, принявъ на себя видъ
успрашеннаго и обезпокоеннаго че-
ловѣка, объявилъ имъ, что будно
не спалъ во всю ночь, въ повсеминут-
номъ находясь страхѣ отъ молніи.
Старался имъ выразить какъ мож-
но

но наилучше боязни мои и препенанія, и на послѣдокъ довелъ ихъ до того, что они сами начали изыскивать средства къ безопасности моей отъ бури; и на конецъ, не сыскавъ довольнаго къ ободренію мнимои моей робости, согласились, по прозбѣ моей дозволивъ мнѣ ночевать въ ихъ спальнѣ. Въ благосклонности сей наипаче утвердили ихъ мои благодарности, которыя однакожь не изъ того произпекали испочника, изъ коего мнили ихъ они. Весь опасокъ того дня препроводилъ я съ ними, припворяясь непрестанно пужающимся, и прося ихъ о сдержаніи своего обѣщанія.

На конецъ насталь вечеръ, и по окончаніи ужина пошли мы всѣ шрое въ Левсилову спальню, куда приказали перенести мою постелью. Искренняя пріянь и собѣсѣдованіе моего друга, чрезмѣрно перзали мою совѣсть: я покушался нѣсколько разъ, повергнувшись къ нему въ ноги, открытъ ему мой умыселъ, и отказаться совѣмъ отъ моея прелестницы; но воображеніе о красотѣ ея, и о Спаршанскомъ пре-

престолѣ, совокупляясь съ глупою надеждою завоевать всѣ часни свѣта, упустили въ шужь минушу мои угрызения, и утверждали меня паки въ беззаконномъ моемъ предпріятіи. Не долго ожидалъ я сего исполненія: пріятель мой вскорѣ заснулъ съ своею женою; а я, пользуясь ихъ успокоеніемъ и темною ночью, похитилъ роковое препоясаніе его и мечъ, и ушелъ изъ спальни, опредѣляя въ шопъ же часъ ѣхать къ Горіадѣ, дабы удобнѣе опо всѣхъ скрывать мое похищеніе.

Въ самомъ дѣлѣ нимало я и не мѣдлилъ: шогожъ часа пошедъ въ конюшню, и осѣдлавъ моего коня, поѣхалъ я изъ замка, не будучи ни къмъ усмошрѣнъ; ибо сонъ и сильная буря, обвѣвшія замокъ, сокрывали мой отѣздъ отъ взоровъ каждаго. Выѣхавъ изъ замка, поскакалъ я во всю конскую прышь, для освобожденія отъ узъ моей прелествицы, и для возшествія на Спаршанскій престолѣ. Во время продолженія моего пути, размышлялъ я, радуясь напередъ, сколько удивляю

Легъ

Левсила и Преврашу, когда явлюсь имъ въ порфирѣ и въѣцѣ; ибо я принялъ тогда намѣреніе напередъ воцариться, а потомъ уже показаться моимъ пріятелямъ. Сими и подобными услаждаюсь мыслями, къ чему также способствовала и пемнопа, сбился я съ дороги, ведшей къ пещерѣ; и принужденъ былъ проѣздить цѣлую ночь, хотя на послѣдокъ и закрылъ волшебную коробочку, дабы утишилась буря, и воздухъ принялъ прежній свѣтъ, но со всѣмъ шѣмъ немогъ сыскать горы, въ коей находилась Горіада, прежде солнечнаго восхода.

На послѣдокъ, при помощи солнечныхъ лучей, нашелъ ее; но какое было мое удивленіе, когда я вмѣсто отверстія, ведшаго во внутренность горы, нашелъ только не весьма широкую разщелину, въ которой увидѣлъ карпину въ человѣческой ростъ, на коей былъ изображенъ деревянный истуканъ, точно похожій на меня, съ ослиными ушами, въ дурацкой шапкѣ, и съ дѣвскою побрякушкою въ рукахъ! Я ошолбенѣлъ при семъ видѣ, и
 успремилъ

успремилъ удивленные мои глаза
на варшину, на коей изображен-
ный мой испуканъ окруженъ былъ
малыми рабьятами, представляю-
щими разные пороки, и точно шѢ,
которыя показалъ я въ себѣ при из-
мѣнѣ моему пріятелю. Они всѣ
представлены были указывающими
и ругающимися моему изображенію,
надъ которыми начертаны были
слѣдующія слова:

Прелестникъ Горѣдинъ,

Премудрый Русь,

Спартанскій обладатель,

Изпогнувшій у всѣхъ земныхъ вла-
дыкъ вѣнецъ,

Завоеватель всѣхъ небесныхъ звѣзд-
ныхъ странъ;

И на конецъ

Всѣмъ шиламъ симъ дастъ полкъ
вошъ ета образина.

На подножїи коея, продолжалъ
воздыхая и стыдяся Русь, написа-
ны были красными буквами слѣдую-
щія

ція строки , соотвѣтствующія на
верхніе стихи:

Невольникъ ладинъ ,
Лукавый прусъ ,
Предапель ,
Льстецъ ,
Болванъ ,
Глупецъ ,
Скотина ,

По сему двоиственному изображенію, говорилъ Варягъ, не трудно мнѣ было узнать самого себя, и то что я былъ обманутъ и одураченъ, и что еще былъ Карачунъ, врагъ моего пріятеля, кошорый сыгралъ со мною сію шутку. Досада, стыдъ, и угрызеніе совѣсти, привели меня въ бѣшенство: яросль моя, понуждавшая меня ко опмщенію моего позора, возбудила меня перѣе всего пожертвовалъ моему гнѣву предметъ моего посрамленія. Я схватилъ мечъ, чтобъ изрубить въ куски сію прокляшую картину, какъ въ самое то мгновеніе, изображенные на ней рабята поднялись на воздухъ, и

Часть II.

Б

смѣясь

смѣясь изо всей силы, ухали мнѣ и кричали: Е! Братъ, пзъяль! е! а! о! у! А болванъ, предсшавлявшій мой образъ, въ то же самое время повалился съ карпины на меня, и чуюсь было нешибъ меня съ ногъ; между тѣмъ, пока удивленіе мое и ужасъ держали меня какъ окаменѣнна, онъ вскочилъ, и погналъ меня взащей своею побрякушкою, приговаривая при томъ: *Не прельщай Горяды! Не поюй на планеты! Не добѣждай спѣта!*

Сей одушевленный уродъ прибилъ бы меня до смерти, ежели бы не было при мнѣ волшебнаго меча, коего помощъ упопробилъ я къ своей оборонѣ, и тѣмъ принудилъ исчезнуть сіе мое привидѣніе. Сіи насмѣшничества утвердили наиболѣе мои подозрѣнія, что я обманутъ Карачуномъ подъ видомъ Горяды; и что послужилъ ему орудіемъ для погубленія моего друга. Горестъ и спыдъ, объявшія мое сердце, склонили бы можешъ быть меня тогда покуситься на жизнь мою, ежелибъ опасносшь, въ какой я чаялъ тогда моего пріятеля, не понудила меня

поспѣшать

поспѣшати ему на помощь. Сыскавъ моего коня, поскакалъ я къ Левсилу замку, изо всей силы, и прѣвхалъ къ оному весьма скоро; но уже прибытіе мое было бесполезно.

Люпый Еёюпъ, воспользуясь моимъ опсудствіемъ, напалъ на обезоруженнаго мною Левсила безъ всякаго себѣ опасенія. И уже при возвращеніи моемъ, сей гнусный чародѣй лешвалъ изъ замка на ужасномъ Аспидѣ, влача за собою любезнаго моего пріятеля, окованнаго цѣпями и шерзаемаго множествомъ ястребовъ. Бѣдная его жена, окруженная служителями своими, бѣгала по срединѣ замка съ разпрепаянными волосами, имѣя развращенное печалію лице, вопія и шерзаяся опчаянно, и призывая на помощь боговъ мстителей; но всѣ ея моленія погибали вшунѣ: свирѣпый Карло вскорѣ увлекъ у всѣхъ изъ вида несчастнаго Левсила. Сіе привело бѣдную Преврапу виѣ себя: она упала на землю безъ памяти. Я хотѣлъ бѣжать къ ней на помощь; но вспомня, что я всему сему злу причина, не осмѣлился передъ глазами ея показаться.

и поѣхалъ прочь отъ замка , терзаяся угрызениями совѣсти , и проклиная Карачуна ; а наипаче себя , что причинилъ погибѣль наилучшему моему пріятелю , ослабѣя вредною спрастію , и прельстясь суешнымъ привидѣніемъ .

Будучи волнуемъ раскаяніемъ , горестію и сожалѣніемъ , воображая себѣ печальное приключеніе моего друга , и отчаяніе бѣдной его супруги , далъ я коню моему волю , и непомнилъ самъ куда ѣхалъ . Конечно не опомнился я во весь шопѣ день , ежели бы сполкнувшись моя лошадь не сронила меня съ себя . Паденіе сіе возвратило мнѣ память ; но горесть моя пушую отъ того получила на домнюю силу ; къ чему также присовокупилась и болѣзнь , ибо въ паденіи моемъ ушибся я весьма больно о камень . Сіе понудило меня искать поскорѣ жилища , на кошорое по счастію моему вскорѣ я и на ѣхалъ . Ешо была не большая деревенька , въ коей не могъ я сыскать хорошаго лѣваря , кошорый бы пользовалъ меня ; и по сей причинѣ принужденъ я былъ пребыть въ оной
весьма

весьма долгое время , попому что полученный мною при паденїи ударъ , присовокупясь къ гореспи моей и скукѣ , произвелъ во мнѣ весьма сильную горячку , отъ копорой насилу въ годъ возмогъ я оправиться .

Во время пребыванїя моего въ сей деревнѣ , пришло мнѣ нѣкогда на мысль несчастїе моего прїятеля и проклятая хивроспъ употребленїя на по Карачуномъ , причемъ вспомнилась мнѣ я золотая коробочка , послужившїя къ тому наиболѣе . Я было обѣ ней совѣмъ позабылъ , однако вздумалось мнѣ при тогдашемъ случаѣ разсмотрѣшь ее получше ; а припомъ же , помогая тогдашней великой моей бѣдности , продашь ее мимо бѣдящимъ того мѣста купцамъ ; для того приказалъ я вынять ее изъ кармана моего плашья , въ копоромъ она лежала ; радуясь , что по крайней мѣрѣ , по лишенїи моего друга , и по потерянїи съ нимъ всего моего благоденствїя , осталась у меня сїя драгоценная вещь . Но какимъ пораженъ я былъ удивленїемъ и стыдомъ , когда на мѣсто ее принесли ко мнѣ кусокъ

дикаго камня , обнадееживая меня , что ничего больше кромѣ сего въ карманахъ моихъ не нашли : Долго я не могъ повѣрить ни имъ ни собственнымъ моимъ чувствамъ. Но поверчивая камень , увидѣвъ начертанныя на немъ письма; я съ жадностію принялся ихъ читать , и вошь что къ посрамленію моему нашель ими изображенно :

Незасишься корыстію отъ беззаконныхъ
дѣлъ;
И благодаренъ будь , что самъ остана-
лся цѣлъ.

Сіи справедливыя слова поразили меня какъ громомъ , и произвели во мнѣ лютейшее терзаніе : измѣна моя представилася мнѣ во всей своей гнусности; и я почипалъ себя наипозорнѣйшимъ изъ смертныхъ , измѣня такому пріятелю , каковыхъ нынѣ чудомъ почипають. Сіи сокрушительныя размышленія , разправили весьма сильно мою болѣзнь ; отъ коея началъ уже было я выздоравливать , и едва не привели меня ко гробу. Но можетъ быть болѣзнь

МОЯ

моя и лишила бы меня жизни, еспь-либъ не избавилъ меня отъ нее силь-ный Чернобогъ, которому обѣщался я, что по выздоровленіи моемъ упо-треблю всѣ спаранія подашь по-мощь Левсилу, ежели онъ еще живъ.

Для исполненія моего обѣта, по выздоровленіи моемъ, предпріялъ я обѣздить всѣ части свѣта, навѣ-дываясь о Карачунѣ и о пріятелѣ моемъ. Спранствованіе мое продол-жалось болѣе двухъ лѣтъ, въ ко-торыя однакожъ весьма мало до-стопамятнаго со мною приключи-лось. Напослѣдокъ приѣхалъ я въ Агру, столицу Индіи, гдѣ бытіе мое совершенно бы исчезло, ежелибъ помощь ваша не изпоргнула меня изъ рукъ безчеловѣчныхъ жрецовъ. Случай сей достоинъ вашего внима-нія, и для того расскажу я вамъ объ немъ обстоятельнѣе.

По прибытіи моемъ въ сей го-родъ спросилъ я у одного мимоиду-щаго, гдѣ могу найти гостинницу, въ которой бы я могъ переночевать. А ты развѣ не здѣшній, спросилъ меня Индіянинъ! Такъ, я иностран-нецъ,

нецѣ, отвѣчалъ я ему. Изрядно : вскричалъ онъ съ восхищеніемъ : я тебя провожу въ такую, коею ты совершенно доволенъ будешь. По семъ, взявъ моего коня за узду, провелъ меня чрезъ нѣсколько улицъ, и на послѣдокъ остановясь предъ великолѣпнымъ домомъ, вопль здѣсь, сказалъ мнѣ, самая наилучшая, гдѣ ты можешь не шокмо одну ночь, но цѣлый годъ ночевать, и всемъ будешь доволенъ : Я благодарилъ его наилучшимъ образомъ за сіе; не вѣдая того, что онъ мнѣ симъ погибѣль устроивалъ, а неблагодеяніе показывалъ. Между тѣмъ коварный сей услужникъ поступавшись у ворошъ, которые пошчасъ ему оперли, просилъ меня вѣхатъ на дворъ, на которомъ встрѣпило насъ нѣсколько людей, и освѣдомясь обо мнѣ, кто я шаковъ, и за чѣмъ пріѣхалъ, просилъ меня слезть съ лошади, и войши въ покои, обѣщая мнѣ всякія удовольствія.

Я повиновался ихъ прозвѣбъ, и послѣдовалъ за ними; изъ коихъ одинъ пошелъ напередъ, чибѣ уведомишь обо мнѣ хозяина того дома.

Оный

Онѣй былъ первосвященникъ въ семъ городѣ, что я въ пошль же день отъ самого его узналъ. Сей коварный священикъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, и принявъ весьма ласково, просилъ слѣдовать въ покой. По приходѣ нашемъ въ оныя, старался онъ угощеньемъ меня наилучшимъ образомъ; а между тѣмъ выпрашивалъ меня обо всемъ, что до меня ни касалось. Я будучи съ природы откровененъ, и пришолъ же имъ обласканъ, разказалъ ему обо всемъ, о чемъ онъ ниже лаалъ узнать. Опъѣтами моими казался онъ быть доволенъ, и обласкавъ меня снова началъ передо мной извиняться, что онъ не можетъ имѣть удовольствія долѣе разговаривать со мною, будучи опъзываемъ своею должностію для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ; того ради чтобъ я оппустилъ ему его неучтивость, и пробылъ до тѣхъ поръ одинъ, пока онъ опправитъ свои дѣла. А я, нимало непонимая изъ сего, что онъ шель стоваривашься съ подобными ему бездѣльниками о моей погибѣли, воздавалъ ему за приговорныя его учтивости искренними ласканіями, и оппав-

шишь одинъ въ комнатѣ, употребилъ его опсудствіе на опдохновеніе себѣ.

Будучи упружденъ путешествіемъ, легъ я на софу, и проспалъ до самая ночи. По наступленіи оной меня разбудили, прося отъ имени первосвященникова опужинашь съ нимъ. Я потчасъ всталъ, и пошелъ шуда куда меня звали. Ужинъ былъ уже гоповъ, и хозяинъ ожидалъ меня за нимъ съ двумя жрецами, копорыхъ онъ видно нарочно пригласилъ. Столъ былъ весьма великолѣпенъ, и ни въ чемъ не было недостапка; а наипаче въ винѣ, копорымъ хозяинъ спарался всѣхъ уподчивать. На послѣдокъ когда увидѣлъ онъ, что я охмѣлѣлъ, що поднеся мнѣ кубокъ вина, просилъ меня выпить его весь, обнадеживая меня, что я ему сдѣлаю великую угодность, ежели его выпью. Я повиновался его прозьбѣ, и выпилъ его до дна. Но какъ скоро я сіе учинилъ, шо и началъ клонить меня сонъ: и по пропеснвіи немногихъ минутъ столъ меня одолѣлъ, что я не выходя изъ за стола заснулъ.

Я непомню ничего , что сдѣла-
лось со мною во время моего сна ;
но когда я проснулся , то увидѣлъ
себя скованна цѣпями , и въ семь
одѣяніи , въ копоромъ вы меня
шеперь видите. Я весьма сему уди-
вился , и спрашивалъ вокругъ споя-
щихъ меня служителей , какое учи-
нилъ я пресупленіе , что здѣлали
меня невольникомъ изъ свободнаго
человѣка и иностранца. На вопросъ
мой оспѣвиспововано мнѣ , что сіе
учинено по приказу первосвящен-
ника , который самъ мнѣ вскорѣ
объявишь сего причину.

Вскорѣ пришелъ къ намъ и перво-
священникъ , въ богослужительномъ
одѣяніи , провождаемый многими
жрецами одѣтыми въ подобныя
одежды. Злодѣй! сказалъ онъ при-
ступя ко мнѣ , ны умерщвилъ на-
слѣдника нашей державы , и похи-
тилъ младую нашу Государыню ,
его супругу : возврати намъ ихъ
обѣихъ ; или сея же ночи окаяное
швое тѣло поѣсиль и попалишь свя-
щенный огонь. Грозный его видъ , и
взводимое на меня беззаконіе , о ко-
поромъ я ниже помышлялъ , привели

меня почти въ безуміе. Цѣлую мину-
 шу сипояль я виѢ себя , и не зналь
 что ему ошвѣспсеговать; на послѣ-
 докъ вышедѢ нѣсколькo изѢ моего
 смяшенія, спрашиваль его, мнѣли онѢ
 сіе говоритѢ; ибо шы довольно зна-
 ешь, продолжалъ я , по изуспному
 моему тебѢ повѣспвованію , что я
 ниже когда видалъ вашего наслѣдни-
 ка державы и его невѣспу, не шок-
 мо чтобѢ учинишь надѢ ними при-
 писуемое мнѢ злодѣйство. Нечеспи-
 вый! вскричалъ на шо первосвящен-
 никъ , швое извиненіе не оправдаеть
 тебя, когда небесный гласъ въ шомѢ
 тебя изобличаетѢ. ЗіанѢ , сказалъ
 онѢ посемѢ обратясь къ одному
 жрецу , прочти ему описаніе пла-
 чевнаго сего приключенія , воспо-
 слѣдовавшее на шо Божеское прорѣ-
 ченіе , и указъ великаго Могола ,
 повелѣвающій предавать огню всѢхѢ
 злочестивыхѢ сюда пришельцовѢ ,
 кошыре подѢ видомѢ спранспвова-
 нія приключаютѢ здѣсь вопіющія на
 небо злодѣянія. Жрецъ позиновался
 ему, и прочель мнѢ о семѢ описаніе
 пророческво, и указъ МоголевѢ. Со-
 держаніе ихѢ слѣдующіе: Индійскій
 Государь

Государь имѣлъ у себя сына именемъ Селина, весьма изрядныхъ качествъ и превосходнаго разума. Сего юнаго Князя вознамѣрился онъ женить на Черданѣ, дѣвицѣ украшенной всѣми прелестями ея пола, и одаренной многими добродѣтелями, къ шомужь дочери нѣкопорого Владѣтеля подвластнаго Моголу. Уже бракъ сихъ юныхъ супруговъ былъ совершенъ и торжествованъ; но на другій день, когда пришли ихъ поздравить съ благополучнымъ окончаніемъ ихъ союза, то младава Князя нашли безчувствъ лежаща, а Черданы и со всѣмъ не обрѣли. Нѣсколько по томъ ни прилагали стараній, чтобъ юнаго сего Князя привести въ прежнее его состояніе, и возвратили ему дыханіе и жизнь, а супругу его сыскать; однакожъ ни въ томъ ни въ другомъ не успѣли. Моголевъ сынъ оспался бездыханенъ, хотя и казался сохранять въ себѣ жизнь; а Чердана оспалась неизвѣстно погибшею. Сего ради возымѣли прибѣжище свое къ славному Индійскому боговѣдалищу, чтобъ испросить у него извѣщенія въ семъ недо-

умишльномъ приключеніи. Пророчество изрекло имъ слѣдующій отвѣтъ, который, говорилъ Русь, остался у меня въ памяти, какъ я тогда ни испужанъ былъ.

Когда вонзится въ грудь иноплемен-
ну ножь,
Алкающій огонь побѣстъ злодѣйски чле-
ны,
Разрушатся тогда мѣчшы, коварства,
ложь,
А бѣдспвующихъ дни получаютъ пере-
мѣны:
Черданинъ минетъ плѣнь, восприметъ
жизнь Селинъ;
увидитъ миръ по семъ, кто былъ
творецъ сихъ винъ:
Невѣрный то Лигмей, коварный Испол-
нитъ.

Сіе прорѣченіе, продолжалъ Русь, означало, какъ видно по всему, како-го ни наестъ волхва иностранца, которому Боги предсказывали казнь, а по ней освобожденіе всемъ бѣдспвующимъ отъ него; но ясно сего не объявляли, конечно по волѣ высочайшій ихъ Судьбы. Хитрые Индійскіе жрецы все поняли; но буду-
чи

чи лукавы и корыстлюбивы, вопль какъ разполковали Моголу сіе прорѣченіе, дабы воспользоваться имѣніемъ несчастныхъ иностранцовъ. Что понеже сей причинитель смерти Государева сына, и хищникъ его супруги, долженъ быль иностранецъ и волахъ, и что не прежде окончивша очарованіе юнаго Князя и возвращеніе Черданы, пока не изпребишя желѣзомъ и огнемъ сей злопворецъ, шого ради всякаго прѣвжжающаго къ нимъ иностранца предавалъ, по священному обряду, желѣзу и огню предъ истуканомъ младаго Князя, пока не сыщется настоящій виножникъ, и смертію своею не возвратишъ наслѣдника государству.

Прельщенный словами ихъ Моголь согласился на сіе варварство по любви къ своему сыну, и повелѣлъ всему нечестивому пересвященнику, который, какъ видно, въ умыслѣ семъ былъ первый, чтобъ всякаго иностранца предавалъ онъ въ сей пещерѣ, созданной для сего нарочно, желѣзу и огню; а имѣніе ихъ бралъ на соборъ жрецовъ, которые прокля-

тую сію должность отправлять стануть.

Когда окончилъ о семъ чтеніе жрецъ, продолжалъ Варягъ, тогда паки первосвященникъ увѣщевалъ меня, чтобъ я оживилъ Селина, и возвратилъ его супругу; но когда я опрелекъ, что никакъ сего учинить не могу, не будучи сему злу причастенъ, тогда безчеловѣчный сей жрецъ, приказалъ готовиться къ жертвоприношенію, которое опредѣлено было произвестъ ночью, для того что несчастіе Императорскаго дома произошло въ такое время. Шествіе и обрядъ онаго, говорилъ Варягъ Славянамъ, я чаю вы сами видѣли; и я бы непременно въ сію ночь погибъ, ежелибъ Боги не послали васъ ко мнѣ на помощь, великодушные мои избавители! Вотъ вся моя исторія, о которой вамъ угодно было отъ меня увѣдать. Теперь не оспается мнѣ инова вамъ сказать, какъ представилъ мой совѣтъ, чтобъ оставили вы наискорѣе сіи страшныя мѣста; ибо разгнанные вами жрецы не преминутъ вамъ мстить, объявля въ городѣ о разбитіи

разбитіи своемъ: и конечно собравъ воиновъ погонялся за нами, и предадушъ насъ всѣхъ смерти.

Нѣтъ! сказалъ ему Свѣплоганъ, совѣшу твоему не могу я послѣдовать: возможноли мнѣ безъ угрызенія совѣснѣ оспавити человѣчскій родъ въ опасности, когда имѣю способъ ему помочь? Въ словахъ твоихъ нашель я неоспоримое доказательство, коимъ легко могу разрушитъ заблужденіе великаго Могола, и вывести наружу жреческое корыслоубіе, проливающее неповинныхъ кровь. Я намѣренъ теперь же поѣхать къ Индійскому Государю, и представить ему ясно его лююпость. Ежели же онъ, не смотря на истинны, кои я ему предложу, вздумаетъ еще и насъ предать несправедливому своему осужденію, то я употреблю тогда на опмщеніе господрїимства и правосудія данную мнѣ опъ Чернобога силу, и Левсиловъ мечъ, подаренный мнѣ побою; и копорый я ему непременно возвращу, ежели еще обрящу его жива.

Сказавъ сіе приказавъ онъ Борн-
полку сыскашь своихъ коней, а Русу
одеиься въ прежнее свое плашье ;
между шѣмъ самъ скинулъ съ себя
свой мечъ, и опдалъ Варягу, а
Левсировъ наделъ на себя. Когда
Русъ переоделся, а Борнполкъ при-
велъ коней, то немѣдя ни мало,
поѣхали они всѣ прое въ Агру. Во
время ихъ пуши освобожденный отъ
пламени Варягъ, удивляясь Свѣш-
лосановой храбрости и великоду-
шю, обѣщався вѣчно за нимъ по-
слѣдовать, и принимавъ вкупѣ бѣды
и трудности. Славенскій Князь съ
своей стороны обнадеживавъ его
своею дружбою, и обѣщавъ ему
раздѣлить съ нимъ равномѣрно и
счастіе свое, ежели окончитъ бла-
гополучно свое предпріятіе, и взой-
детъ на престолъ своего родителя.
Обѣщаніе сіе усугубило къ нему
преданность Русову, и вселило въ
него великое желаніе прилѣпиться
на вѣки къ Свѣшлосану. Въ
сихъ и подобныхъ симъ увѣреніяхъ,
проѣхали они большую часть до-
роги; и когда уже солнце освѣщи-
ло половину земнаго круга, тогда
подъ-

подбѣжжали они къ столицѣ Индѣйской, изъ предмѣстїя коея выходила насупрошивъ имъ превеликая толпа вооруженныхъ людей луками и копьями.

Ещо была погоня, посланная за ними отъ Могола, и предводимая жрецами, копорыхъ Славяне разогнали. Сїя толпа окружила вскорѣ Сѣверныхъ жителей, и хотѣла было употребить наглость, чшобъ принудить ихъ къ здачѣ; но Свѣтлосанъ объявилъ сей дерзновенной кучѣ, что онъ никого не оставитъ изъ нихъ жива, ежели осмѣлятся малое сдѣлать огорченіе; но что своею волею побдуть они сами въ городъ, и предстануть предъ ихъ Государя. Индѣйцы немедленно согласились на его предложеніе, и окружа отовсюду Славянъ, побѣхали за ними въ Агру.

По вѣздѣ ихъ въ сей городъ, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ, чшобъ увидѣть такихъ людей, которые одолѣли и разогнали великое множество народа. Наболѣе всѣхъ привлекалъ къ себѣ народныя взоры Славенскій Князь; благородный его видъ

видъ и величественная осанка, не-
 ннако его имъ предспавляли, какъ
 Богомъ начальспвующимъ во бра-
 няхъ. Индіяне съ перваго на него
 взгляда почувспвовали къ нему ве-
 ликую любовь и почтеніе, и внуш-
 ренно желали имѣшь его своимъ
 Государемъ. До самаго Моголева
 дворца, проводили они Свѣтлосана,
 не спущая съ него глазь, прося Бо-
 говъ покровишельспвовать его, и
 умягчить въ пользу онаго Моголо-
 во сердце.

До прѣзда Славянъ ко дворцу,
 уже Индійскій Государь предувѣ-
 домленъ былъ обв ихъ прибытіи,
 и повелѣлъ представишь ихъ предъ
 себя. Онъ назывался Абубекиромъ:
 нраву былъ крошкаго, но легковѣр-
 наго: разгорячался за ничто, и
 ничемъ шакже и смяхчался; впро-
 чемъ былъ любишель достоинспва
 и добродѣтели. Когда Славяне пред-
 спали предъ него, тогда сей Им-
 ператоръ, осматривая ихъ одного
 за другимъ, почувспвовалъ къ
 Свѣтлосану подобныя народнымъ
 склонности; ибо вышнія сего Кня-
 зя качества предспавили ему онаго
 Героемъ,

Героемъ, и таковымъ, каковыхъ онъ между челоѣками невидывалъ; а развѣ зналъ по описаніямъ бытѣйскимъ. Сіе удивленіе и любовь, которыя чувствуемъ мы къ достоинствамъ, премѣнили его гнѣвъ, которымъ было онъ съ начала распался, въ пріязнь къ Славенскому Князю, и сладостное удовольствіе на него взирать. Пребывъ такимъ образомъ нѣкоторое время въ разсмаприваніи его, напослѣдокъ пресѣкши молчаніе, сказалъ ему: Иностранецъ! какое ты имѣлъ право прервать священный порядокъ жертвоприношенія; похищать отъ пошребленія жертву, коея закланіе ласкало меня оживленіемъ моего сына, и возвращеніемъ его супруги; и сверхъ того, уничижая почтеніе къ священному сану, (указывая на предстоящихъ жрецовъ,) разгнать дерзновенно сихъ Бгослужителей, и умертвить изъ содружества ихъ великое число? По семъ онъ умолкъ, ожидая отвѣта отъ Славенскаго Князя, который ни мало не будучи смѣшенъ его вопро-

сомъ,

сомъ, отвѣпствовалъ ему бодр-
спивенно слѣдующею рѣчью.

Великій обладапель Индїи! мно-
гіе случаи являють опъ внѣ со
всѣмъ прошивный видъ, нежели ка-
кой имѣють во внушренности сво-
его существа: наше приключеніе
сего естъ рода. Но я пошущуся
явишь его швоему правосудію та-
ковымъ, каково оно въ самой вещи.
Я не имѣлъ ни какой причины до-
садовать на сихъ священныхъ му-
жей, и не съ шѣмъ проѣждалъ
пространную швою державу, что
бы нанесъ тебѣ въ особѣ ихъ
оскорбленіе; но безчеловѣчное ихъ
звѣрство раздражило мое шерпѣніе,
и неволею изпоргло мой мечъ на
защищеніе неповинно умерщвляема-
го моего единоземца. Ты бы самъ,
Государь, будучи на моемъ мѣстѣ
учинилъ поже; ибо, какое варвар-
ское сердце можетъ спокойно смол-
рѣшь на умерщвленіе неповиннаго
человѣка, и не подвигнушь на со-
жалѣніе и гнѣвъ? Вотъ сія несча-
спная и непорочная жертва, кошо-
рую шпремилося предать пламени
корысполюбіе сихъ шяшопъ. Не
удивляйся

удивляйся изрѣченію сему . Госу-
 дарь! Чистосердечіе мое докажетъ
 тебѣ ясно все ихъ коварство и ли-
 цемѣріе , какими испоргли они у
 тебя соизволеніе на погибѣль непо-
 винныхъ , дабы ушлучишь себя ко-
 рыснями съ оныхъ . Ты самъ пред-
 ставь, Государь, свойственноть бышь
 Богамъ люшбе челоѣковъ ? и воз-
 можноть, не погружаяся въ беззакон-
 ніе , приписываешь Божеству такое
 повелѣніе , чпобъ для сысканія еди-
 наго беззаконника , умертвишь шьмъ
 неповинныхъ людей? А ежели безъ
 воли ихъ предавать челоѣка смер-
 ти , не имѣя на него ни малѣйшаго
 подозрѣнія въ злодѣйствіи , и для
 единнаго токмо надежды обрѣсти
 въ немъ , по погубленіи его , винов-
 ника злу , шо какая уже несправед-
 ливость можетъ превзойти адское
 сіе правосудіе . Но шь въ епсмъ
 повинень . Государь! Извиняешь
 себя въ семъ родителеская шво
 горячнсть къ сыну , и хитросплетен-
 ное жреческое коварство , скры-
 вающееся подъ видомъ швоея поль-
 зы , и облекшееся силою мнимаго
 Божескаго повелѣнія на изпреле-
 ніе

не неповинныхъ иностранцовъ. Все-
 му епому виною есть сей варваръ,
 (указывая на дерзопященника,) и
 нечестивые его сообщники : ихъ
 алчность къ собранію имѣнія упош-
 ребила во зло неповиннымъ чело-
 камъ несчастіе швоей породы, Бо-
 жеское прорѣченіе, и швое чадолю-
 біе. Не сомнѣвайся въ истиннѣ мо-
 ихъ словъ, Государь, извѣтъ мой
 докажетъ тебѣ ясно, что небесное
 прорѣченіе иной заключаетъ въ себѣ
 смыслъ , нежели каковой ему дало
 гнусное ихъ любоимѣніе. По сему ихъ
 адскому коварству , и поносной къ
 тебѣ невѣрности , и о прошчихъ
 суди ихъ поступкахъ. Но что бы
 долѣе не подвергать неповинныхъ
 неправедному умершвленію, и душу
 швою избавить отъ оболщенія сихъ
 ненасытимыхъ Гарпій, такъ вѣдай,
 Государь, что божескій гласъ изо-
 бличаетъ въ умершвленіи швоего
 любезнаго сына , и въ похищеніи
 прекраснаго его супруги , гнуснаго
 чародѣя Геѳопа, любаго и коварна-
 го Карачуна ; а въ яснѣйшее дока-
 зательство моихъ словъ прочти за-
 главныя буквы прорѣченныхъ семи
 строкъ

впрокъ боговѣщалищемъ , которыми изображаютъ точно имя Карачуна.

Пораженный истинною сихъ словъ Индѣйскій Государь, и проклятымъ коварствомъ своего первосвященника, и его сообщниковъ , обратился къ нимъ, чпобъ изспребовать отъ нихъ оправданія въ семъ ясномъ на нихъ доказательствѣ , но уже болѣе не увидѣлъ изъ нихъ никого. Сии злодѣи почувствуя всю опасноснть, какою угрожала имъ Свѣтлосанова рѣчь, ушли тайно другъ за другомъ изо дворца, дабы не подвергнуться въ шужь минушу раздраженному правосудію , и предупредить оное новыми коварствами. Ошбытіе ихъ открыло наиболѣе глаза Императору , и увѣрило его объ истиннѣ проклятаго ихъ злочестія. Воспылааь онъ гнѣвомъ , и повелѣаь въ шужь минушу начальнику своея спражи , забрать подь карауль первосвященника и сообщниковъ его. Злодѣи ! вскричалъ онъ по семъ , они не довольны были умерщвленіемъ толкаго числа неповинныхъ, но хотѣли еще, продо-

Часть II. Г лая

лжая мое ослѣпленіе, пожертвовать
своему неисповѣстуву и сего премуд-
раго иностранца , безъ спасительна-
го увѣдомленія коего не пресмалъ
бы я никогда обогрять моего ски-
петра неповинною кровію , и учи-
нять моего царствованія примѣромъ
наилютѣйшаго тиранства.

По семъ восклицаніи обратился
онъ къ Свѣтлосану , и благодаря
ему наилучшительнѣйшимъ обра-
зомъ за истолкованіе полкихъ ва-
жностей, просилъ его объявить, ко-
му онъ одолженъ столь великимъ
благодѣяніемъ. Когдажъ Славенскій
Князь объявилъ ему , что онъ ро-
домъ и саномъ ему равенъ , тогда
Моголь въ пущее пришелъ воспали-
ніе противу нечесливыхъ своихъ
жрецовъ, описавшихъ ему Свѣтло-
сана самымъ злочесливѣйшимъ че-
ловкомъ , и спаравшихся его увѣ-
рить, что онъ учинилъ самое бого-
угоднѣйшее дѣло , ежели повелитъ
умертвить сего иностранца мучи-
тельнѣйшимъ образомъ. О какъ не-
счастливъ Государь , возопилъ онъ,
окруженный полкими чудовища-
ми: Проси мнѣ, знаменимый Князь,
говорилъ

говоря оубо обратился къ Свѣтло-сану, варварство, къ которому при-вели меня сіи злочестивцы; я пощуся его омышь пролитіемъ всей ихъ крови.

Такъ говоря, старался оубо оправдять себя передъ Славенскимъ Княземъ, и учтивостями, оказуемыми Славянамъ, загладишь несправедливость поступка противу иностран-ныхъ. А къ совершенію доказатель-ства своей невинности, и истинна-го раскаянія, повелѣвъ сей день включишь въ число торжественныхъ, и праздновать его повсягодно. Меж-ду шѣмъ, желая наградишь при-чиненную Славянамъ досаду весе-ліемъ, приказавъ учредишь въ шотъ день великій пиръ, къ которому приглашены были всѣ знатные вель-можи его двора. Во время сего пи-ршества, Моголь говоря непрестанно съ Свѣтлосаномъ, просилъ его паки рассказахъ свою исторію обстоя-тельно, въ разсужденіи его путе-шества въ Индію. Славенскій Князь во всемъ его удовольствовалъ, раз-сказавъ ему подробно всѣ обстоя-тельства своей жизни, похищеніе

сестры своей и зятя , и ужасныя злодѣйства малорослаго чародѣя.

Императоръ весьма былъ удовле-творенъ его повѣствованіемъ , и воспринималъ къ нему часъ оипъ часу наиболѣе любви и почтенія. А въ доказательство своея къ нему пріязни , повелѣлъ принести богатые и великолѣпные дары для Свѣплосана и для спутниковъ его ; однакожъ сей Князь оипъ ихъ отрекся учтивымъ образомъ , представляя Абу-бекиру, что въ разсужденіи его путешествія будутъ они для него отягощительны. Во время препира-нія ихъ о семъ , донесли Моголу , что первосвященникъ и сообщ-ники его не повинуются ево указу , и сверхъ того возмущаютъ на него народъ ; и что уже великая онаго чася приведены ими къ бунтованію. Сіе объявленіе привело Императора въ великую ярость на первосвящен-ника. Неблагодарный и дерзновенный рабъ ! возопилъ онъ : вотъ какъ онъ платитъ мнѣ за неизсеченныя мои къ нему щедроты ! Но сіе его зло-дѣйство не останешся безъ наказа-нія, я вскорѣ заславлю его разкаять-ся въ семъ беззаконіи. Силоспанъ ,
про-

продолжалъ онъ говорить обра-
щаясь къ спраженачальнику , сей
часъ вооружи всеѣхъ моихъ шѣло-
хранищелей. и вѣрныхъ мнѣ Распу-
щевъ , и накажи немѣдленно без-
умную чернь , дерзнувшую на меня
возсѣпать; а невѣрныхъ жрецовъ пош-
щися поймать живыхъ. Я хочу каз-
нью ихъ показать примѣръ муче-
нїемъ, каковымъ должны предаваться
таковыя измѣнники , дерзующіе воз-
сѣпавать на Государя своего.

Силостанъ со щанїемъ повино-
вался повелѣнїю Могола , и ошбылъ
произвести оное въ дѣйство; а Ин-
дїйскїй Владѣтель говорилъ такъ ,
обращаясь къ Свѣплосану: Ты не по-
вѣришь, любезный мой госпъ, коль
велики были мои благодаренїя къ
сему невѣрному жрецу , и коль без-
мѣрна его ко мнѣ неблагодарность,
сіе ты видишь теперь самъ. Онъ
былъ бѣдный ученикъ, и понравился
мнѣ способомъ своего краснорѣчїя ,
кое имѣетъ онъ довольно въ наро-
чищомъ степенїи. Сїе побудило меня
возсѣпъ его въ нѣкоторый духо-
вный санъ , и отверстъ ему мои ми-
лоспїи , копорыя напослѣдокъ ош-
крыли ему путь къ первосвященни-
честву.

честву. Обманчивое его краснорѣчїе извлекало ему повседневно мои благодаренїя ; однакожъ я и во время оныхъ примѣчалъ въ немъ не рѣдко вредное сердце , въ которомъ царствовали властолюбіе и корысть. По благости моей къ нему, не спарался я выводить слѣдствїй изъ сихъ моихъ примѣчанїй, хотя иногда и доходили до меня жалобы на чрезмѣрную его жадность къ любовимѣнїю и власти. Лукавое его краснорѣчїе всегда испоргало сего лицемѣра отъ моего правосудїя. И могу сказать , что при всѣхъ его злыхъ намѣренїяхъ , онъ бы еще и нынѣ пользовался моими щедротами, если ли бы его коварство въ разсужденїи иноспранцовъ, и шеперинное его буншование не открыли мнѣ ясно , что онъ злодѣй спремящїйся похищать моеиъ быль вънецъ мой.

Едва успѣлъ онъ окончать послѣднїя сїи слова , какъ шумъ поражающихъ и поражаемыхъ, возбудилъ во всѣхъ вниманїе , и принудилъ обратиться шуда , откуда оный производилъ. Они увидѣли въ окна, которыя

которыя были на площадь, окружающую дворец, что народъ въ ярости гналъ и побивалъ спражу, посланную отъ Императора на утишеніе бунта. Первосвященникъ и сообщники его сидя на коняхъ, держали священныя знамена, и побуждали неистовую чернь къ кровопролитію. Сіе ужасное зрѣлище привело Абубекира, и всѣхъ его придворныхъ, въ великое удивленіе. Ну! вскричалъ онъ, теперь мы погибли! Люпый жрецъ достигъ до желанія своего; теперь я вижу ясно, что онъ предпріялъ похищеніе у меня жизнь мою и вѣнецъ. Спасайся любезный мой Князь, сказалъ онъ по томъ съ поропосшю Свѣшлосану, пускай я одинъ погибну; а ты не долженъ приняшь участія въ неблагополучіи моемъ. Проговоря сѣ, приказалъ онъ принестъ себѣ отраву и вооруженіе, чтобъ употребить къ своему спасенію по или другое, смотря по обстоятельству. Постой! вскричалъ къ нему тогда Свѣшлосанъ: Владѣтелю не отравою надлежитъ оканчиваешь жизнь свою, и не унываешь во крайности.

шакъ

такъ какъ не подвергать себя прельщеніямъ во благополучіи. Пребудь въ чертогахъ сихъ, Государь! продолжалъ онъ ему говорить; мы одни сего возмущенія причиною, такъ мы его и окончатъ должныствуемъ. Проговоря сѣ, повелѣлъ онъ Бориполку и Русу слѣдовать за собою

Какъ пущенная стрѣла изъ лука, сильною рукою, не находилъ себѣ препонъ въ печеніи своемъ, такъовъ былъ Славенскій Князь по изшедшии своемъ изъ чертоговъ: бросаясь въ кучу яростныхъ черни, основилъ пошчасъ ея стремленіе; и куда ни простиралъ свои снопы, всюду отверзалъ себѣ пространный путь. Вскорѣ дошелъ онъ до бунтующаго первосвященника, который, при видѣ пламенныхъ его очей, зашряся и поблѣднѣлъ. Помогите! возопилъ онъ къ народу: вопль сей волхвъ прельсвившей Императрицы, и желающей воцариться надъ нами. А! Бездѣльникъ! вскричалъ ему Свѣтлосанъ: я познаю швое коварство; но оно послѣднее въ жизни швоей будетъ; сей же мигъ освободишься

бодится Индія отъ заражающаго
ее чудовища , и опустошающаго
вселенную! Проговоря сѣе бросил-
ся онъ на шрепещущаго жреца , и
пересѣкъ его наполю. Ну , Индіяне!
вскричалъ онъ по семъ громогласно:
Тираниѣ возмущавшій спокойствіе
ваше уже погибъ; а вы воспользуй-
тесь его погибѣлюю , и возвратитесь
къ должности вашей и повиновенію,
которыя вы обязаны великому Мо-
голу. Чшо жъ касается до меня , я
не волхвъ , шакъ какъ видно облы-
галъ меня предъ вами коварный сей
жрецъ , и нимало ни чѣмъ не прель-
щалъ Императора ; но только из-
полковалъ ему пророчество , глася-
щее о Селинѣ и Черданѣ , и до-
казалъ ему ясно , что сей злопво-
рецъ естъ гнусный Еёіопъ Кара-
чунъ , похищенный и у меня сеспру
и зяпя. А сей коварный перзосвя-
щенникъ обнесъ меня вамъ , и ис-
калъ моей смерти для шого , чшо я
изпоргъ изъ несмыныхъ его челю-
стей неповинныхъ иностранцовъ ,
которыхъ онъ предавалъ напрасно
огню , а имѣнїемъ ихъ безсовѣстно
наполнялъ свои сокровища , и дѣ-

лился съ сообщниками своими. Онъ увидя, что великій Моголь ясно разобралъ нашу неповинность, а его коварство, ушелъ тайно изъ дворца съ своими соумышленниками; и опасаяся себѣ достойнаго наказанія, возмушилъ вашу прощину меня храбросшь симъ нечестивымъ обманомъ, дабы шѣмъ избылъ своей казни. А хочу ли я надъ вами царствовать, шакъ какъ онъ спарался васъ въ семъ увѣришь, ето вы шеперь видите: ибо, поражая сего беззаконника, не себѣ я васъ покоряю, но законному вашему Государю. Впрочемъ же, хощя бы вы сами пожелали воцарить меня надъ вами, то и тогда бы я не согласился; ибо великіе Боги не просимъ челомъ на свѣтѣ меня произвели, но сыномъ сильнаго владѣтеля надъ храбрыми Славянами. А въ доказательство истинны моихъ словъ, допросите сихъ бездѣльниковъ, говорилъ онъ указывая на жрецовъ; они вамъ ясно обьявятъ все свое злодѣйство, и первоначальника своего.

Во время сея рѣчи народъ внималъ его спокойно, и будучи пораженъ

женъ его видомъ, храбростію, и испинною его словъ, весьма удобно преклонился къ вѣрояшію, и бросился на жрецовъ, которые хопѣли было предаться бѣгству. Индіяне поймавъ ихъ всѣхъ привели предъ Свѣшлосана, и принуждали ихъ признаться въ ихъ грѣхѣ, въ кономъ обличалъ ихъ Славенскій Князь. Успрашенные и перзаемые совѣстію жрецы не долго колебались въ семъ; но бросясь на колѣни предъ Княземъ и народомъ, признались во всемъ, въ чемъ ихъ Свѣшлосанъ ни обличалъ; и только просили себѣ единого помилованія жизни. Но народъ, раздраженный ихъ злодѣйствами, и тѣмъ, что они его прельстили возбунтовать противу Могола, бросился на нихъ съ оспервенѣніемъ, и разперзалъ ихъ въ мѣлкія части.

Но семъ кровопролитномъ дѣйствіи, возгласили Индіяне: да здравствуетъ нашъ великій Моголь, и да живетъ неисчепная лѣта! Славенскій Князь, обрадованный шольскорымъ упищеніемъ бунтованія, похваляя чернь, что она шоль скоро вышла изъ заблужденія своего, и

обратилась къ должности. Народъ съ своей стороны благодарилъ его , что онъ разрѣшилъ его ослѣпленіе , и наказалъ причинителя всего сего смятенія; при чемъ просилъ униженно Свѣшлосана , дабы онъ предпательсипвовалъ за него у великаго Могола , что онъ ему охотно и обѣщаль , обнадеживая его государскою милостію. Также присовокупилъ къ сему увѣщаніе , чтобъ впредь остерегались Индіяне отъ подобныхъ возмущеній , и пребыли непоколебимы въ вѣрности своему Государю.

Прельщенный храбростію и разумомъ его народъ , препроводилъ со плесканіемъ и похвалами до Императорскаго дворца , и остановился предъ онымъ , ожидая себѣ отъ Могола милости или казни. Между тѣмъ Свѣшлосанъ , послѣдуемый своими соупниками , и лучшими Индіянами , пошелъ во дворецъ , на крыльцѣ коего сипоялъ уже Моголь , дабы вспрѣшнить побѣдителя. Какъ скоро увидѣлъ онъ Свѣшлосана , бросился въ его объятія , и проливая радостныя слезы , возопилъ къ нему : Непобѣдимый за-

щип-

щипникъ мой ! чѣмъ воздамъ тебѣ за великую твою мнѣ услугу? и какими похвалами возвеличу тебя за высокіе твои подвиги? Царства моего тебѣ мало; ибо я не покмо его, но и жизнь мою отъ тебя нынѣ получаю. Развѣ назову тебя по спароспи лѣтъ моихъ сыномъ; но и симъ не тебѣ, а себѣ учиню я славу. По поль знаменипыхъ твоихъ подвигахъ остаеися мнѣ единое сѣе, чпобѣ соорудя тебѣ жерпвенникъ, воскуришь на немъ Фиміамъ, яко Божеству спасшему пресполь и жизнь мою. Государь: опвѣспивоваль ему целомудренно Свѣпмосанъ: не мнѣ приписуй славу за усмиреніе бунтующихъ твоихъ подданныхъ, но Богамъ дѣиспововавшимъ моею рукою. О добродѣпельная душа! возопилъ Императоръ въ восхищеніи: не ложно я сказалъ, что ты болѣе царства моего стоишь; но ради Боговъ продолжи благодѣанія твои ко мнѣ: и хопя изъ единья милоспи, удостой меня называться твоимъ опцемъ, и имѣть честь оставишь тебѣ мой престоль.

При семъ словѣ восплескалъ весь народъ, и бросясь на колѣни вопіялъ: да здравствуетъ нашъ юный Моголь Свѣплосанъ, и да живетъ къ благоденствію нашему многія лѣта! Услышавъ сіе Абубекиръ продолжалъ говорить съ пріязнію Славенскому Князю: ты слышишь гласъ народа: онъ есть гласъ Божій; преклонися хощя безсчепными его желаніями, и воцарися со мною. Я знаю, что ты великодушенъ, и не захочешь лишитъ моего сына его наследія; но можетъ бытъ судьба на вѣки его отъ меня похишила; а ежели по счастію моему возвратишя онъ къ жизни, то онъ и шѣмъ весьма доволенъ будетъ, когда ты возвратишь ему половину моего царства, и будешь ему вмѣсто отца защищающа и наставляюща его какъ сына. Во время сего предложенія Свѣплосанъ стоялъ смиренно, пошупя въ землю свои очи; по окончаніижъ Абубекиромъ рѣчи, отвѣщствовалъ ему такъ: Желаніе швое и народа швоего, Государь, дѣлають мнѣ болѣе чести, нежели споянъ мой дѣла; ибо я уже тебѣ объявилъ, что
 усмиреніе

у смиреніе буншующихъ не моею силою учинено, но промысломъ все-
 сильныхъ; и такъ всѣ похвалы за
 сіе принадлежатъ имъ, а не мнѣ.
 А за доброжеланія твои, и твоего
 народа ко мнѣ, попущуся я во всю
 мою жизнь воздавать всѣмъ тѣмъ,
 чѣмъ силы мои мнѣ дозволятъ. Но
 Скипетра твоего себѣ я не желаю:
 хотя земля твоя великолѣпствуетъ
 всѣми щедротами природы, а мое
 наслѣдіе опядано въ жернову жесто-
 кимъ хладамъ; но оно мнѣ пріят-
 нѣе всякія снраны. Весьма я счас-
 ливъ буду, когда научуся и онымъ
 управлять достойно. И такъ, Го-
 сударь, собрегай великолѣпную сію
 снрану любезному твоему сыну,
 котораго Боги конечно тебѣ воз-
 вратятъ; а премудрость твоя на-
 спавитъ его, какъ оною править.

Сіе безкорыстіе наипаче восхи-
 пило Индіянъ, которые услышавъ
 его отрицаніе, наиболѣе воспламе-
 нилися желаніемъ имѣть его своимъ
 Государемъ. Абубекиръ равномѣрныя
 имѣлъ съ народомъ мысли, и не оп-
 сшупно просилъ Свѣтлосана, чтобъ
 онъ, хотя до оживленія его сына

пробыль въ Индіи , и царствовалъ съ нимъ совокупно. Но Славенскій Князь прошивопологалъ ему на по непреоборимый свой долгъ , искашь сестру и зятя. Сими и прочими убѣжденіями , склонилъ онъ на ко-нецъ Могола согласишься на его отбѣздъ ; но чернь , будучи во всемъ пристрастїе и неразумнѣе про-свѣщенныхъ умовъ , и во всемъ чрез-вычайна , вопїяла Имперашору , что она откажешся отъ повиновенія ему , ежели онъ отпустишь Сла-венскаго Князя , и не воцаритъ съ собою ; а Свѣплосана убѣждала шѣмъ , что ежели онъ не склонится добровольно на желаніе народа , по не выпускашь его изъ Государства , и приставяшь къ нему спражу.

Сіе обспояшельство смушило Абубекира и Свѣплосана: первый принужденъ былъ убѣждать дру-гова воцаритъ , а другой угова-риваешь народъ , который однакожь на всѣ его разсмотрѣнія былъ не преклоненъ. Сіе принудило Славен-скаго Князя склонитъ на по при-творно , не возмогая инако отъ него освободитъ . Соизволѣніе его ис-
ПОЛНИЛО

полнило всѣхъ радостію: всѣ паля предъ нимъ на землю, принося ему шмы благодареній, и возсылая за него Богамъ неизсчепныя моленія. По семъ всякой изъ на рода пошелъ въ свой домъ, дабы провести пошъ день съ домашними и пріятелями своими въ веселіи и пированіи, общава я себѣ напередъ благоденствіе подъ обласнію добродѣтельнаго сего Князя. Но придворному празднеству ни что не могло сравниться: подобнаго великолѣпія и веселія ни кто изъ Индіянъ два раза въ жизни свей не видывалъ; ибо оно походило не на человѣческое, но на волшебное. Всѣ вельможи и значное дворянство имѣли въ немъ участіе. Продолжалось оно до самой почти утренняя зари, и кончилось попому только, что уже пиршествующіе не въ силахъ были вкушать онаго веселія.

Во время сего пира Славяне, по приказанію Свѣплосанову, спарались во всемъ наблюдать умѣренность; и когда отбывъ прочія гости, предались сну, тогда они, переодѣвшись въ Индійское платье,

Д с

кошорое

которое нарочно для того затопили, вышли вонъ изъ города, не будучи ни отъ кого примѣченны въ намѣреніи своемъ. Но бывъ пѣшіе не далеко бы могли они уйти, ежели бы по счастію ихъ не попался имъ купецъ торгующей конями, коихъ онъ велъ въ городъ для продажи. Славяне купивъ ихъ потчасъ, пустились отъ столицы по проселочной дорогѣ, дабы въ случаѣ погони не быть паки возвращеннымъ въ городъ.

Путешествіе ихъ нѣсколько дней было нарочно спокойно. Они уже не весьма далеко были отъ Персидскихъ предѣловъ, какъ остановило ихъ путь слѣдующее приключеніе. Подвѣжжая къ пространному лѣсу, увидѣли они надъ онымъ летающаго ворона, который, какъ скоро ихъ увидѣлъ, то и устремился къ нимъ летѣть, каркая при томъ непрестанно: а полетавъ около ихъ нѣкоторое время, возвратился опять на поверхность лѣса. Путешественники нѣсколько были симъ удивлены, однакожъ не остановили своего пути, и продолжали оной. Но

какъ

какъ скоро поровнялись съ лѣсомъ, то воронъ паки къ нимъ возвратился, каркая изо всей силы, и лешая около Славянъ, дѣлала пакіе повороты, которыми нѣчто спарался дать знать, и послѣ опять полетѣлъ отъ нихъ въ лѣсъ. Славяне пришедъ отъ сего въ большее удивленіе, начали разсуждать о семъ приключеніи, продолжая однакожъ свой путь. Примѣняя сіе воронъ опять къ нимъ возвратился, и уже не только лешалъ вкругъ нихъ, но подлешая къ нимъ щипалъ ихъ за плащѣ, и спарался нѣкакъ дать имъ знать, чтообъ они возвратились по его слѣдамъ. Свѣтлосанъ понялъ, что скрывается путь нѣкая шайноснъ, и что птица желаетъ ихъ возвратитъ въ лѣсъ: онъ сообщилъ о томъ свои мысли спутникамъ своимъ, которые охотно согласились увидѣть окончаніе сего приключенія.

Какъ скоро воронъ понялъ ихъ желаніе, то и полетѣлъ пошухоньку предъ ними: Славяне послѣдовали за нимъ, и вѣхали въ лѣсъ по небольшой тропинкѣ. Не долго слѣдовали

довали они за нимъ въ густопу лѣса, какъ усмотрѣли вдали привязаннаго къ дереву человѣка. Воронъ въ самое по время закаркалъ, и обращаясь по къ Славянамъ, по къ привязанному человѣку, вдругъ повалился съ воздуха на землю, какъ бы такое живошное, которое не имѣетъ крыльевъ; и когда путешественники ожидали съ паденіемъ его убою, тогда птица упавъ на землю превратилась въ зайца, и тотчасъ отъ нихъ сокрылась.

Сіе приключеніе въ большее привело ихъ удивленіе, и когда они находились отъ сего почти въ недоумѣніи, тогда привязанный къ дереву человѣкъ вскричалъ къ нимъ: Помогите несчастному, великодушные незнакомцы! Славяне возбужденные его прозьбою, немѣдленно побѣжали къ нему, дабы избавить его отъ узъ. Какъ скоро Свѣплосанъ поближе къ нему подбѣжалъ, то и узналъ въ немъ того Древлянскаго Князя, который подарилъ ему золотую спрѣлу, принадлежащую Видоспану. Онъ слезъ тотчасъ съ своего коня, и отвязывая его ска-
заль

залъ ему: Я очень радъ , любезный мой Князь, что нашолъ случай опслужить тебѣ нѣсколько за твой подарокъ. Удивленный Древянинъ сими словами, осмапривалъ жадно Свѣшлосана, и самъ позналъ его вскорѣ. Ахъ, государь ! вскричалъ онъ, будучи уже опвязанъ , и обнимая Свѣшлосана: подарокъ мой гораздо меньше шеперешняго швоего благодѣянiя. Никакъ , отвѣшшвовалъ другой, я избавилъ тебя одного , а спрѣла швоя двоимъ возвратила свободу, и снискала мнѣ такiя свѣдѣнiя, какихъ бы я никогда безъ нее не получилъ. Но прежде нежели узнаешь ты отъ меня о семъ , оставимъ поскорѣ сiи мѣста , кошрые жизни швоей были шоль опасны. Борьполкъ, сказалъ онъ попомъ своему оруженосцу, отдай ему швоего коня , а ты можешъ вхать съ Русомъ вмѣстѣ , пока попадешся намъ и для себя купишь коня. Оруженосецъ исполнилъ его приказанiе, а Свѣшлосанъ просилъ Древянина сѣсть на оставленнаго ему коня: послѣ чего оставили они немѣденно лѣсъ , и пустились по той

штой

той дорогѣ , которая вела ихъ къ Персїи. Во время пуши Славенскій Князь, желая узнать о всѣхъ приключенїяхъ Древляннина, просилъ его, рассказать подробно свою исторїю, къ чему и прочїе присовокупили свои прозбы. Древлянскій Князь помолчавъ не много и воздохнувъ , началъ такъ свою повѣсть.

* * *

ИСТОРИЯ ОСТАНОВА.

Начало печальнаго моего жизни пы довольно вѣдаешь, Государь, говорилъ онъ Свѣтлосану; но сїи господа можетъ быть о томъ не знаютъ, чего ради и начну ее съ самаго ея произхожденїя. Я называюсь Оспанъ, продолжалъ онъ, и произхожу изъ древняго поколѣнїя Древлянскихъ Князей, копорыхъ Княжество находилось въ Червонной Россїи между Днѣпромъ и Припятью, пространными водою рѣками. Я родился отъ послѣдняго Князя нашего рода, именемъ Люб-слава; и едва я увидѣлъ свѣтъ, какъ смерть моя матери, приключившаяся ей
отъ

отъ моихъ родовъ, возвѣспила мнѣ несчастную жизнь, на которую сужденъ я рокомъ. Родитель мой любя свою супругу весьма несказанно, вскорѣ за нею послѣдовалъ, поруча меня въ опеку ближнему своему боярину, отъ котораго все несчастіе моей жизни успроилось.

Обыкновенно неблагодарность неистовствуетъ наиболѣе тогда, когда присовокупляется къ ней любовчестіе и корысть. Сей вельможа именемъ и нравами Презоль, пользовавшейся паче всѣхъ милостями моего родителя, и снискавшій ласкательствами своими его довѣренность, употребилъ ее во зло, пріѣвъ по немъ во власть правленіе Княжества, и позабылъ вскорѣ чѣмъ онъ былъ долженъ сыну своего благодѣтеля и Государя. Сіяніе вѣнца ослѣпило его очи; онъ предпріялъ не токмо лишить меня онаго, но даже опнять у меня и жизнь мою, чтобъ безопасно пошомъ воспользоваться плодомъ своего злодѣйства. Въ слѣдствіе адскаго сего предпріянія началъ онъ истреблять подъ разными подлогами пріятелей

пріятелей нашего дома , а своихъ ласкашелей и любимцовъ возвышаше на ихъ мѣста, отдавая имъ всю власть въ государствѣ. На послѣдокъ укрѣпясь такимъ образомъ на престолѣ, повелѣлъ меня, еще младенца бывша, оправить тайно ядомъ. Но кормилица моя , узнавъ о семъ варварскомъ намѣреніи , и будучи вѣрна родителю моему и по смерти его , возгнушалася неслыханнымъ симъ злодѣйствомъ, презирая и обѣщанное ей за сіе великое награжденіе, и опнесла меня тайно къ Славомыслу , Чернобогову первосвященнику, кошорый равновѣрно сохранялъ великое усердіе къ нашему дому.

Сей добродѣтельный мужъ скрылъ меня и съ кормилицею моею въ шайникѣ Чернобогова храма, куда никто кромѣ его и спараго его служителя не ходилъ , и гдѣ сей первосвященникъ получалъ вдохновенія и пророчества отъ сего Божества. Въ семъ жилищѣ пробылъ я до пятнадцати лѣтъ моего возраста, въ которыя Славомысль спарался научить меня всему тому, что можеть челоуѣка моего состоянія просвѣ-

просвѣпити и наставити въ добродѣтели. Въ должности сей могъ онъ успѣшь шѣмъ наипаче, что самъ бывъ весьма ученъ, чѣмъ и снискалъ себѣ санъ первосвященничества. По вступленіи моемъ на шестнадцатый годъ, вѣрная моя кормилица умерла, а за нею вскорѣ и первосвященникъ скончался. Тогда шо прямо оснался я несчастнымъ человѣкомъ, о коемъ ни солнце ни земля не вѣдали.

Передъ смертію своею первосвященникъ открылъ мнѣ родъ и санъ мой, и всѣ мои несчастія, надѣясь симъ возбудишь во мнѣ ревность ко благочестію и добродѣтели. Сими одними средствами, говорилъ онъ мнѣ, можешь ты возвратишь себѣ погибшій швой пресполь; благочестіемъ швоимъ Боги, а добродѣтелию человѣки подвигнуся къ тебѣ на сожалѣніе; старайся объ нихъ паче и жизни швоея, ибо ежели и жизнь швая для нихъ прекратишя, по земныя швои имѣнія остануся долу, а душевныя вознесуся съ тобою горе. Но прежде нежели, продолжалъ онъ, ошду я къ праотцамъ моимъ, хочу тебя наградишь наслѣдіемъ

Часть II. Е опцевъ

опцевъ моихъ , такъ какъ сына и
 припомца моего , ибо кромѣ шебя
 нѣтъ по мнѣ наслѣдника. Желая
 только того , чтобы сіе наслѣдіе
 употреблялъ ты во благо , а не
 во зло , и спасеніе твоея жизни ,
 такъ какъ употребляли опцы мои ,
 и потому же и меня научили. А тебѣ
 оно будетъ потребнѣе насъ всѣхъ :
 ты имѣешь себѣ врагомъ сѣдящаго
 здѣсь на престолахъ , который не пре-
 минешь искать твоея смерти , когда
 узнаешь тебя жива. Сего ради совѣ-
 стую тебѣ по смерти моей удалиться
 изъ отечества твоего , и просвѣ-
 щать твой разумъ познаніями свѣ-
 та , пока Боги , по усмотрѣніи въ
 тебѣ достойнаго Вѣнценосца , со-
 благоволять возвратить тебѣ пре-
 столь твоихъ предковъ. Сіе вѣщаю
 я тебѣ , примолвилъ онъ , по повелѣ-
 нію самихъ Боговъ ,

Сказавъ сіе , взялъ онъ меня за
 руку , и повелъ во святилищѣ хра-
 ма : оное было четвероугольно , соо-
 ружено изъ чернаго мрамора , на
 стѣнахъ онаго изображены были
 всякаго рода мученія и казни , коимъ
 подвергающся во адѣ беззаконники.

По срединѣ свящилища стояхъ на мѣдномъ подножіи Чернобоговъ кумирь, сотворенный изъ Гебеноваго дерева, глава его была злая, украшена алмазнымъ вѣнцемъ: онъ былъ препоясанъ змѣю, и покровенъ черною епанчею съ пламенными пятнами, лице имѣлъ свирѣлое, и грозящее казню; въ правой рукѣ держалъ мечъ и скорпію, а въ лѣвой вѣсы; десною ногою попиралъ увѣчанную голову зіяющую пламенемъ; а шуею городскую сѣбну, усыпанную деньгами.

Вошедъ во свящилищѣ Славомыслъ, просперся предъ кумиромъ, чѣму и я послѣдовалъ; потомъ прочня пошихоньку молишву, сиперъ онъ пощаенную дверь у подножіи Божескаго испукана, и вынялъ опшуда Сандали (*) и конелекъ съ деньгами. Во тѣ насѣдїе моихъ праотцовъ, сказалъ онъ обращая ко мнѣ, прїими его, и упошребляй въ единыхъ нуждахъ могущихъ шебѣ случиться; сїи Сандали имѣють силу носить

Е 2

человѣка

(*) родъ старинной обуви, упошреблявшейся на Востоку.

человѣка по водамъ и воздуху, а кошелекъ сей хотя немного содержишь въ себѣ влащаницъ, однакожъ во вѣки не будешь испощимъ, ежели ты будешь изъ него брать на единныя свои нужды, и на вспомошествованіе немощныхъ и спраждущихъ несправно. Храни сїи вещи и не ввѣрай ихъ никому, ни же повѣдай. По семъ обращаю къ Чернобогу, простерся предъ него паки, и вспавъ на колѣни, что и мнѣ также повелѣвъ учинишь, возгласилъ къ нему: Мстительное и защитительное Божество! призри на сего знаменитаго сироту; споборствуй ему, ежели будешь онъ добродѣтеленъ, и накажи его, ежели онъ порокамъ предастся, и наслѣдіе сіе спашешь употребляшь во зло.

Такимъ образомъ добродѣтельный сей мужъ, вручивъ мнѣ лежающіе Сандали, и неизпощимый кошелекъ, опшелъ меня паки въ прежнее мое жилище. Вскорѣ послѣ сего онъ скончался: о семъ увѣдомилъ меня старшій его служитель, которшій, какъ я уже объявилъ, о тайнѣ нашей вѣдалъ, и приносилъ мнѣ

миѢ пишу. Сіе печальное извѣстіе
 свергнуло меня въ неизреченную го-
 рещь и недоумѣніе: я не зналъ, что
 миѢ съ собой начать, и какимъ об-
 разомъ явисься свѣшу, коего я не
 зналъ. Сіе мое недоумѣніе открылъ
 я сему усердному служивелю,
 который, сообразуясь съ увѣща-
 ніями моего благодѣшеля, совѣшо-
 валъ миѢ удалиться поскорѣе въ
 другія Славенскія Области, и пу-
 шешествовать по онимъ, сколько
 для наученія моего, сполько и для
 сокрытія себя отъ измѣнника похи-
 тившаго мой престолъ, пока мило-
 сердые Боги не возвратятъ миѢ она-
 го. Я охотно послѣдовалъ его миѢ-
 нію, и просилъ его сошоварищество-
 вать миѢ въ семъ моемъ странство-
 ваніи, на что Добрыня, ибо такъ
 онъ назывался, охотно и согласился.

Такимъ образомъ положи на мѣ-
 рѣ наше пушешествіе, опредѣлили
 мы выйти ночью изъ храма и Искоре-
 сца (*), столицы нашего Княжест-
 ва. Произведеніе сего предпріятія

Е 3

благо-

(*) сей городъ называется также Ко-
 ростенемъ въ лѣтоп. преп. Нест.

благополучно было окончано : вы-
 шедъ въ рощу окружающую сей
 городъ , разсуждали мы, въ копо-
 рую спорочу преждѣ всего намъ
 ошправимся. Разговаривая о семъ
 пришли мы въ средину сея рощи,
 освѣщаемой тогда сїянїемъ луны;
 помощію сего свѣта увидѣвъ я нѣ-
 сколько споящихъ шупъ сполповъ,
 изъ дикаго камня, весьма искусно
 сооруженныхъ, и на оныхъ послав-
 ленныя сосуды изъ чорнаго мрамора.
 Остановимся здѣсь, государь, ска-
 залъ мнѣ Добрыня ; на сихъ спол-
 пахъ опочиваютъ прахи твоихъ
 родителей, я нарочно привелъ тебя
 сюда, дабы ты, преждѣ отшествїя
 швоего изъ сея спраны, простился
 съ ними, и воздалъ имъ поклоненіе,
 когда уже не можешь имъ ошпра-
 вить Тризны. Я палъ на колѣни, и
 вмѣсто воспоминовенїя принесъ имъ
 жалобы и слезы. По довольномъ
 моемъ предѣ нимн сѣпованїи, пре-
 провожавшій меня Добрыня, совѣно-
 валъ мнѣ оставить сїе мѣсто, и
 искать убѣжища до восхожденїя
 Зимцерлы. Во время пущи сопуш-
 никъ мой спарался меня разнесе-
 лишь,

лишь, рассказывая мнѣ о приключе-
 нїяхъ своей жизни, которыя соспо-
 яли въ томъ, что онъ въ молодости
 своей учился вмѣстѣ съ повоиннымъ
 первосвященникомъ, которъ му понра-
 вясь, и будучи бѣднымъ человѣкомъ
 и сиротою, согласился всю жизнь
 препроводить при немъ: и по сей
 причинѣ жилъ всегда въ его домѣ
 не такъ какъ служитель, но какъ
 домашній. При семъ также объявилъ
 мнѣ онъ и о другихъ обшествен-
 ствахъ своей жизни, которыя доволь-
 но означали грубость и звѣрство
 Древлянъ, и ихъ сосѣдей. Обычай
 сжигать усопшихъ тѣла, и прахъ
 ихъ полагая въ сосуды, спавить на
 столпахъ при большихъ дорогахъ,
 и вмѣсто порядочнаго бракосочета-
 нїя хватать дѣвицъ у водъ, и имѣть
 оныхъ себѣ вмѣсто женъ, переняли
 Древляне, по сказкамъ его, отъ
 сосѣдѣй своихъ Радимичей, Криви-
 чей, Вяпичей и Сѣверянъ.

Такимъ образомъ повѣсивъ мнѣ
 о нравахъ Древлянъ, старался онъ
 уклоняться отъ Искореспа въ спо-
 рону, и при восходѣ зари привелъ
 меня въ небольшую деревню, въ ко-
 торой

порой мы отдохнувъ , и купя себѣ коней пустились въ пущь. Добрыня совѣтовалъ мнѣ преждѣ всего ѣхать въ Область Дулебовъ и Бужанъ , у коихъ во ісправѣ было славное пророчество, зовомое Золопою Бабою. Сіе прорицавшее Божество, говорилъ онъ мнѣ, должно тебѣ спросить о успѣхѣ нашего путешествія и о будущей твоей судьбѣ. Я охотно послушдовалъ сему его совѣту, желая узнать о себѣ предбудущее, къ чему всѣ почти пристрасны человѣки.

И такъ наставя путь нашъ въ сію страну, черезъ нѣсколько дней прибыли мы въ нее; и еще издалече увидѣли мы въ оной спящей великолѣпный храмъ Золопья Бабы, сооруженный изъ чистаго бѣлаго мрамора, и обнесенный такою же оградю. Чѣмъ ближе подвѣжжали мы къ сему храму , тѣмъ болѣе увеличивалось его великолѣпіе въ нашихъ глазахъ. Ограда онаго содержала въ себѣ покойныя и пріятно расположенныя жилища для жрецовъ сего Божества: по обѣимъ сторонамъ воротъ построены были гостиницы для прѣбывающихъ , и обилующія всѣмъ

всѣмъ тѣмъ , что къ пропитанію , одеждѣ , и уврачеванію челоуѣковъ потребно.

Какъ скоро объявили мы приворошнику желаніе наше поклониться и жаривовать Богинѣ , такъ скоро и ошперъ онъ намъ желѣзные ворота , которые непрестанно были заперты для опасности отъ разбойниковъ ; ибо въ семъ храмѣ сохранилося великое сокровище , возрасшее отъ щедрыхъ приношеній молебниковъ : попому что , изъ почтенія въ сему божеству , не дерзалъ ни единъ приходящій ошопи отъ него безъ принесенія ему какой либо вещи ; а ежели ничево не имѣлъ , то вырвавъ изъ плащя своего волосъ , приносилъ оный въ даръ , кланяся въ землю.

По вѣздѣ нашемъ въ монастырь , нижніе служилели храма съ великою учливостію помогли намъ слѣзти съ лошадей : одни изъ нихъ повели ихъ въ конюшни , а другіе препроводили насъ самихъ въ гостинницу , гдѣ мы угощаемы были по княжески . Чрезъ нѣскольکو часовъ объявили намъ , что первосвященникъ

сего храма желаетъ насъ видѣть. Мы тотчасъ пошли къ нему, и уговорились на дорогѣ сказаться купцами изъ Коростеня. Первосвященникъ принялъ насъ весьма ласково, и угощая вопрошалъ о винѣ нашего прибытія. Мы ему объявили, что желаемъ принести жертву, и спросить о нашей судьбѣ Великую Матерь Боговъ. Жрецъ съ охотою обѣщался съ своей стороны удовлетворить наше желаніе, спрашивая насъ при томъ, какую мы хотимъ избрать жертву, чтобъ почтить Богиню. Я вынявъ десять золотыхъ просилъ его, чтобъ онъ избралъ за сѣи деньги такую, какую ему за благо разсудится. Предложеніемъ симъ Жирославъ, (такъ онъ назывался,) наипаче былъ доволенъ.

Тотчасъ послѣ сего позвавъ своего служителя, и приказавъ ему привезти для жертвоприношенія непорочную юницу, овна, и двухъ агнцовъ, просилъ насъ слѣдовать съ нимъ во храмъ. Оный былъ осажденъ кедами и буками; украшенъ оповсюду мраморными багряными столпами,

столпами, коихъ главицы величны были изъ мѣди, и поставлены весьма крѣпко; припворъ храма, гдѣ приносили жершву, сооруженъ былъ также изъ мрамора, и украшенъ подобнымижъ столпами. Жершвенникъ, на коемъ сожигали жершву, и другой, на копоромъ жарили нѣкопорыя оной часи для пожранія, были спальныя, и помѣстамъ украшены серебряными съ золопомъ цвѣтами. По сторонамъ ихъ спяло на паганахъ нѣсколько мѣдныхъ кошловъ, въ копорыхъ варили также нѣкопорую часи жершвъ. Сѣкиры, ножи и другія жершвенныя орудія состояли изъ блиспательнаго и крѣпкаго камня и серебра; также сосуды, умывальницы, и другія подобныя сему вещи были всѣ изъ драгоцѣннаго вещества, и избраннѣйшя работы.

Вскорѣ привели къ намъ жершву, украшенную вѣнками изъ цвѣповъ. Первосвященникъ и помоществующіе ему жрецы, облекшись въ богослужительныя ризы, начали службу пѣнїемъ и молитвами, по скончаніи коихъ Жирославъ, возлагая

на каждую жертву свою руку, приказывалъ ихъ убивать, и приутошованъ къ жертвоприношенію. По повелѣнію его вскорѣ все было утошовано: лучшія части были оставлены для прапезы жрущихъ, а прочія сожжены въ честь Богинѣ,

По совершеніи такимъ образомъ жертвоприношенія, Жирославъ увѣрялъ насъ, гадая по колебанію огня, и по печенію дыма, что жертва благопріятна Богинѣ, и можемъ мы ожидать благополучнаго событія нашимъ желаніямъ. По семъ повелѣнію насъ во внутренность храма. Стѣны его украшены были живописью, представляющею дѣла и приключенія Богини. По срединѣ храма стоялъ ея кумиръ изъ чистаго золота: на рукахъ у нее сидѣла маленькая дѣвочка, которую почитали ея внукою. На Богинѣ и внукѣ ея были вѣнцы изъ дорогихъ камней, самой высокой работы и цѣны. Подножіе ихъ состояло изъ чистаго серебра, и украшено было вылитыми изъ золота цвѣтами, и разноцвѣтными камнями. Сидящій предъ

предъ ними жертвенникъ былъ подобно сооруженъ и украшенъ. Испу- канъ сей окруженъ былъ оиповсюду разнообразными музыкальными ору- дїями.

По вшествїи нашемъ во храмъ, первосвященникъ приказалъ намъ пасъ предъ жертвенникомъ на ко- лѣни, и предложивъ на немъ то, чѣмъ мы обрелись Богинѣ. Повелѣ- ніе его немѣдленно мы исполнили: я вставъ съ Добрынею на колѣни, положилъ нѣсколько горшей золо- тыхъ на жертвенникъ, а Добрыня нѣсколько пѣнязей. Въ тошъ мигъ всѣ музыкальныя орудїя, окружаю- щїя Богиню, возгремѣли, и произ- вели во храмъ превеличайшїй шумъ: Богининъ Испуканъ поколебался; а мы, бывъ устрашены симъ дѣй- ствіемъ, пали ницъ на землю. По- слѣ сего шумъ мало по малу началъ утихашъ, и при концѣ онаго услы- шали мы гласъ Богини, подобный трубному гласу.

Какъ твоя невинность страждетъ,
Какъ его злодѣйство жаждетъ,

Боги видятъ то давно:
 Вскорѣ злыхъ не наказуютъ,
 Косно добрыхъ испытуютъ;
 И посемъ дѣлятъ равно.

Сіе прорѣченіе жрецы потчасъ записали, и подали мнѣ онаго списка, за что ошвѣдствовалъ я имъ нѣкопорымъ числомъ червонцовъ. Послѣ сего просилъ насъ къ себѣ первосвященникъ на вкушеніе жершвы, со всеми бывшими при томъ жрецами. Мы за нимъ послѣдовали, а Жирославъ обращая ко мнѣ рѣчь, говорилъ мнѣ такъ: Богиня наша правосудна, пріятный гость! Она невинныхъ защищаетъ, и побораеетъ по нихъ; а злодѣямъ завсегда противится: и рано или поздно наказуетъ ихъ. Я тебѣ при трапезѣ нашей расскажу о произхожденіи и дѣлахъ ея. Я не испытую, продолжалъ онъ, о состояніи своего жизни, но шокмо вижу по изреченію божесіва, что ты добродѣтеленъ и несчастливъ; но какъ злодѣйство гнашь себя ни спанеетъ, не ослабляй своего терпѣнія: Боги со удвольствіемъ взираютъ на борющуюся

ся

ся добродѣшель съ несчастіями ; и напослѣдокъ увѣнчавающъ ее.

При продолженіи имъ подобнаго сему нравоученія, прибыли мы въ его обитель. Сполъ уже былъ уготованъ, Жирославъ просилъ насъ за него сѣсть; и когда нѣсколько уже насытились, тогда онъ паки обращая ко мнѣ рѣчь, вѣщалъ мнѣ слѣдующее: я обѣщалъ тебѣ разсказать о началѣ и произхожденіи нашего Божества, зовомаго чернїю Золошою Бабою, по причинѣ златаго ея испукана. Вотъ каковое повѣствованіе о томъ намъ предано: первоначальное существо Ефиръ, совокупясь съ неспройностїю стихій, произвели на свѣтъ великую нашу Богиню, Царицу земли, и Матерь всѣхъ Боговъ; а она сочетавшись съ Свѣповидомъ или Солнцемъ, подобнымъ съ нею древностїю Божествомъ, породила миру Перуна, спроишеля громоспрѣляній и всѣхъ воздушныхъ явленій; попомъ Волоса, Бога скотовъ, по немъ Купала, Бога плодовъ; и прочихъ Боговъ и Богинь, какъ то Ладу, Зимцерлу, Бѣлбога, Чернобога, Нїю, Похвис-

та, Догоду, Услава, Кикимору, и имъ подобныхъ. Сынъ ея Церунъ совокупясь съ сестрою своею Ладою, Богинею любви, произвелъ Сиву, Богиню плодовъ древесныхъ и садовыхъ. И сию по любезную внуку, припашельницу челобковъ, держишь Богиня наша непрестанно въ своихъ объятїяхъ, и любишь ее жарчае всѣхъ своихъ дѣшей и внучащъ. А наши праотцы, желая означить свойство и достоинства сихъ Богинь, изобразили ихъ златыми украсивъ въ лицахъ изъ драгоценныхъ камней; ибо ошъ нихъ произпекають намъ и злато и серебро, и вся благая нашей жизни. А окруженіе ея музыкальными орудїями успавлено въ знакъ того, что возспавшую между дѣшми ея распрю, о державѣ земли, она пресѣкла, возспанова межъ ними согласїе правосуднымъ оныя раздѣломъ; и для того еще, что она многїя изъ сихъ орудій изобрѣла сама, и любишь ими услаждащъ: и всегда свои пророчества произносишь во гласѣ шрубномъ.

По семъ Жирославъ, продолжалъ Оспанъ . разказывалъ мнѣ о многихъ ея чудесахъ, и о дѣлахъ ея чадъ , о чемъ однакожъ я умалчиваю, какъ о такихъ вещахъ, о копорыхъ и ты, Гобударь, я чаю вѣдаешь; а приступлю теперь къ повѣствованію другихъ моихъ приключеній.

Я пробылъ нѣсколько дней въ священномъ семъ жилищѣ, наслаждаясь собѣсѣдованіями первосвященника, копорому подарилъ я пятьдесятъ червонныхъ, и еще сто далъ на содержаніе ихъ гостиницы. Посемъ, совѣщавшись съ соупникомъ моимъ, побѣхалъ я въ Державу Полянъ, у коихъ сполницею былъ Кіевъ, поспросенный сего же имени Княземъ. Полянами владѣлъ тогда Князь Коваръ: у него вознамѣрился я просить себѣ помощи противу похищителя моего престола.

Путь нашъ даже до сего города былъ благополученъ: мы нашли Кевара, не добѣжая до города, въ бору, окружающемъ Кіевъ, забавляющася съ придворными своими зѣвроловишельствомъ. По прошенію мо-

ему я былъ ему представленъ: ласковый его пріемъ обнадежилъ меня открышья ему въ моей нуждѣ. На прозбу мою опоздался онъ благо-склонно: да и сполько еще явилъ мнѣ благопріяисшва, что просилъ меня жишь въ своемъ дворцѣ все то время, которое пробуду я въ Кіевѣ. Таковыя ласки со всѣмъ колебали мое легковѣріе: и я уже мнилъ себя сѣдяща на престолѣ моего родителя. Но какъ я мало зналъ полишику Государей, внемлющую болѣе своимъ прибышкамъ, нежели челоувѣколюбію!

Нѣсколько дней спаралися забавлять меня пустыми надеждами, какъ между шѣмъ пересылалися съ моимъ злодѣемъ, коему дали знашь о моемъ пребываніи въ Кіевѣ, и просили онъ него себѣ усшупки нѣкоторыхъ городовъ, еспли не желаетъ онъ зрѣшь себя воюема въ мою пользу. Похищитель моего вѣнца, желая отшрашить онъ себя сію бурю, охотно на шребованіе ихъ согласился: съ такимъ напропивъ варварскимъ условіемъ, чшобъ меня ему выдали мершва или жива. Су-
дя

дя по коварству Кіевскаго Князя и его вельможъ, можешь бытъ и бывъ бы я несчастною жершвою властлюбія Презолова, ежелибъ нѣкто изъ Коваровыхъ боярѣ не продалъ мнѣ сея шайны за нѣкошорую сумму денегѣ.

Какъ скоро я извѣспился о семъ проклятомъ ухищреніи, такъ скоро и уѣхалъ изъ Кіева. По совѣту Добрынину, слыша о добродѣтеляхъ и благоспынѣ швоего родителя, государь, говорилъ Древянинъ Свѣп-лосану, вознамѣрился я ѣхать въ Славенскѣ, дабы пастъ къ ногамъ великодушнаго Богослава, для испрошенія у него шой милоспи, о ксей шщетно умолялъ я Полянскаго Князя. Во время сего моего путешествія занемогъ я сильною огневицею, чего ради и ошпановился я въ Сшоплицѣ Кревичей, гдѣ находнася храмъ Знича, сего священнаго огня, подающаго болящимъ исцѣленіе, и совѣшы на уврачеваніе болѣзней. Я послалъ Добрыню къ первосвященнику сего Божеспва, дабы онъ вруча ему ошъ меня спо зашницѣ, попросилъ его принесешъ жертву
сему

ему неугасимому Пламени, для ис-
 прошенія отъ него мнѣ уврачеванія.
 Жрецъ, повелѣвъ ему прійти на
 упрѣѣ, далъ шакой опвѣшъ Добры-
 нѣ. копорый по словамъ его, само
 Божество изрекло ему ношю.

Обуй въ Сандаліи прелещущія ноги,
 И безбоязненно ступай во всѣ дороги:
 Ни воздухъ, ни вода тебя не повре-
 дитъ,
 Ни самый Тартаръ въ нихъ тебя не
 побѣдитъ.

Сей гласъ Боговѣщалища возвра-
 тилъ мнѣ память о забвенныхъ мною
 Сандаліяхъ, данныхъ мнѣ въ нас-
 лѣдство Славомыслемъ, первосвя-
 щенникомъ Чернобоговымъ, моимъ
 воспитателемъ. Я приказалъ Доб-
 рынѣ вынять ихъ изъ сумки, къ ко-
 порую они мною были спрячаны, и
 обулъ меня. Какъ скоро онъ на меня
 ихъ наделъ, такъ скоро началъ я
 чувствовать распостраняющееся по
 всѣмъ моимъ жиламъ стремленіе
 крови, со окончаніемъ коего жаръ
 началъ во мнѣ ушухать, и силы
 мои чувствительно спали прихо-
 дить

дись въ прежнее соспоянїе. Однимъ словомъ, черезъ часъ сдѣлаася я такъ здоровъ, какъ будшобъ не бывалъ никогда боленъ. Въ тогдашнемъ моемъ восхищенїи бросился я на землю, и принесъ священному Зничу благодарственное моленїе, сопровождаемое радосными слезами. Послѣ сего пошелъ я во храмъ онаго, желая принести ему великолѣпную жертву.

Храмъ его стоялъ на высокой горѣ, сооруженъ изъ дикаго камня, и огражденъ высокою и крѣпкою стѣною на подобїе замка. Стѣны его соспояли изъ двухъ ярусовъ небольшихъ покойцевъ: въ нижнихъ содержались плѣнники и скопы, опредѣленные на закланїе въ жертву сему священному Огню; а въ верхнихъ жили служители храма, и нѣкоторые жрецы. По входѣ моемъ въ сію сграду, слухъ мой пораженъ былъ спомомъ плѣнныхъ, испрашивающихъ себѣ отъ Боговъ и мимидущихъ свободы отъ напрасныя смерни. Жалость обьяла мое сердце, я немогъ понять причинъ сему звѣрскому обыкновенїю, чшобъ преда-
вашь

вать огню неповинныхъ челоѣковъ, въ жерпву такому Божеству, которое подаетъ намъ исцѣленіе, и печется о нашемъ здравіи. О Боже! вскричалъ я тогда: конечно не пывиною варварскому сему уставу, но жадность къ корысполубію немилосердыхъ своихъ жрецовъ. Сія мысль заглушила во мнѣ почтеніе, которое было возымѣлъ я къ первосвященнику сего Божества. Я вознамѣрился съ нимъ увидѣться, и употребить всю мою возможность къ освобожденію невольниковъ, и ко уничтоженію адскаго сего обыкновенія.

Жреца сего нашелъ я готовяща-ся ко приношенію сея кровавныя и безчелоѣчныя жерпвы. Поблагодаря его за предстательство о мнѣ у Божества, просилъ я его принести отъ меня благодарственную жерпву. Изрядно, отвѣтствовалъ онъ, сіе я охотно учиню по принесеніи законной жерпвы. Я его спросилъ о ея родѣ, и услышалъ, что она состоитъ изъ сихъ несчастныхъ плѣнниковъ, возмутившихъ столько мои чувства. Честный отецъ! сказалъ

я ему: не ужель и Боги столькожѣ мстительны и жестокосерды, какѣ и мы человѣки? И какая причина побуждаетъ ихѣ желать столь варварскія жершвы? Нельзя спасться, чтобѣ они услаждались человѣческимъ мученіемъ и кровію. И развѣ не о всѣхѣ людяхѣ равно они пекутся, и не равно ихѣ любящѣ? Жрецѣ отвѣтствовалъ мнѣ весьма смѣшно на сіи вопросы, изѣ коихѣ ничего другаго я не понялъ, кромѣ пустыхѣ его отвѣтствованій. Я употребилъ всѣ силы моего смысла, чтобѣ доказать ему безчеловѣчіе и незаконное заблужденіе сея службы. Но онѣ пропивополагалъ мнѣ на то, что сіе заведено издревле, и что сею жершвою Божество ихѣ конечно услаждается. О человѣки! возопилъ я тогда: вы и зѣрей въ ярости и невѣжествѣ своемъ превосходите. Отче честный! говорилъ я ему, будь ты первый исправителемъ сего варварскаго и адскаго злоупотребленія: Боги конечно не требуютъ отъ насъ столь проклятыя жершвы; но отвращаются и мерзятся ею. Любимый жрецѣ не внималъ моимъ разсмотрѣніямъ,

вїямь , и готовился исполнить сіе варварское дѣло. Но я, опоздавъ его на спорону, обѣщаль ему дать за всякаго плѣнника по сіу червонцовъ , ежели онъ ихъ освободишь отъ сея жертвы, и оппустишь на волю.

При семъ обѣщанїи корыстолоубивый жрецъ улыбнулся , и умягчилъ суровый свой видъ и голосъ : чадо мое! Сказаль онъ мнѣ, я вижу, что великій Зничъ , подавъ тебѣ здравїе, хочеть тебя прославить щедротою : волѣ его я повинуюся : исполняй его желанїе ; а я сего же вечера освобожу плѣнниковъ , когда ему сіе угодно. Но не позѣдай сего народу, продолжалъ онъ, сему немолимому чудовищу, копораго единныя чудеса къ покоршву преклоняють. Я обѣщаль ему содержащъ сіе тайно, и въ томъ же день принесъ ему цѣну на искупленїе неповинныхъ.

По сему нашему условїю, жрецъ пошелъ во храмъ , и по совершенїи нѣкопорыхъ жертвенныхъ обрядовъ, припворился ужаснувшимся, и дрожащимъ голосомъ, кривляя глазами

ихъ предпріятіяхъ на нашу землю. Но сіе значило, говорилъ Древлянинъ, что онъ хотѣлъ напередъ увѣриться въ деньгахъ, обѣщанныхъ ему мною, прежде нежели освободишь сихъ Печенѣговъ. Народъ на все согласился, чего ни желалъ отъ него первосвященникъ, который по принесеніи обыкновенныхъ жертвъ возвратился въ свою обитель; а я пошелъ къ себѣ на поспоялый дворъ, дабы приготоовать ему деньги.

Дорогою встрѣтился со мною Добрыня, который оплаучился отъ меня для нѣкоторыхъ нужды, и ничего невѣдалъ о переговорахъ моихъ со жрецомъ. Я ему рассказалъ сію исторію, и не могъ съ нимъ надивиться жадности сего первосвященника, которая побуждаетъ его не токмо народъ обманывать, но и проливать человѣческую кровь подъ предлогомъ благочестія и богопочитанія. Ахъ, государь! сказалъ мнѣ тогда Добрыня: такъ никакъ и освѣтъ, данной имъ тебѣ отъ имени Знеча, его же коварства еси вымысль; ибо я признаюсь тебѣ, что онъ ласкашесвомъ своимъ
 вывѣдалъ

вывѣдалъ отъ меня нѣсколько она-
шей тайнѣ, и о Сандаляхъ вручен-
ныхъ тебѣ Славомыслomb. А что
онѣ помогли тебѣ освободиться отъ
болѣзни, такъ сіе конечно произош-
ло отъ сокрытой въ нихъ для сего
силы, а не отъ Знича, коему при-
писываютъ жрецъ исцѣленіе болѣ-
зней. Разсужденіе сіе почелъ я
справедливымъ, соображая его со
жреческимъ коварствомъ. Я предпрі-
ялъ завсегда носить спасительные
сіи Сандали, а Добрынѣ приказалъ
не объявлять впредь ни кому о на-
шей тайнѣ.

Между тѣмъ желая спасти не-
повинныхъ плѣнниковъ, вынялъ я
изъ неизпощимаго моего кошелька
деньги, по числу плѣнниковъ, кото-
рыхъ было около дваццати чело-
вѣкъ; и пошелъ подъ вечеръ къ ко-
рысполюбивому жрецу, которому
вручивъ сей выкупъ, просилъ его
исполнить обѣщаніе, что онѣ въ
тошъ же часъ и учинилъ, прика-
завъ ихъ освободить. Послѣ чего
ласкательства его доказали мнѣ яс-
но, сколь подла его душа. Я ос-
тавилъ его скоро, возымѣвъ къ нему
З 2 презрѣніе

презрѣніе больше еще прежняго , и
 идучи на мое подворье разсуждалъ,
 какъ праведные Боги такихъ гнус-
 ныхъ и беззаконныхъ шварей оста-
 вляющъ безъ наказанія; но вспомя-
 нушъ прозрѣченіе Золошья Бабы ,
 что Безсмертные мѣдленно наказу-
 юшъ злодѣевъ, оставилъ сіе на Про-
 мыслъ небесный, копорый на упріе
 же мнѣ доказалъ, что онъ справед-
 ливъ. Ибо на другой день Добрыня,
 ходившей за нуждою на рынокъ ,
 объявилъ мнѣ пришедъ , что сего
 первосвященника зарѣзали воры, въ
 числѣ копорыхъ былъ его келейникъ,
 и пограбили все его имѣніе. Услы-
 шавъ сіе , воздалъ я хвалу Небу за
 избавленіе земли отъ сего чудовища,
 пожиравшаго челоуѣчество , и про-
 силъ прощенія въ моемъ роупаніи
 на его правосудіе.

Послѣ сего приключенія вскорѣ
 оставилъ я сей городъ , и продол-
 жалъ мой путь въ Славенскъ. На
 семъ пути скончался добродѣтель-
 ный мой спутникъ. По обыкнове-
 нію нашему шло его я сожегъ , и
 собравъ въ сосудъ онаго пепель, по-
 ставилъ во храмъ того села, въ ко-
 шоромъ

поромъ приключилась ему смерть. По совершеи надъ нимъ призывы, ошправился я паки въ путь мой, кошорый даже до Валдайскихъ горъ былъ довольно спокоенъ; но на онѣхъ разрушило его слѣдующее приключеніе. Не доѣзжая нѣсколь-ко до сего урочища, наѣхалъ я на приказнаго челоуѣка, ѣхавшаго так-же въ Славенскъ съ молодою своею женою, съ кою ѣздилъ онъ для свиданія къ ея родителямъ, и воз-вращался въ столицу Славянъ, имѣя въ оной свое жилищѣ. Мы оба весьма были рады, что наѣхали въ пути своемъ себѣ соповарища: онъ со мной потчасъ познакомился, и рассказалъ мнѣ о себѣ, кѣо онъ таковъ; я также объявилъ ему о себѣ, что я Древянинъ, и желая видѣшь достойныя примѣчанія мѣ-ста путешесивую. Такимъ образомъ разговаривая, уменьшали мы скуку соединенную съ путешесивіемъ, да-же до объявленныхъ мною горъ.

По вѣздѣ нашемъ на онѣя, и по продолженіи нѣкотораго пони-хъ пути, переломилась ось у его коля-ски, что принудило его и жену сво-

изъ оной выйши. Я также сошелъ съ моего коня, дабы имъ соповариществовать; и межъ иѣмъ, какъ люди его спаралися привести въ прежнее соспоянїе коляску, мы всѣ шрое пошли прогуливатъся. Взошедъ на споящую предъ нами гору, превосходившую высоту всѣ прочія, удивлялися мы природѣ, аки бы игравшей въ семъ мѣспѣ собранїемъ въ совокупность поликаго числа горъ, намѣшанныхъ одна на другую. Во время сего нашего удивленїя, увидѣли мы лешящее къ намъ облако отъ предѣловъ Славенска: лешенїе его было весьма быспро, и казалось нѣчто на немъ сидящее. Позорище сїе привлекло на себя наши взоры: по приближенїи его къ намъ, увидѣли мы на немъ сѣдящаго малорослаго Еѣіопа, въ Кипайскомъ плашьесїе начпаче удвоило удивленїе и любопытство наше, которое намъ всѣмъ шроимъ причинило бы пагубу, ежелибъ не имѣлъ я при себѣ преудивительныхъ монахъ Сандалій. Ибо, коль скоро сей карло, подобный лицемъ своимъ и злосїю дїяволу, увидѣлъ насъ, то и усшремился къ намъ

намъ лешѣшь. Сіе его стремленіе споль испужало молодыхъ супруговъ, что Милоспана (такъ называлась сія женщина,) упала въ обморокъ въ руки своего супруга, а Завидъ ея мужъ въ шаковую пришелъ робость, что ни слова немогъ выговорить, и стоялъ какъ изумленный.

Между шѣмъ Еёіопъ спустившись къ намъ, выхватилъ ее изъ рукъ ея мужа, который упавъ отъ страха, кричалъ изо всей силы: Ахъ, помилуй! помилуй, государь мой!пусти душу на покаяніе. Но карло ему не внималъ, и посадя женщину на облако, успремился съ нею отъ насъ лешѣшь. Но я, будучи не споль робокъ какъ ея мужъ, и подвигнувшись сожалѣніемъ, вознамѣрился опнаться у волшебника несчастную сію женщину, которая испуская сипенаніе и вопль, призывала меня и мужа своего на помощь. И такъ, имѣя на себѣ лешающіе Сандали, погнался я за карломъ, и достигъ его вскорѣ, ибо Сандали мои несли меня быспрѣе птицы. Мурянинъ увидя меня бѣгущаго за собою, бросилъ

силѣ въ меня золотою стрѣлою, кою былъ онъ вооруженъ; но я отъ удара сего увернувшись, и поймавъ его стрѣлу, успрямился паки за нимъ, дабы самого его поразить ею. Уже вознесъ я руку мою на поразеніе его, какъ гнусный сей чародѣй, видно устращася сего удара, и почтя меня сильнѣйшимъ себя, бросилъ бѣдную Милоспану долой съ облака, а самъ успрямился отъ меня лѣшѣшь.

Желаніе мстить ему не споль было во мнѣ сильно, какъ спремленіе помочь сей бѣдной женщинѣ, которая съ окончаніемъ своего паденія ожидала себѣ смерти. Я бросился за нею, и едва успѣлъ предугадать ея паденіе, схвативъ ее за одежду. Между тѣмъ проклятый ея похищитель отъ насъ исчезъ. Завидъ, лежавшій во все сіе время полумертвымъ, услыша подлѣ себя шумъ, произшедшій отъ насъ, паки закричалъ: Ай! ай! помилуй! Но я его началъ увѣрять, что врагъ его уже исчезъ, и супруга его благополучно отъ онаго избавлена. Тогда онъ приподнявъ немного голову, и

увидя

увидя насъ однихъ , сказалъ : ахъ , проклятый чародѣй ! какъ онъ меня испугалъ ! Однакожъ , продолжалъ онъ прибодрившись , ежелибъ у меня что въ рукахъ случилось , то я бы доказалъ ему себя .

Въ спокойнѣйшее время засмѣялся бы я его храбрости , но тогда старался я помогать бѣдной его женѣ , которая не могла еще оправдаться отъ ужаса , причиненнаго ей волшебникомъ . Наконецъ по старанію моему и ея мужа , получила она паки спокойствіе духа . Послѣ чего принялись и мужъ и жена осыпать меня благодарностями , и просили меня усердно не только сошваривать имъ въ пупи , но и по прѣздѣ въ Славенскъ жить въ ихъ домѣ во все то время , которое пробуду я въ семъ городѣ . Учтивостямъ ихъ отвѣтствовалъ я подобнымижъ учтивостями . и согласился охотно на ихъ желаніе . Между тѣмъ прибѣжали къ намъ Завидовы служители , которые весьма довольно были отъ насъ опдалены . Они усмотрѣли издали приключеніе случившееся съ нами ; и бѣжали

намѣ помочь по своей возможности; но уже дѣло окончано было до нихъ. Любопытство побуждало ихъ всѣхъ тогда просить меня, чшобъ я имъ рассказалъ, какимъ средствомъ возмогъ я побѣдить столь страшнаго врага, и лепалъ подобно ему по воздуху. По неосторожности моей открылъ я имъ, что ешо учинилось помощію моихъ Сандалій, имѣющихъ силу носить по воздуху и водѣ, и припомъ еще и отъ болѣзней излѣчивашъ.

Сіе объявленіе возбудило во всѣхъ моихъ слушателяхъ не малое удивленіе, которое на послѣдокъ произвело въ одномъ изъ слугъ Завидовыхъ вредное для меня желаніе. Онъ вознамѣрился похитить у меня сей драгоценный залогъ моего воспитателя, что того же дня и произвелъ онъ въ дѣйство на ночлегѣ, обокравъ со мною вмѣстѣ и господъ своихъ, во время нашего сна. По пробужденіи нашемъ на другой день узнали мы о семъ злодѣйскомъ его поступкѣ; и я еще благодарилъ Небо за сохраненіе неизпощимаго моего кошелька, о коемъ никшо невѣдалъ,

и которъй и во время сна хранилъ я у себя въ карманѣ , и по сей по причинѣ грабитель нашъ не могъ его у меня похитить. Бѣдные мои спутники тѣмъ болѣе горевали о семъ несчастіи, что не имѣли больше чѣмъ доѣхать до Славенска , ибо воръ похитилъ у нихъ все деньги ; но я ихъ скоро вывелъ изъ себя грусти , обѣщая имъ помогать во всѣхъ ихъ нуждахъ. Сіе наипаче умножило ко мнѣ усердіе ихъ и пріязнь : они осыпали меня тѣмною благодареній , и даже привели меня въ спыдъ своими учтивостями.

О семъ спраннымъ съ нами приключеніи , продолжалъ Останъ обращая слово къ Свѣплосану , не имѣлъ я случая ни тебѣ объявить , государь , и твоему родителю , ни же кому другому , во время пребыванія моего въ Славенскѣ ; не знаю и теперь , забвеніюль сіе приписать я долженъ , или волшебнымъ хитростямъ сего же чародѣя , котораго съ посрамленіемъ обратилъ я въ бѣгство. Я скорѣе это припишу ему отъвѣтствовалъ на то Свѣплосанъ , ибо по стрѣлѣ познаю я въ

И 2

немъ

немъ Карачуна , сего лютаго волшебника , котораго по всему свѣту причиняеишь великія бѣдства многимъ людямъ , въ числѣ которыхъ находятся сестра моя и зять , что я тебѣ по окончаніи швоей повѣсти подробности объявлю. И такъ я думаю , что сей волхвъ , спрашася можешь бышь самому себѣ скорыя пагубы , спарается всѣ свои злодѣйства сокрыть отъ человекѣвъ ; но только отъ всемогущихъ Боговъ сего утаить онъ не въ силахъ , которые непременно показнятъ его когда нибудъ за неизсеченныя его беззаконія. Сказавъ сіе просилъ онъ пакы Остана продолжашъ его повѣствованіе , что Древляниишь и учинилъ слѣдующимъ порядкомъ.

Послѣ сего случая , продолжалъ Останъ , путь нашъ былъ уже спокоенъ до самаго Славенска , коего великолѣпіе превышало всѣ города видѣнныя мною ; красота храмовъ его и башенъ издаече поразила мои очи , и удосповѣрила меня о подлинности славы , носящейся о немъ по отдаленнымъ странамъ. По вѣздѣ въ оный , глаза мои не знали куда

куда обратиться : всюду встрѣчался зданія доспойныя особливаго разсмаприванія ; удивленіе мое продолжалось по пространству всего города , простирающагося на нѣсколько верствъ ; и не преждѣ успокоилось мое вниманіе, какъ по прїѣздѣ въ Завидовъ домъ , споящей почши по конецъ города.

По нѣкопоромъ опдохновеніи въ семь домъ , пошелъ я во дворецъ , чипобъ исходатайствовать себѣ счастье предъ папъ предѣ швоего родителя , коего человѣколюбіе прославлялося по всѣмъ Славенскимъ спранамъ. По благосии его вскорѣ получилъ я къ нему доступъ : я ему объявлялъ мои несчастія , прося его о покровительствѣ и помощи себѣ. Добродѣтельный сей Князь , умилясь на мое злополучіе , но ненавидя брани , проливающей безъ всякаго сожалѣнія человѣческую кровь , и разшоргающей спокойствіе цвѣтущихъ областей , обѣщаль изходатайствовать мнѣ шо миротворствомъ , чего другіе доискиваюшся кровопролиніемъ. Въ исполненіе своего обѣщанія , послаль онъ вскорѣ

посольство въ Искорестѣ съ такимъ приказаніемъ, чшобъ оно старалося преклонить хищника моего престола уступить мнѣ безъ разпорженія мира принадлежащій мнѣ вънецъ, и ежели не успѣетъ въ семъ, то хотя бѣ преклоняло его уступить мнѣ половину Древянскія земли, съ такимъ условіемъ, чшобъ другую оставилъ онъ мнѣ по своей кончинѣ. Но сей злодѣй не шокмо не склонился на сіе миролюбное и выгодное для него требованіе, но предпріялъ еще отнять у меня и жизнь, какимъ бы шо способомъ ни было. Для сего варварскаго исполненія, избралъ онъ самыхъ наипозорнѣйшихъ людей изъ своихъ прислужниковъ, отъ которыхъ едва нечаянный случай возмогъ спасти мой животъ.

Извѣстно тебѣ, государь, продолжалъ Древянинъ, что по милости своего родителя перешелъ я жить изъ Завидова дома во дворецъ, гдѣ ни въ содержаніи ни въ удовольствіяхъ не имѣлъ я никогда недосыпка; но оскорбленное мое сердце гоненіемъ рока не воспринимало иногда отъ нихъ ни малыя сладости,

сти , и погружало меня въ глубокую задумчивость : въ сѣи печальныя для меня часы , любилъ я прогуливаться по прекраснымъ долинамъ Славенска , или по берегамъ рѣки Мупной , прозванной Волховымъ въ память Славенова сына Волхвали Волховца , который по сей рѣкѣ разбойничалъ , превращаясь въ лютаго крокодила . Нѣкогда въ вечернее время прохаживаясь по берегамъ сея рѣки , довольно далеко отъ города , увидѣлъ я на рѣкѣ сѣдшаго въ лодочкѣ престарѣлаго человека , упражняющагося въ ловленіи рыбы . Упражненіе его привлекло на себя мои очи : я впалъ въ пріятную задумчивость , представлявшую мнѣ соспояніе рыболова , и стоящаго человека на высокой степени , гоняющагося за счастіемъ : единаго изъ нихъ безпечную и сладкую свободу , и другаго обманчивый блескъ , совокупленный съ безпреспанными заботами , и изнуряющею тягостію его званія . По средѣ сихъ думъ произшедшій вопль изторгъ меня изъ моихъ размышленій : я обрашиалъ мои глаза шуда , откуда

онѣй производилъ, и увидѣлъ бѣд-
наго старика ушопующа. Не мѣдя
нимало бросился я въ рѣку, и съ
великимъ хопя для меня шрудомъ,
однакожъ освободилъ его на послѣ-
довъ ошъ ушопленія, воспослѣдо-
вавшато ему ошъ неосторожноспи и
легкоспи его лодки; и онъ бы не-
премѣнно погибъ безъ моего помощи,
ибо по несчастію его ни одного че-
ловѣка кромѣ меня не случилось
погда на берегу.

Бѣдной сей старикъ лишился
при семъ случаѣ лодки своей, и
снастей принадлежащихъ къ его
промыслу: но онъ обѣ нихъ погда
не сожалѣлъ, освобождаясь ошъ неми-
нуемья себѣ смерти, и бросясь ко
мнѣ въ ноги, приносилъ мнѣ наи-
чувствительнѣйшую благодарность.
Соспояніе его показалося мнѣ жало-
сшно: я подаль ему десять червонцовъ
на исправу его надобностей, ко по-
рыхъ онъ при пошопленіи лишился.
Сія малая щедрота привела его въ
неописанное восхищеніе: онъ паки
хопѣлъ повергнуться къ моимъ но-
гамъ, но я его до сего не допус-
тилъ, совѣшуйя ему припомѣ воз-
вра-

вращишься въ свое жилищѣ для успокоенія ; а чшобѣ болѣе не возмущать его моимъ присудсвѣемъ, по пошелъ онъ него самъ той же минутой.

Что Небо воздаешъ намъ со вторичею за щедроты наши къ бѣднымъ, сіе я позналъ тогда же опыпомъ ; ибо по нѣсколькихъ дняхъ послѣ сего приключенія , когда я по обыкновеіію моему прогуливался по берегу Волхова , то сей самый старикъ, увидя меня, просилъ опойши съ нимъ онъ людей въ сторону , общава я возвѣснншь мнѣ важную тайность ; я его желаніе удовольствовалъ. Скажи мнѣ , государь , спросилъ онъ опведни меня, не шк ли сей Древлянской Князь, за котораго вступясь добродѣпельный Обладатель Славянъ , послалъ въ Искорестъ посольство ? Такъ , опвѣпствовалъ я ему , ето я. Многоси шгои , оказанныя мнѣ съ шполнкою щедротой, сказалъ мнѣ на шо преспарѣлый рыболовъ, побуждали меня завсегда воздашь тебѣ за нихъ какую нинаешъ услугою , и благодарю Боговъ , что они услышали о семъ мою молитву. Жизнь швоя

находишься въ опасности, государь, продолжалъ онъ : хищникъ своего Княжества хочетъ тебя лишить оной ; видишь ли ты сихъ людей, присовокупилъ онъ указывая мнѣ на трехъ прохаживающихся : они Древляне, и присланы сюда своимъ злодѣемъ, чтобъ опнять у тебя жизнь шайнымъ образомъ. Мнѣ удалось сію шайну у нихъ самихъ подслушать ; ибо они приспали въ моей хижинѣ, опасаясь явиться въ городъ, чтобъ предпріятіе ихъ какъ не открылось. Во время ночи, когда не могъ я уснуть по причинѣ моей хворости, перешептывались они о семъ : и припомъ еще говорили, что посланный ихъ предпріятъ развратить деньгами пословъ и вельможъ здѣшняго двора, чтобъ какъ нибудь устроишь здѣсь твою погибель. Такъ я, продолжалъ спарикъ, памятуя къ себѣ твою милости, и видя твое доброе сердце, совѣтую тебѣ, государь, какъ невозможно скорѣе удалиться изъ сея страны, и ожидаешь себѣ помощи отъ единыхъ Небесъ. Не мни избыть здѣсь пагубы отъ твоего злодѣя ; хотя

пшѣ объявишь о смершубійцахъ
пшвоихъ добродѣшельному Богославу,
и казню ихъ опшврашишь на нѣс-
колько отъ себя ударъ , но врагъ
пшвой другіе составитъ на тебя ко-
вы ; и напослѣдокъ непремѣнно по-
пребитъ тебя. Злые въ желаніяхъ
своихъ упорствують , и проницст-
вами своими достигаютъ скорбе
успѣховъ, нежели идобродѣшельные.
Хошя здѣшній Государь окруженъ
почтенными и добродѣшельными лю-
дьми , но въ великой толпѣ прид-
ворныхъ и народа довольно сущеп-
ся бездѣльниковъ, которыя не ужа-
снущя пролить неповинную кровь
за мздовоздаяніе. Не возгнушайся
моего совѣша, государь, примолвилъ
онъ, хошя я шеперь ничто иное
какъ бѣдный рыболовъ , но былъ
нѣкогда знаменитый вельможа меж-
ду Болгарами ; но будучи весьма
долго игралицемъ судьбы, и изну-
ренъ превратностями лживаго сча-
стія, удалился я въ сію спрану ,
опрекнишь отъ суетныхъ пышно-
стей сего мира, спрашася предашь-
ся паки его преволненію ; и веду
шеперь жизнь хошя убогую , но за
то

то спокойную и безопасную отъ нападковъ льспиваго счасїя, копорому нечего больше у меня шеперв похишишь кромъ моя жизни.

Сїе неожиданное бѣдшвіе поразило меня какъ громомъ, говорилъ Оспанъ, и возмушило наипаче превожныя мои мысли: но добродѣшельный сей спарикъ, увидя мое смущеніе и страхъ, спарался меня утѣшишь подавая мнѣ полезныя совѣпы и наспавленія. Онъ по присовѣтоваль мнѣ оспавишь тайно Славенскъ, представляя, что ежели я опкрою своему родителю причину моего опѣвзда, по непремѣнно буду мнѣ воспрепятствованъ; и не возмогу безъ грубоспи опказать его желанію, чшобъ пребышь подъ его зашщипою; а между шѣмъ врагъ мой сыщепъ средство успроишь неминуемую мнѣ погибѣль. При семъ случаѣ увѣдомилъ онъ меня, что восходя на Воспокъ между Азією и Европою ешь спрана, называемая великою Болгарією, лежащая при великой рѣкѣ Волгѣ, отъ коея и имя свое получила. Сея спраны народы, говорилъ онъ, единоплеменны
Славя-

Славянамъ; они пришедъ отъ краевъ Варяжскаго моря, разположили свои жилища при плодоносныхъ рѣкахъ Камѣ, Волгѣ и Яикѣ, построивъ многіе и крѣпкіе города, изъ которыхъ главнѣйшій называется Боогордъ. Жители сея земли славны сколько оружіемъ своимъ, сколькожъ купечесствомъ и хитроспными своими руководѣліями. Они ведущъ беспреспанная войны съ вышедшими изъ Кыпайскихъ странъ народами; и отъ сего упражненія пріобыкли они сполько къ воеванію, что починающія между Славянами храбрѣйшими воишелями.

Къ симъ по народамъ совѣповалъ онъ мнѣ ѣкашь, и искашь ихъ помощи прошиву моего злодѣя. Они охотно предпринимающъ дальные походы, говорилъ онъ мнѣ, когда сполько надѣюшся получить отъ нихъ себѣ славу и прибытокъ. На совѣпъ его охотно я преклонился, и шѣмъ наипаче, что шakovыми путешесствіями учовалъ научишься, разсмапривая нравы, законы, обикновенія и доспопамятности разныхъ народовъ. За спасишельное его объявленіе

явленіе и благій совѣтъ , хотѣлъ было я паки возблагодарить ему деньгами; но онъ отъ подаенія моего отвращился , и отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ никогда еще не продавалъ за мзду ни совѣтомъ своихъ, ни остереженій отъ смертоносныхъ погибѣли; и что и такъ уже одолженъ мною низачто. Толикое его безкорыстіе восхитило мою душу такъ, что ежели бы не предстояла мнѣ грозящая смертію опасность , то я тогда же бы согласился водвориться съ нимъ, дабы научиться его терпѣнію и добродѣтели.

И такъ, слѣдуя спасительному его совѣту, выѣхалъ я въ послѣдующую же ночь изъ Славенска, оставя письмо Государю своему родителю, прося его въ ономъ простить меня въ скоропоспѣшиномъ моемъ отъѣздѣ изъ его столицы, къ чему меня побудили, прилагалъ я, шайныя и важныя причины. Такимъ образомъ извиняся сколько возможно лучше, выѣхалъ я изъ города, и направилъ путь мой къ великой Болгаріи. Я умалчиваю небольшія приключенія случившіяся мнѣ въ дорогѣ. По
нѣсколь-

нѣсколькихъ трудностяхъ. прибылъ я напослѣдокъ въ Боогордъ, столицу Болгарскихъ Князей. Городъ сей пространствомъ своимъ и зданіями, едва уступаетъ Славенску. По всѣмъ мѣстамъ видимо въ немъ достойное похвалъ искусство Болгарскихъ художниковъ; наипаче сіяетъ оно въ украшеніи храмовъ и Княжескихъ черпоговъ. Сей городъ стоитъ версахъ въ трипяти ниже устья рѣки Камы: а оупъ Волги оупдѣленъ лугами верствъ на семь.

Пріѣздъ мой и въ сей городъ былъ бесполезенъ, ибо я желанной мною помощи не могъ и въ немъ получить, понеже Болгарскій Князь, именемъ Тривеллій, находился тогда на войнѣ противу непріятелей Государства, изъ коея не уповали возвратиться ему скоро. Обманушь будучи повсюду надеждою, рассудилъ я, вспомнивъ послѣднія слова моего воспитателя, что никакъ сами Боги препяиваютъ мнѣ получить челоуѣческою силою то, что долженствую я пріобрѣсти единою добродѣтелію и достоинствомъ. Размышляя такъ, сплжилъ

я попеченіе о полученіи моего прешлола по шѣхъ порѣ, пока сами Боги не соблаговолятѣ мнѣ возвратишь онаго, усмопря меня того достойнымѣ. Во ожиданіи того опредѣлиаь я, справляюя по свѣту, наслаждашья разсмаприваніемѣ вселенныя и ея обиташелей. Разположась такимѣ образомѣ, сшарался я разогнашь смущеніе моихѣ мыслей, колебавшее меня повсюду, и вдалясь въ разсмаприваніе всего, что очамѣ моимѣ ни предсшавлялося достойнымѣ любопытства и примѣчанія. Наипаче всего сшарался я научишья, и вспомошесшвовашъ несчастнымѣ и бѣднымѣ людямѣ, поставляя себѣ по главнѣйшимѣ правиламѣ, и должносшю честнаго челоувѣка.

Принявъ сіе начерпаніе моимѣ поступкамѣ, и обозрѣвъ достопримѣчаемыя мѣста, городы и вещи Славенскихѣ Волгарѣ, поѣхалъ я къ Хвалиссамѣ, народу произхожденіемѣ Славенскому жѣ, живущему близъ Хвалынскаго моря, около славнаго и богашова города Тмушаракани. Пробывъ у оныхѣ нѣсколькo времени, опсправилась я моремѣ въ Персію; а
опшуда

оттуда въ сію страну, въ которой по неожиданному мною счастію, обрѣлъ тебя, государь, избавителемъ себѣ отъ неизбѣжныхъ мнѣ погиблн, копоря слѣдующимъ образомъ мнѣ приключилась.

Я ѣхалъ въ столицу здѣшняго Государства, по воспріятному мною намѣренію, чпобъ осмошрѣть вездѣ доспойное примѣчанія. По обыкновенію моему сего дня, во время самаго жарчайшаго сіянія солнца, склонился я съ дороги въ лѣсъ, дабы подъ тѣнію дровъ пребыть по шѣхъ поръ, пока умѣрится солнечный жаръ. Во время сего моего отдохновенія напала на меня шайка разбойниковъ: они меня совѣмъ ограбили, и не доволясь тѣмъ, привязали меня къ дереву, по своему обыкновенію, опасаясь, чпобъ я по опбышн ихъ не собралъ за ними погони. Одинъ изъ сихъ злодѣевъ, будучи недовѣрчивъе и люте прсчихъ, хотѣлъ меня умертвить испущеніемъ на меня стрѣлы; но въ самое то время вскричавъ преужасно палъ мерпвъ. Я и поварищи его весьма сему удивились, и обозрѣ-

Часть II. I шисъ

шись увидѣли мы скорпію, которая
его въ самой попѣ мигъ ужалила,
когда онъ успремился было меня
умертвить. Сія пресмыкающаяся,
ошползши попомъ нѣсколько ошъ
насъ шаговъ, вдругъ вострепенулась,
и превращаясь въ ворона ошъ насъ
улетѣла. Устрашась сего чуднаго
приключенія, и услышавъ вдушихъ
шумъ, разбойники меня ошавили,
и шояжъ минушы ошъ меня сокры-
лись; но при всемъ помъ я бы ош-
стался шупъ жершвою либо звѣрей,
либо глада, когдабъ сей самый во-
ронъ, избавившій меня подъ видомъ
скорпіи ошъ смершоубійцы, не при-
велъ шебя ко мнѣ на избавленіе, ве-
ликодушный Князь; ибо я примѣ-
шилъ, что онъ непреспаннымъ сво-
имъ летаніемъ шуда и сюда прив-
лекъ васъ всехъ въ пагубное сіе для
меня мѣсто. Вошъ вся моя исторія,
сказалъ онъ по семъ Богославою
сыну, о которой шебъ угодно было
ошъ меня увѣдать.

Послѣ сего Ошанъ паки принялъ
ся благодарить Свѣшлосана, и объ-
яшїями своими доказывать ему усер-
діе свое и прїязнь; напрошивъ чего

и другой равномернымъ образомъ старался ему описывать. По оказаніи другъ другу равныхъ учтивостей, просилъ Древлянинъ Славенскаго Князя рассказать ему подобно и о своихъ приключеніяхъ, которыя были ему виною путешествія его въ Индію, въ чемъ Свѣтлосанъ немедленно его и удовольствовалъ. По окончаніи его исповѣди, разсуждали они все совокупно, куда имъ надлежитъ напередъ ѣхать, и по нѣсколькихъ словопреніяхъ, усвоились они побывать у всехъ славныхъ прорицалищъ, дабы отъ нихъ увѣдать, гдѣ сыскать, и какъ побѣдить Карачуна. По низложеніи же сего спрашнаго врага, обещалъ Славенскій Князь Остану возвратитъ ему Древлянскій престолъ вооруженною рукою; но правосудные Боги иначе случай сей разположили.

Во время сихъ ихъ размышленій и предпріяній, солнце начало спускаться въ Океанъ, а небо покрывалось мрачными и проливанными облаками, которыя угрожали путешественникамъ претрашною бурей. Чего ради, желая отъвернуть

отъ себя ея нападки, понудили они коней своихъ поскорѣе бѣжать, дабы заблаговременно сыскавъ ночлегъ укрыться отъ себя непогоды. Но однаковъ намѣренія своего совершивъ они неускорили: буря предупредила оное, и ужасными вѣтрами и мракомъ, соединенными съ преспращнымъ громомъ, безпрестанными молніями, пресильнымъ дождемъ и градомъ, сокрыла отъ очей ихъ дорогу. Испужанные ихъ кони симъ безмѣрнымъ волненіемъ природы, весьма разсирѣли, и помчались всадники своихъ туда, куда влекло ихъ стремленіе и страхъ. Скольکو Славяне силъ своихъ ни прилагали, дабы удержать испуженныхъ сихъ живошныхъ, но они закуся удилами разбѣжались съ сѣдоками своими въ разныя стороны. Наипаче Свѣтосановъ конь, будучи прочихъ сильнѣе и упрямѣе, умчалъ его потчасъ у прочихъ изъ вида; и заблуждая съ нимъ въ темнотѣ, носилъ его по долинамъ, горамъ и лѣсамъ, будучи непрестанно подстрекаемъ ударами грома и блистаніями молній.

На послѣдокъ , по протесствіи уже цѣлой ночи, когда буря спала утихавъ , и солнечные лучи освѣщавъ и согревавъ землю , конь его остановился въ просторной доли-нѣ, будучи весьма утомленъ. Свѣп-лосанъ, лишаеъ подобно силѣ своихъ, слезъ съ коня, и пустилъ его, опрено-жа, пасшися по полю; а самъ бросился на праву, чтобъ получить себѣ ме-жду тѣмъ нѣкое отдохновеніе. Од-накожъ весьма долго не могъ зас-нуть, будучи тревожимъ мыслию о своихъ сопутникахъ , и спрашася поперявъ ихъ въ такое время, ког-да они были ему весьма нужны. На послѣдокъ возшедшее солнце, начавъ испущать жарчайшіе лучи, и осла-бивъ утомленные его члены , скла-вило нечувствительно ко сну , ко-порый былъ ему весьма нуженъ по полюкомъ его изнеможеніи.

На семъ пустомъ мѣстѣ , окру-женномъ отовсюду лѣсами , прос-павъ бы онъ можетъ быть до вечера, ежели бы не прервало его покоя слѣ-дующее сновидѣніе: представилося ему будто онъ шелъ по просторному полю, украшенному цвѣтами и шер-нѣемъ,

рнїемъ, во храмъ славы, который стоялъ на концѣ сего поля; и когда уже онъ оканчивалъ къ нему свой путь, какъ вылетѣвшее вдругъ изъ онаго чудовище, на подобіе изображающїяся смерти, препяло ему въ оный входъ, и бросилось на него съ остервенѣнїемъ; но въ самое то время Вельдюзъ, зять сего Князя, отдернувъ его въ сторону, поразилъ сіе чудовище своимъ мечемъ. Отъ сего тревожнаго видѣнїя Свѣшлосанъ проснулся, и увидѣлъ около себя бѣгающаго зайца, который, посмотрѣвъ на него нѣсколько, побѣжалъ отъ него прочь, и въ шужь минушу превратясь въ соловья, улетѣлъ у него изъ глазъ. Свѣшлосанъ озрясь въ другую сторону, по причинѣ производившаго отшпуда реву, увидѣлъ коня своего терзаема двумя львами, изъ которыхъ одинъ усмопря Славенскаго Князя, бросился на него стремительно, чтобъ его разтерзать; но Свѣшлосанъ, вооружась Левсиловымъ мечемъ, укротилъ вскорѣ его стремленїе, пресѣкши его на полы. Другой левъ, усмопря сраженїе своего товарища, кинулся ему на

помощь,

помощь, но Князь ~~Дмитрий~~ Мершвилъ и она-
го по недолгомъ его сопротивленіи.

Избавясь такимъ образомъ отъ
предстоявшей себѣ опасности, раз-
мышляя онъ долго о семъ приключе-
ченіи, и не могъ надивиться, какимъ
образомъ заецъ, будучи полъ робокъ
и дикъ, осмѣлился ему помочь ; но
вспомнивъ о воронѣ, превратившемся
въ сего рода звѣрка, началъ онъ ду-
мать, не человѣкъ ли уже какой въ
полъ сиранныхъ видахъ помогаетъ
людямъ , будучи самъ гонимъ , мо-
жетъ быть , люпосшю какого ни-
будь чародѣя. Сіе размысленіе при-
вело ему на мысль бѣднаго Вельдю-
зя, Видостана, и прочихъ бѣдспву-
ющихъ отъ злобнаго Карачуна. При
воспоминовеніи ихъ горестъ объяла
его сердце: онъ просперся по землѣ,
принося молитвы оспечспвеннымъ
своимъ Богамъ ; а наипаче Чернобо-
гу, покровителю своему. Во время сея
его молитвы, услышалъ онъ слѣду-
ющій къ себѣ гласъ: Мужайся и дер-
жай! Сей Божеспвенный голосъ все-
лилъ въ него паки ослабшую его бо-
дрость: онъ паки просперся, и при-
несъ благодареніе ниспославшему сіи
слова.

По окончаніи своей молитвы пошелъ онъ въ ту сторону, въ кою рвю полетѣлъ соловей, превращившейся въ зайца. Цѣлый день онъ не ѣлъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ, попавшихся ему на пути, древесныхъ плодовъ. Ночь препроводилъ онъ въ лѣсу, сопровождаемый будучи непрестанно листыми звѣрями. И такъ препроводя ее весьма худо, шелъ онъ другой и третій день безъ всякаго почти пищи. На концѣ на четвертой уже день, будучи весьма утомленъ и обезсиленъ, усмотрѣвъ онъ вдали замокъ, и весьма былъ тому радъ, уповая въ немъ найти себѣ спокойное отдохновеніе отъ непрерывныхъ имъ трудовъ.

Подойдя поближе къ оному, увидѣвъ онъ на воротахъ сего замка того же самаго свѣтлосарнаго Духа, который его избавилъ отъ Карачуна. При видѣ оного Свѣтлосанъ предъ нимъ палъ ницъ на землю, а духъ изрекъ къ нему слѣдующее.

Здѣсь смерти одръ,
Жилище при:
Будь, смертный, бодръ,
Или умри.

Проговоря сіе Духъ сталъ невидимъ, а Свѣтлобоянъ остался разсуждать о его прореченіи. Онъ былъ въ недоумѣніи о словахъ его, копорыя грозили ему смертію въ семъ замкѣ, ежели не будетъ онъ бодръ: онъ заключилъ изъ сего, что должно тушъ скрываться важной тайности, копорую весьма желалось любопытству его увѣдать. Приходило ему на мысль, что могутъ и тушъ быть заключенны сродственники его либо друзья; вспомнилось ему и прорѣченіе Чернобогово, что онъ не иначе достигнетъ до окончанія бѣдствъ, какъ по пути напастей, и предводительствомъ неуспрашимости. И такъ вообразя все сіе, и вооружась всею своею храбростію, предпріялъ вступишь въ замокъ, и познать его тайнства, во чтобъ по ему ни спало.

По приходѣ его въ замокъ, мѣдныя онаго ворота затворились за нимъ сами съ превеликимъ скрипомъ и стукомъ; послѣ чего увидѣлъ онъ по всему двору премножество людей, разнаго народа, въ разнообразныхъ положеніяхъ: иные изъ нихъ

были удивлены, другіе испужан-
 ны, претшьи и шой и другой стра-
 сти имѣли на лицѣ своемъ знаки; а
 нѣкоторые казались призывающими
 Небо къ себѣ на помощь. Свѣплосанъ
 подошедъ къ первому изъ нихъ, хо-
 тѣлъ отъ него увѣдать причину
 спраннаго сего зрѣлища, но на-
 шель его окаменѣнна. Онъ обра-
 шился къ другому, но и того на-
 шель въ такомъ же состояніи; и
 напоследокъ увидѣлъ, что они всѣ
 были камни, сохранившіе человѣче-
 скій видъ. Сіе его удивило, одна-
 кожъ не привело въ робость. Но ко-
 гда онъ прошелъ нѣсколько по дво-
 ру, по всѣмъ сіи окаменѣнные люди
 учинили за нимъ превеликій шумъ
 и гаркъ: нные изъ нихъ плакали,
 другіе смѣялись надъ нимъ, а прет-
 шьи кричали: Постой! постой! оста-
 нопись! ахъ! логибъ обѣднѣй! Индѣ
 вопели: у! у! е! а! и ругали его вся-
 кими бранями, осмѣхая и усипрашая.
 Однакожъ всѣ сіи вопли не могли
 его совершенно усипрашить, хотя
 и дали ему видѣть, что онъ нахо-
 дился въ ужасномъ мѣстѣ. Онъ
 остановился на нѣсколько, и при-
 неся

неся молишву Богамъ , обнажилъ свой мечь , и продолжалъ свой путь въ предстоящія полаты , вознамѣрясь на все отважиться , ежели побуждетъ нужда . Къ сему его побуждало наиболѣе сіе , что онъ надѣялся сыскашь въ семъ замкѣ сестру свою , или зяпцѣ , либо когонибудь изъ своихъ пріятелей .

По приближеніи его ко крыльцу , услышалъ онъ исходящее изъ покоевъ сипенаніе и вой , и вскорѣ за ними свиспѣ и вопль преужасный ; когда же вступилъ онъ на крыльцо , то въ двери , ведущія съ онаго въ покой , повалилъ на него густой и смрадной дымъ . Свѣплосанъ , призывая непрестанно имя Чернобогово , просперъ свой мечь , и вступилъ въ первую комнату : она вся наполнена была премножесивомъ разнообразныхъ уродовъ съ прегнусными харями . Какъ скоро они его увидѣли , то и завыли всѣ пресипрашными и скаредными голосами , крича ему со всѣхъ сторонъ : Куда ты , несмысленный , идешьъ ! Возвратись назадъ : здѣсь преддверье ада . Ежели ты осмѣлишься пойти еще далѣе , то

нипадешиѣ пѣ плакшую Теенну,
 Бѣги скорѣе отсюду. Выговорилъ сіе
 бросились они на него со всѣхъ сто-
 роуѣ, и начали его шеребишь и
 уязвляшь отовсюду; съ начала при-
 шелъ было Свѣплосанѣ въ робосиѣ,
 но уязвленія ихъ возвратили ему
 сердце и смѣлость: онѣ началъ по-
 ражать своимѣ мечемѣ окружаю-
 щихъ его уродовѣ, которые мало
 по малу отѣ него разсыпаясь, вдругѣ
 всѣ исчезли.

Сіе возвратило ему прежнюю его
 бодрость: онѣ увидѣлъ, что мечъ
 его можетѣ всему сопротивляшь; а
 чего ради принеся паки молишву
 Чернобогу, пошелъ далѣе. По раз-
 швореніи впорыя комнашы, увидѣлъ
 онѣ, что всѣ ея стѣны и пополокѣ
 увѣшаны были змїями и чудовища-
 ми, а полѣ усыпанѣ пепломѣ, и по-
 лусторѣшными человѣческими ко-
 сїями. Какѣ скоро чудовища его
 усмотрѣли, то и начали на него
 всѣ зїять пламенемѣ, поднѣвъ преу-
 жасный скрежетѣ, ревѣ и свистѣ,
 наподобіе клокошу и журчанія огне-
 дышущїя горы. Славенскїй Князь,
 имѣя въ рукахѣ обнаженный Лев-
 словѣ

силѣмъ мечѣ , и надѣясь и ихъ разогнать подобно, вошелъ безбоязненно и въ сію комнату ; но едва нелвишился онъ шумъ своей жизни. Пламя, которое испустили на него змѣи и чудовища , обхватило его со всѣхъ сторонъ , и онъ оповсюду началъ горѣть : и ежели бы, въ семъ опасномъ приключеній , храбрость его хотя на минуту совѣмъ его оставила , то погибъ бы онъ шумъ отъ пламени ихъ мгновенно. Но по счастію его, и помощію Чернобога, сохранилъ онъ и въ семъ ужасномъ случаѣ колеблющуюся свою бодрость : и будучи терзаемъ оповсюду огнями, непреставалъ поражать мечемъ нападавшихъ на него чудовищей, и на превеликую силу наконецъ ихъ разогналъ. Тогда то онъ позналъ , что естлибъ не одаренъ былъ отъ Чернобога силою и храбростію , и не вооруженъ Левсиловымъ мечемъ , то погибъ бы шумъ конечно.

.. Сія два побоища , присовокупясь къ тридневному его гладу , весьма ослабили его силы, и уменьшили его бодрость: онъ уже началъ и сум-

и вѣвасься преодолѣть сѣи адскія
спражни , и хотѣль возвратишься
назадъ; но въ самое по время услы-
шалъ гласъ, ободряющій его на до-
вершеніе предпріятого имъ дѣла.
Сей небесный голосъ оживотворилъ
унылое его сердце : бодрость его
укрѣпилась, и полученныя имъ ра-
ны не стали ему чувствительны.
Онъ воздалъ благодареніе подкрѣп-
ляющему его Божеству, и обѣщаль
безропотно ему повиноваться.

Въ слѣдствіе чего, принявъ паки
твердое намѣреніе до конца изслѣ-
довашь сѣю шайну , отворилъ онъ
безбоязненно двери прещей комна-
ты: стѣны ея и полъ были желѣз-
ныя , раскалены на подобіе горяща-
го угля. Какъ только Свѣтлосанъ,
отворя ея , и неразсмотря еще со-
вершенно , занесъ ногу , чтобъ въ
нее вступитъ, то въ самое по мгнове-
ніе полъ обрушился, и намѣсто она-
го выступило зіяющее пламя , по-
добно исходящему изъ огнедышу-
щія горы; и въ тожь же мигъ вы-
летѣвшій изъ глубины сея пропа-
сти пламенный крокодилъ , рази-
нувъ ширшія свои челюсти, устре-
мился

мился на Свѣплосана , и хотѣлъ его проглотить однимъ зѣвомъ. Но ободренный сей Князь небеснымъ гласомъ , въ самой топъ мигъ вонзилъ ему въ пасъ свой мечъ: спрашилище заспенало и исчезло, а комната изъ самыя спрашныя учинилась весьма великолѣпно украшенною. При семъ прѣяшномъ видѣ Свѣплосанъ наиболѣе еще ободрился, и отдохнувъ въ ней нѣскольکو , безъ всякїя уже робости пошелъ въ чепверную полату. Сїя была всѣхъ прочихъ несказанно проспраннѣе и преужаснѣе : она заключала въ себѣ несмѣтное множество спрашилищъ , на копорыхъ взираніе навлекало смотрящему неизбѣжимую смерть ; но всѣхъ ихъ ужаснѣе былъ прегрозный Исполнѣнъ, вооруженный прешяжкою желѣзною дубиною съ шипами. Какъ скоро сей извергъ естества увидѣлъ идущаго въ полату Славенскаго Князя , то возопивъ преужасно , и приподнявъ ужасную свою палицу, хотѣлъ ея сразить Свѣплосана ; но юный Князь предускоривъ сей ударъ , вонзилъ самому ему въ сердце свой волшебный мечъ.

Спрашилице упало и исчезло, и всѣ съ нимъ вмѣстѣ окружавшія его чудовища: ужасная полата въ тужь минушу превратилась въ великолѣпную залу, а намѣсто прегнуснаго Исполина предстала прекрасная женщина въ бѣломъ одѣянїи.

Она постоявъ нѣсколько въ молчанїи, какъ будтобы собирала разсѣянный свой разумъ, бросилась потомъ предъ Свѣтлосана на колѣни, и проливая радостныя слезы, возопила къ нему: великодушный и неустрашимый Герой! Чѣмъ мнѣ воздашь за великое твоеблагодѣяніе? Ты освободилъ меня отъ пакостнаго очарованїя, надъ которымъ цѣлый адъ я чаю трудился. Государыня моя, отсвѣтлосовала ей Князь подымая ее, не мнѣ, но Богамъ должна ты благодарить за сѣ избавленїе; ибо, ежели бы не ихъ рука и меня въ семъ дѣлѣ предводила, то и я бы погибъ здѣсь невозвратно. Но скажи мнѣ, государыня, продолжалъ онъ, кто тебя заключилъ въ ужасное сѣ жилищѣ? Карачунъ, отсвѣтлосовала она. Карачунъ! возопилъ удивленный Князь. Праведные

ные Боги ! доколѣ попустите вы се-
му чудовищу тиранствовать надъ
бѣдными человѣками? Сей же самый
злодѣй , государыня , продолжалъ
онъ къ ней , и меня лишилъ сестры
и зятя , кошорыхъ я ищу весьма
уже давно. А какъ называется сей
зять , спросила его поспѣшно жен-
щина ? Вельдюзь , Полошскій Князь ,
опвѣщствовалъ ей Свѣтлосанъ. Ахъ ,
государь ! вскричала она : онъ то и
приключилъ мнѣ сію напасть , опъ
коя ты меня избавилъ ; но я на не-
го не жалуясь : онъ самъ въ етомъ
не виноватъ , и поспрадалъ можетъ
быть жесточе еще и меня опъ на-
шего злодѣя. Такъ ты супруга Ле-
всилова , перехватилъ рѣчь ея Князь ?
Такъ , опвѣщствовала Преврапа ; но
ты почему знаешь , государь , не-
счастливаго моего мужа ? Тогда Свѣ-
тлосанъ рассказалъ ей вкратцѣ ис-
торію Руся , и свои приключенія
соединенныя съ онымъ. Ахъ , госу-
дарь ! сказала тогда Преврапа , по
словамъ своимъ хотя Русь не столь
виноватъ , какъ я мнила , но только
онъ всѣмъ нашимъ напастямъ при-
чина ; однакожь я ему простию

его прощаю; можетъ спастся былъ онъ только орудіемъ Божескаго на насъ гнѣва.

Въ семь мѣсѣ ихъ разговора, прервала ихъ бѣсѣду толпа оживленныхъ людей, вошедшихъ въ комнашу: они все пали на землю предъ Свѣплосаномъ, принося ему свою благодарность за избавленіе ихъ отъ очарованія. Они были все разнаго соспоянія, и разныхъ земель люди, и по случаю путешествія ихъ зашли они въ сей замокъ, надеясь сыскать въ немъ гостинницу; но вмѣсто оныхъ обрѣли было смерть. По объявленію ихъ, какъ только кто изъ нихъ входилъ на дворъ замка, и будучи устрашенъ шумомъ, производившимъ отъ очарованія, хотѣлъ бѣжать назадъ со двора, но въ самое то время становился окаменѣннымъ. По сказкамъ ихъ, весьма не многіе изъ нихъ доходили до второй комнашы; а которые были столь дерзки, тѣ погибали бѣдственно отъ зѣющихъ пламенемъ чудовищъ. Мы всечасно претерпѣвали мученіе, говорили они, хотя были и окаменѣнны; ибо мы сохра-

няли

идали всѣ чувства, хотѣя и не могли ими дѣйствовать. Любимыя спрашавши сего замка повсеночно мучили насъ жесточайшимъ образомъ; и мы всечасно молили Боговъ послать намъ либо смерть, либо избавителя. Теперь они молитву нашу исполнили, пославъ тебя къ намъ на избавленіе, неустрашимый незнакомецъ. Сея милости твоей, продолжали они, во вѣки мы не забудемъ.

Послѣ сего бросились они опять къ ногамъ Свѣтлосановымъ, которыхъ, съ своей стороны, обладавъ ихъ сколько возможно наилучше, просилъ госпожу замка, чшобъ она за участіе ихъ въ ея злключеніи угоспила ихъ, и поправила, сколько возможно ей, понесенные ими убытки. Превратъ съ великою охотою на предложеніе его согласилась, и приказала своимъ служителямъ, которые подобно были очарованы, и предстали предъ нею совокупно съ прочими людьми, приготовами для всѣхъ изобильный столъ.

Между тѣмъ просила она своихъ госпей, чшобъ они во ожиданіи обѣда успокоились, гдѣ кому угодно

удобно будетъ; а Свѣтлосану пре-
 дложила удалиться съ нею во осо-
 бливую комнапу, обѣщая разска-
 зать ему приключеніе своего очаро-
 ванія, а отъ него узнать объ его
 повѣсти. Славенскій Князь охотно
 на желаніе ея согласился, и послѣ-
 довалъ за нею въ ея кабинетъ, гдѣ
 и начала она сперва разсказывать
 ему свои приключенія, отъ начала
 ихъ, упоминая кратко объявленное
 уже объ ней Русомъ и Вейдюземъ.
 Послѣ чего продолжала она слѣду-
 ющимъ порядкомъ.

По свершеніи лютаго своего
 мщенія, говорила она Свѣтлосану,
 надъ несчастнымъ своимъ зятемъ,
 Карачунъ, сей гнусный извергъ при-
 роды, сказалъ обращаясь ко мнѣ: а ты,
 неблагодарная! прерпишь отъ
 меня спокрашъ лютейшее сего на-
 казаніе; но не за вспоможеніе свое
 сему бѣдному Полочанину, а за
 презрѣніе любви моей къ тебѣ. Не-
 доспойнаго твоего мужа наказалъ
 уже я такъ, какъ должно за его
 гордость и дерзость противу меня;
 а тебя оставялъ въ покоѣ до сихъ
 поръ для того только, яко не имѣлъ
 еще

еще въ рукахъ у себя способа при-
коснувшись къ проклятому своему
ожерелью; а теперь ошмстятъ швор-
цамъ онаго, вымучивъ и въ нихъ спо-
собъ прикасаться къ нему безвредно.
Проговоря сѣ схватилъ онъ меня
сѣ оспервенѣиѣмъ за ожерелье, и
приподнявъ ударилъ о полъ, сказавъ
сѣи слова: презрапнись во образъ ужа-
снѣйшей сего, какой теперь я имѣю,
и пребудь въ немъ по шѣхъ поръ,
пока не умерившишь тебя лютое ору-
жѣе твоего мужа. Имѣй неисповое
желаніе убивать всѣхъ входя-
щихъ на избавленіе къ тебѣ; а
чпобъ мученіе твое сравнялось мо-
ему, какое я отъ тебя чувствовалъ,
то да превратишься веселое твое
жилице во образъ адскихъ пещеръ,
кого жителѣмъ препоручаю я сѣ
дѣло. Вошъ какъ люто, примолвилъ
онъ, опомщаетъ себя раздраженная
любовь.

Окончавъ свою рѣчь, топнулъ
онъ въ полъ ногою, и засвиспавъ
преужасно, провалился сквозь со всѣ-
ми своими прислужниками. Послѣ
чего изъ отверстія учивеннаго имъ
поднялся густой дымъ, смѣшанный
сѣ

сѣ пламенѣмъ, и неизсеченымъ мно-
жествомъ чудовищъ, какихъ я отъ
рожденія моего не видывала. Сѣ-
смѣшеніе адскихъ спрашилицъ,
измучивъ меня налюпытѣйшимъ обра-
зомъ, помѣшало весь мой разумъ,
и превращенной Карачуномъ въ
прегнуснаго Исполина, дали мнѣ
въ руки палицу, всея въ меня
бешенство убивать всѣхъ попадаю-
щихся мнѣ. По семъ адскомъ дѣй-
ствіи наполнили они весь мой домъ
преужаснѣйшими привидѣніями и
страшилицами, заграждая такимъ
образомъ ко мнѣ путь смертныхъ.
Но моя комната наполнена была ими
столько, сколько, я чаю, и въ самой
безднѣ ихъ не скоплялось. Они меня
перзали всякой день наимучитель-
нѣйшимъ образомъ, и жизнь мою
содѣлали мнѣ лютеѣ смерти.

Вотъ, неуспрашимый Князь, про-
должала Преврата, отъ какихъ напа-
стей избавила меня швоя храбросць.
Одолженіе швое почиаю я больше
всякаго благодѣянія; ты меня освободилъ отъ свирѣпостей цѣлаго
ада, который я чаю надъ первой
надо мною совершилъ такія лютощии.

Свѣш-

Свѣшлосанъ по оказаніи своего удивленія о шолкихъ чудесностяхъ, и по возблагодареніи Богамъ за ея избавленіе, разсказалъ ей попомъ, по ея прозвѣ, и свои приключенія, по окончаніи коихъ присовокупилъ онъ свое сожалѣніе о спутникахъ своихъ, прося Преврашу послать нѣсколькихъ людей по разнымъ дорогамъ, для сысканія ихъ. Она весьма охотно обѣщалась ему въ томъ услужить, и тогожъ часа позвавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ служителей, приказала имъ ѣхать по разнымъ путямъ, и искать Славянъ. Я уже теперь, подобно прочимъ людямъ, говорила Превраша Князю, принуждена естешественно и помощію чловѣковъ исправлять всѣ мои дѣла и нужды; ибо лютой Карачунъ, по очарованіи моемъ, опнялъ у меня всѣ способы къ произведенію чего нибудь чрезвѣстешественнаго. Но я о семъ не сокрушаюсь, примолвила она: знаніе мое въ Кабалистикѣ употребляла я къ единому шолько моему удовольствію, и къ вспомошествованію несчастнымъ, что и нынѣ могу я дѣлать, имѣя къ тому довольно естешественно.

естественныхъ способовъ. Желанія свои весьма похвальны, государыня, сказалъ на то ей Князь: а кто имѣя и сильное могущество, но употребляетъ его во зло челоуѣкамъ, тотъ не шокмо онаго, но и жизни не достоинъ; и непременно наконецъ поспраждаетъ лютою казнію, готовимою ему Небесами.

По окончаніи ихъ разговора, пришли имъ объявить, что столъ уже готовъ. Преврата вставъ просила Свѣтлосана слѣдовать съ нею въ столовую комнату; чѣмъ съ прочими избавленными имъ, окончилъ пированіемъ претерпѣнныя ими бѣдствія. Князь ей послѣдовалъ, и по приходѣ ихъ въ столовую, нашли они всѣхъ гостей готовыхъ уже къ празнованію своего воскресенія. По первой прозвѣ сѣли они всѣ за столъ, за которымъ всякой изъ нихъ старался доказать, что онъ весьма долгое время не ѣлъ и не пилъ. Столъ продолжался весьма долго, и окончился веселымъ пѣніемъ сопришешествующихъ. При окончаніи стола, Преврата предложила своимъ гостямъ опужинать и ночевать у нее,

у нее, и Ѡхашь уже на другой день куда кому пошребно. ВсѢ они съ охолопою на сѣе согласились; и ужинѢ ихѢ былѢ веселѢе еще и обѣда. На другой день преврата, одаривѢ ихѢ всѢхѢ весьма щедро, оппустила ихѢ отѢ себя чрезвычайно довольными.

Славенскій Князь оспался у нее въ замкѢ, ожидая своихѢ сопутниковѢ, которые чрезѢ нѢскольکو дней съ посланными за ними и возвратились. СвѢплосанѢ весьма былѢ обрадованѢ ихѢ возвращеніемѢ: онѢ ихѢ всѢхѢ представилѢ ПревратѢ, препоручая ихѢ въ ея дружбу, а наипаче прося ея просипишь Руса въ погрѢшеніи его предѢ нею и ЛевсиломѢ. Тогда ВарягѢ палѢ ей въ ноги, присовокупляя и свои прозьбы и извиненія къ СвѢплосановымѢ. Я уже сказала тебѢ, говорила Преврата СвѢплосану, что я ему все прощаю, пошому что онѢ не отѢ злодѢйства къ намѢ ешо учинилѢ, но отѢ ославленія; и еще болѢе хипроство коварнаго обмана мрачнаго чародѢя.

По примиреніи ея такимѢ образомѢ съ ВарягомѢ, начали они по-

шомъ всѣ совокупно веселятся ; шакъ какъ наилучшіе пріятели. Веселіе ихъ продолжалось нѣсколько дней , по окончаніи коихъ Свѣшлосанъ предложилъ своимъ сопушникамъ , что время уже имъ отправиться въ подлежащій путь , что они всѣ и подтвердили. Напрошивъ шого Превраша намѣреніемъ симъ весьма была опечалена : она видѣла въ нихъ , а наипаче въ Свѣшлосанѣ , искреннихъ себѣ друзей ; но впрочемъ не могла она справедливо прошившись законной причинѣ , побуждавшей ихъ къ шому. Съ великимъ сожалѣніемъ на конецъ согласилась она на ихъ отъѣздъ , прося Славенскаго Князя вспомнить объ ней , и ея мужѣ , когда онъ будетъ въ состояніи имъ помочь. Свѣшлосанъ съ своей стороны обѣщаль ей приложить всѣ свои старанія , подашь помощь Левсилу , ежели онъ въ живыхъ еще находишся ; прося шомъ не поспавить ему въ худо ; что онъ не возвратилъ ей волшебнаго меча ея мужа , который въ предпріятіи его весьма ему нуженъ. Превраша напрошивъ шого выговаривала

ривала ему съ ласкою , что онъ возврапя ей жизнь, драгоцѣннѣйшую тысячу кратъ требуемой имъ вещи, извиняется ей въ такой малости, которая ей ни къ чему уже болѣе не нужна. По семъ дружескомъ словопреніи они распались, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу.

Выѣхавъ изъ ея замка, направили они путь свой къ Индѣйскому морю, по которому вознамѣрились они ѣхать въ Африку и Египеть, и въ прочія ошпуду мѣста, въ коихъ находились славныя Боговѣщалищи. Во время своего путешествія разсуждали они о всѣхъ шѣхъ приключеніяхъ, копорые съ ними случились: и не могли надивиться, какъ Боги, булучи шоль правосудны, и показавшіе добродѣтельнаго Богослава за единое позволѣніе поединка, а Вельдюзя за показаніе безчеловѣчной своей храбрости, опускають безъ наказанія гнуснаго Карачуна, мучащаго всѣхъ попадающихъ ему въ глаза. Долго бы они о семъ разсуждали, естльнбъ Свѣтлосановъ конь споткнувшись, не сронишь

А 2

ниль

днѣ его съ себя, и не пресѣкѣ шѣмъ
ихъ размышленій. Всѣ сослуживцы
сего Князя бросились ему помогать,
и всѣ вмѣстѣ увидѣли камень, о
который загнулся конь, и на коемъ
слѣдующее начертано было настав-
леніе.

О слабый смертныхъ умъ, покрытый
вѣчнымъ мракомъ,
Взирающій на всѣ пристрастными брѣ-
ньными зракомъ:
Тебѣ испытывать судьбы Владыкъ
Небесъ,
Коль умствованій ты своихъ не дости-
гаешь;
И буйство въ нихъ твое явишь всегда
превѣсь.
Смирися, и оставь, чего не понимаешь.

Прочитавъ сіе Славяне, пали
лицѣ на землю, прося прощенія у
Небесъ въ преступныхъ своихъ раз-
мышленіяхъ, послѣ чего облобыза-
ли они камень, почитая его свя-
щеннымъ, и мня, что небесная
рука нарочно для нихъ начертала
ея наставленіе, чтобъ научить ихъ

безропотно

безропотно повиноваться своему предѣлу.

По семъ паки сѣвъ на коней, продолжали свои пушъ, говоря уже о пакихъ вещахъ, которыя не касались до промысла судебъ. На послѣдокъ, по нѣсколькихъ дняхъ своей ѣзды, прѣехали къ небольшому городку, споявшему подлѣ моря. По приближеніи ихъ къ оному, увидѣли они мяшущуюся толпу людей на берегу морскомъ, изъ коея нѣсколько человекъ приговаряли судно. Когда Индіяне увидѣли прѣбывавшихъ къ себѣ Славянъ. То и начали ихъ просить усиленно подашь имъ помощь въ погонѣ, которую собирались они учинить за морскимъ разбойникомъ, похищившимъ у главнаго судьи сего города дочь, которая вышла съ своими подругами и служительницами на берегъ прогуляться.

Славяне, а наипаче Свѣтлосанъ, охотно склонились на ихъ прозбу, и сѣвъ въ приготовленный спружокъ, погнались за похищеннымъ. Чрезъ нѣсколько часовъ настигли они разбойническое судно, и уви-

нили на него нападеніе. Разбойники сдѣлали храбрый ошпоръ, а особливо нахъ ашаманъ, который превышалъ всѣхъ ихъ своею дерзостію: онъ бросался съ оспервенѣніемъ на Славянъ, старавшихся поймать его живаго, чшобъ учинить надъ нимъ достойную казнь въ примѣръ прочимъ подобнымъ ему злодѣямъ. Какъ скоро Останъ на него взглянулъ, то и узналъ въ немъ того самаго вора, который похищилъ у него Сандали. А! злодѣй! вскричалъ онъ къ нему: наконецъ я тебя нашолъ, чшобъ воздать тебѣ достойную казнь за бездѣльничѣскій твой съ нами пошупокъ. Разбойникъ обращенный сими словами на Оспана, и самъ узналъ его; и будучи угрызень совѣстію и спражомъ при его зракѣ, пришелъ въ пущее оспервенѣіе, (обыкновенное слѣдствіе движеній незаконныхъ душъ;) и напустилъ на Древянина, мня успокоить угрызеніе своея совѣсти умерщвленіемъ свидѣтеля своего прешупленія. Но присовокупившіеся къ Остану, прочіе Славяне, учинили бѣшенство его ищешнымъ;

нымъ; и одинъ только бѣдный Русъ отъ него поспрадалъ, будучи пораженъ саблею, и сверженъ въ море отъ сего злодѣя.

На конецъ сей варваръ, видя изнеможеніе своихъ соповарищей, и не надѣясь успѣха въ своей оборонѣ, бросился въ каюшу, гдѣ заключена была похищенная имъ дѣвица, и схватя ее въ беремя, поднялся съ нею на воздухъ, будучи вспомошествоемъ украденными у Остана Сандаляями; и въ весьма короткое время убѣжалъ у всѣхъ изъ вида. Оставшіе разбойники, видя побѣгу своего начальника, и лишась надежды опбишься, сдались нападающимъ, прося помилованія своей жизни. Но раздраженные Индѣйцы злодѣйствомъ ихъ атамана, унесшаго дѣвицу, перерубили безъ милосердія ихъ всѣхъ, и покидали въ воду.

Учинивъ такимъ образомъ кровавое отмщеніе злодѣямъ, и причаливъ ихъ спружовъ къ своему, возвратился онъ съ Славянами въ городокъ. Отецъ похищенной дѣвицы, который по причинѣ глубокой своей старости не могъ за разбойниками гнашья;

гнавшись, ожидалъ ихъ на берегу со
 всѣми своими родствениками, волну-
 ясь между страхомъ и надеждою.
 При видѣ привязаннаго разбойничес-
 каго спружка всѣ они закричали
 радостнымъ гласомъ, который, по
 приваленіи судна къ берегу, премѣ-
 нился въ плачь и рыданіе, когда объ-
 явлено было охвѣдсивіе погони: Свѣп-
 лосанъ спарался сколько возможно
 ушѣшнѣе бѣднаго спарика, который
 паче всѣхъ рвался о похищеніи сво-
 ей дочери; но шаковыя несчастія
 единое токмо время приводитъ въ
 забвеніе.

По семъ печальномъ приключе-
 ніи, не долго пробывъ Свѣпласанъ
 въ семъ мѣстѣ; но нанявъ порядоч-
 ное судно для мореплаванія, пу-
 стился въ море съ послѣдовавшими
 ми своими. Плаваніе ихъ даже до
 равноденственныхъ чертъ довольно
 благополучно было; но при подѣздѣ
 къ оной шихая погода перемѣ-
 нилась, и вѣтры начали возмущать
 гладкія воды. Вскорѣ Шохвистъ,
 Божество бурливыхъ вѣтровъ, явил-
 ся на воздухъ, гоня спядами мрач-
 ныхъ и густыхъ облака, которыя раз-

разпростираясь по Горизонту, заш-
мили сїянїе блестящаго Свѣтлоснаго,
и преобразили: день въ ночь. Ужас-
ный громъ и безпрестанныя молніи
прїумножали свирѣпость бури, и
страхъ пловцовъ; а разбѣренныя вол-
ны, воздымая ихъ къ небесамъ, низ-
вергали до жилища Нїи, подземнаго
Царя. Свѣдая пѣна вїяся клубами,
окружала корабль со всѣхъ сторонъ,
и ввергаяся въ него свѣлами, усп-
рашала: плывущихъ неизбѣжнымъ
уполенїемъ. Къ довершенїю напастн,
неукротимые сыновья: вѣтра сломивъ
щеглы, и опорвавъ кормило, повесели
корабль по пространству моря, кру-
тя и порывая его по глубокимъ и
высокомѣрнымъ валамъ. Ужасъ и
темнота: опнѣли: присудствїе: разу-
ма, бодрость и силы у кормщика и
мореходцовъ: всѣ кричали и пове-
лѣвали; но никто не исполнялъ по-
велѣннаго. Одинъ Свѣтлосанъ и со-
путники его сохраняли бодрость,
вспомоществуя повсюду, и ободряя
мореплавателей. Но на конецъ по-
слѣдній и свирѣпѣйшїй всѣхъ валъ,
опнѣлъ послѣднюю у всѣхъ наде-
жду, повергнувъ корабль на под-

Часть II. М. водный

водный камень, и раздробивъ его на розно. обь оный.

Въ сію ужасную минушу несчастливѣйшіе погрязли потчасъ во глубинѣ морской, а прочіе, ухватясь за разломанныя части корабля, предались волнамъ, полагаяся на волю Боговъ. Въ семъ числѣ спасшихся находился и Свѣплосанъ: при разпорженіи корабля попался ему въ руки большой онаго ошломкъ, за копорый онъ ухватясь, предался свирѣпости моря. Разъяренныя волны повесли его съ великимъ стремленіемъ по пространству водъ, и на послѣдовъ, упомивъ его неслезанно, привели въ безпамятство, и почти окаменѣніе. Въ семъ жалосивномъ состояніи, выбросили его воды на пуспой и каменистый островъ, въ самую глухую полночь. Отъ причиненнаго удара симъ изверженіемъ Свѣплосанъ нѣсколько опамятовался; но избавясь отъ спрашнаго зрѣлища свирѣпствующаго моря, не на пріятнѣйшее попалъ онъ мѣсто. Посредствомъ блистающія молніи, увидѣвъ онъ прескращныя высокою и положеніемъ горы, по-

крышыя

крышья дремучими лѣсами : пологую землю, усыпанную всю камнями; причеиъ ревъ и вой свирѣпныхъ звѣрей совокупясь съ пресильнымъ визжаніемъ въпровъ, ловавшихъ и исторгавшихъ съ кореньями деревья, представилъ ему сію страну ужаснѣе и самаго моря. Дрожаніе и хладъ, обвѣвшія его тѣло, ужасъ отъ безпрестанныхъ сверканій и грома, и лишеніе оповсюду помощи, поколебали весьма его бодрость : онъ бросился на колѣни, что бы принести молитву Богамъ, на коихъ ему тогда послѣдняя осталась надежда; но въ самое то время оторванный вихремъ камень, съ висѣвшія надъ нимъ стремнины, поразилъ его споль сильно, что онъ упалъ безъ памяти.

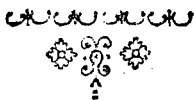
КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СЛАВЕНСКІЯ
ДРЕВНОСТИ,
или
приключенія
СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

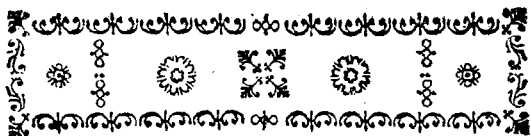
Сочиненіе
Михайла Попова.

Часть III.

Въ Санктпетербургѣ

1771 года.

СЛАВЕНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЛАВЕНСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

ооооо ооооо
* П * Огруженный симъ жесто-
* * кимъ ударомъ Свѣплосанъ
ооооо ооооо въ безпамятство, и почивъ
въ смертное безчувствіе, пролѣ-
жалъ на семъ каменистомъ берегу
до совершеннаго восхожденія солн-
ца, которое благопворными своими
лучами мало по малу возвратило
ему на послѣдокъ чувство. Онъ раз-
творилъ смутные свои глаза, и
осматриваяся во всѣ стороны, на
силу могъ вспомнить, гдѣ онъ на-
ходится. Сіе воспоминаеніе и осла-
бленіе тѣлесныхъ силъ, погрузили
Часть III. А 2 его

его въ глубокое размышленіе, которое, предсавляя ему поспешенно всѣ его бѣдственныя приключенія, ввергло было наконецъ въ уныніе. Князь примѣтивъ, что сей ядъ разливается весьма быстро по его жиламъ, вооружился всѣми оставшими силами своея бодрости, и принеся молитву Богамъ, возспалъ, и предавъ себя ихъ волѣ, вознамѣрился всѣ бѣдствія свои сносить великодушно. Въ семъ намѣреніи будучи предпріялъ онъ осмопрѣсть весь островъ, ласкаясь нѣкоторою шайною надеждою, получишь на немъ благополучное окончаніе своему странствованію.

Ободренный сими мыслями, пошелъ онъ великій округъ каменистаго берега, и пришелъ напоследокъ на плодоносное мѣсто, коего пріятный видъ бодрость его приумножилъ. Лугъ покровенный многообразными и благоуханными цвѣтами, деревья обремененныя прелестными плодами, приманили къ себѣ его взоры: онъ сорвалъ нѣсколько плодовъ, которыхъ пріятный вкусъ и запахъ, услаждая его

чувствы,

чувствы , подали ему новыя силы. Свѣтлосанъ получа отъ сего наиболѣе надежды къ лучшему впередъ, возблагодарилъ Богомъ., и увеселяясь симъ лестнымъ упованіемъ , началъ онъ прохаживаться въ сей благовонной долинь , наслаждаясь пріятными ея предметами. По нѣсколькихъ минутокъ его прогуливанія, пришелъ онъ на прелестнѣйшее и того мѣсто , и когда взоры его по немъ обращались , то представилось ему зрѣлище весьма несовмѣстное съ пріятностями мѣста. Ещо былъ человекъ лишь только разперзанный звѣремъ: спенанія его привлекли къ нему Свѣтлосана, который желалъ ему подать помощь, ежели осталось какое къ тому средство. Но какое было его удивленіе , когда онъ въ семъ человекѣ увидѣлъ того разбойническаго ашамана , который , будучи рабомъ , укралъ у Оспана Сандалин , и съ которымъ онъ сражался на морѣ за похищенную имъ дѣвицу : Но при плачевной участи сего бѣдняка , гнѣвъ его уступилъ мѣсто сожалѣнію: Свѣтлосанъ хотѣлъ ему

помочь перевязаніемъ ево ранъ. Великодушный незнакомецъ ! Сказалъ ему разбойникъ помнымъ голосомъ, шруды твои напрасны: смерть мою ничто уже удержать не можетъ ; сами Боги ео меня наказуютъ за мои злодѣйства. Но благодарю ихъ, что при послѣднемъ моемъ концѣ послали они ко мнѣ тебя свидѣтелемъ моего раскаянія. Сними съ меня, примолвилъ онъ, драгоценныя сѣи Сандали, копорыя похищилъ я у Древянина, и возврати ему ихъ; а меня оставь пожирать моей смерти. По сихъ словахъ, умножившихъ ево изнеможеніе, началъ онъ ослабѣвать смертельно, и вскорѣ лишился жизни.

Свѣтлосавъ удивляясь правосудію Неба, воздалъ благословеніе неизпытаннымъ ево судьбамъ, и по семъ приступилъ ко исполненію завѣщанія умершаго. Въ снятыя съ него Сандали разсудилъ онъ самъ обуться для всякаго нечаяннаго случая, предпріавъ возвратить ихъ Оспану, ежели Небо соблаговолитъ еще его увидѣть жива. Попомъ сыскавъ яму, положилъ въ нее мер-

твое

швое шѣло, и замешалъ всѣмъ шѣмъ, что ему способное къ тому попалось. Воздавъ такимъ образомъ послѣдній долгъ человѣчеству, предпріялъ онъ съ помощію Сандалій обойти нѣсколько острововъ, въ надеждѣ обрѣсти на нихъ своихъ сослуживковъ, которые, чаялъ онъ, можетъ быть подобно ему были выброшены моремъ. Въ семь намѣреній предпріялъ онъ напередъ обойти островъ, на коемъ самъ находился, что немѣдленно онъ и началъ.

Прошедъ нѣсколько разстояній, увидѣлъ онъ весьма высокую гору, которая показалась ему весьма способною для разсмотрѣнія всего острова; чего ради и пошелъ онъ на нее, въ такомъ мнѣніи, не увидитъ ли чего съ нее доспойнаго примѣчанія, или кого изъ своихъ сотоварищей. Взошедъ на гору долго онъ осматривался повсѣмъ сторонамъ; но за множествомъ горъ и лѣсовъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть пологія земли и береговъ. Такимъ образомъ обманувшись въ своей надеждѣ, хотѣлъ уже было онъ сойти съ горы, какъ вдругъ

его взорамъ представилоя слѣдующее позорище. Превеликое сборище львовъ и шигровъ въ долу подлѣ горы гналося за молодымъ человѣкомъ, и гошово было его разшерзати. Свѣтлосанъ пораженный жалкимъ его состоянїемъ, нимало не размышляя о собственной своей опасности, бросился къ нему на помощь, надѣясь посредствомъ своихъ сандалій выхватить его изъ среды плотоядныхъ сихъ звѣрей. Но едва онъ къ нимъ спустился по воздуху, и ухватаю юношу хотѣлъ съ нимъ подняться, какъ нѣскольکو львовъ, схватаю его за одежду, перевергли на землю, и разшвора жадныя свои пасти, хотѣли его разшерзати. Свѣтлосанъ обманувшись въ успѣхѣ своего предпрїятїя, готовился уже на мучительную себѣ смерть, какъ въ самой полнѣмгѣ, избавленный имъ юноша, повергъ нѣчто въ толпу лютыхъ звѣрей. Едва они почувствовали сіе, какъ бросясь всѣ къ тому мѣсту начали между собою преужасную ссору, грызя другъ друга, и удаляясь отъ того мѣста, гдѣ былъ повер-

поверженъ Свѣтлосанъ. Между тѣмъ молодой человѣкъ, ухватя его въ беремя, понесся съ нимъ какъ вихрь, и въ одну почти минушу принесъ его въ пещеру весьма ужасной горы, обросшей камнями и дремучимъ лѣсомъ.

Принеся его въ пещеру, и посадя на сдѣланную изъ дерна лавку, сказалъ ему слѣдующее: ты учинилъ такое дѣло, какое рѣдкой изъ смертныхъ предпріять отважится, и которое ласкаетъ меня сыскавъ въ тебѣ шого Випсязя, отъ коего храбрости зависить мое освобожденіе. Проговоря сіе прошепталъ онъ нѣсколько словъ, и въ шужь минушу превратился въ преужасный видъ, который представлялъ безобразнѣйшаго человѣка, какого ниже быстрѣйшее воображеніе вымыслить можетъ. Онъ былъ обремененъ препягосипными оковами, на которыхъ были положены неизвѣстные знаки. Въпъ мой почный видъ, продолжалъ онъ говорить Князю, какой мнѣ данъ, въ наказаніе мое, отъ Подземнаго Царя. Я хочу, примолвилъ онъ, рассказать тебѣ

тебѣ мою повѣсть, которая по-
дастъ тебѣ ясное обо мнѣ понятіе,
и о коей никто еще изъ смертныхъ
не знаетъ. Сказавъ сіе, сѣлъ онъ на
земли противъ Свѣтлосана, и на-
чалъ ее слѣдующимъ порядкомъ.

*

*

*

ПОВѢСТЬ ЛИПОКСАЯ СКИѦА.

Я одинъ изъ трехъ сыновъ Тар-
гитая СкиѦа, происшедшаго отъ
Перуна, и дочери рѣки Днѣпра.
Дѣдъ мой, по возрастѣ моего ро-
дителя, отдалъ ему во владѣніе
всю ту землю, кою нынѣ обла-
даютъ Славяне и Чудь, изъ коихъ
послѣдніе произошли отъ нашего
рода, и присовокупилися попомѣ
къ Славенскимъ племенамъ. Роди-
тель мой получа сей даръ, началъ
себѣ собирать отовсюду поддан-
ныхъ, которыхъ на послѣдокъ ско-
пилось довольное множество, и со-
дѣлалось изъ того небольшое Цар-
ство. Великое плодоносіе нашей
земли, не мало способствовало къ
размноже-

размноженію въ ней народа. Царствованіе моего родителя продолжалось весьма спокойно до глубокія его старости ; и на послѣдокъ скончался онъ нечаянно , не чувствуя ни каковыя скорби, приведенъ къ своему концу истощеніемъ природы , а не сластолюбивымъ житіемъ , какъ то бываетъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Сія его нечаянная смерть была намъ причиною къ распрѣ о Державѣ нашея страны. Намъ было шри брата , какъ я уже сказалъ : средній назывался Арпоксай , младшій Колоксай , а я былъ старшій , и называюсь Липоксай. Дѣдъ нашъ Перунъ , желая разрушить нашъ споръ своимъ благоволеніемъ , избралъ достойнымъ къ Державѣ младшаго изъ насъ брата. Избраніе свое утвердилъ онъ слѣдующимъ чудомъ. Когда мы вышли изъ столичнаго нашего города Гелона на полѣ , чтобъ рѣшить нашъ споръ превосходствомъ нашихъ силъ : (ибо мы уговорились , чтобъ тому кто далѣе изъ насъ выстрѣлитъ изъ лука , осталось населенное Царство , а прочимъ пустая

пустая земля;) то въ самое то время, когда хотѣли мы къ сему лишъ приступишь, упали съ неба соха, ярмо, попорѣ и чаша, всѣ изъ чистаго золота. При семъ прѣяшномъ позорищѣ, всѣ мы оборотили на нихъ свои глаза. Желаніе поль богатыя корысти привлекло меня къ нимъ перваго: но при первомъ моемъ къ нимъ прикосновеніи, изшедшее отъ нихъ пламя такъ меня ожгло, что я, закричавъ преужасно, съ великимъ стремленіемъ отъ нихъ отскочилъ. Арпоксай, середній нашъ братъ, равную мнѣ имѣлъ участь. Меньшій изъ насъ, (моглась сіе помыслишь наша гордость!) лишъ только подошелъ къ симъ драгоценнымъ вещамъ, какъ въ пожъ мгновеніе пламя ихъ оспавило, и онъ учинился счастливымъ ихъ обладателемъ; а съ ними совокупно и нашего Царства.

Сіе огорчительное для насъ, и славное для Колокся, приключеніе, преклонило къ нему народныя сердца; а мы принуждены были выйти изъ его Державы. Арпоксай удалился въ Сѣверныя страны; и учинился родо-

родоначальникомъ Чудскихъ поко-
лѣній , изъ коихъ слѣдующія сла-
вны потомъ учинились: Весь на Бѣ-
лѣ Озерѣ , Меря въ Ростовской и
Переяславской землѣ , по Клещину
Озеру , также Мордва , Печора , и
другія многія , о которыхъ для кра-
пкосипи я умалчиваю. По смерти
его Чудскіе народы , а наипаче Бѣ-
лоозерцы , обоготворили Арпокся
за его добродѣшель , и прензящное
его царшвованіе. Содѣлали ему ис-
туканъ изъ драгоцѣннаго дерева ,
возложили на него богатое ожере-
лье , и дали ему въ руки серебряную
чашу , въ которую , всѣ входящіе
къ нему для молитвы , клали день-
ги. Подѣл великолѣпнаго его храма
соорудили кладбища , въ которыхъ
погребались всѣ знатные и богатые
люди съ великими сокровищами. Па-
мяшь его и донинѣ межъ нихъ ос-
талась подѣ именемъ Юмалы.

По крайней мѣрѣ судьбу его по-
читаю я тѣмъ блаженною , что
онъ , лишась своего отечества ,
учинился индѣ счастливымъ родо-
начальникомъ , и обоженнымъ Госу-
даремъ. А я несчастный , лишаюсь
отече-

опеческаго престола , и гордяся моимъ спаршинствомъ , впаль въ опчаянїе, и удалися въ покрышыя вѣчными льдомъ земли, прилѣжащія ко Хвалынскому и Черному морю. Совокупя нѣсколько дикихъ народовъ, съубѣжавшими со мною Скиаами, учинился я малымъ Владѣтелемъ, и родоначальникомъ произшедшихъ попомъ Угровъ и Обрей. Но не доволясь симъ малымъ владѣнїемъ, и сокрушаяся завсегда объ опеческомъ престолѣ , и о предпочтенїи моего брата , спарался я сыскашь въ чемъ нибудь другомъ мое прославленїе ; и на послѣдокъ вдаляся я въ розысканїе правъ, и бѣговъ небесныхъ ; и на конецъ такъ къ сему пристрастился , что осмавя попеченїе о маломъ моемъ Княжествѣ моимъ дѣшамъ, препроводилъ я всю мою жизнь въ изобрѣшенїи и сысканїи, такъ называемаго, Чернокужїя.

Неусыпными моими спаранїями и прилѣжанїемъ, учинился я на послѣдокъ великимъ Кабадисшикомъ : нашель шайнство съ помощїю правъ, камней и минераловъ , производить

всякія невозможныя дѣла, и повелеватьъ Духами. Посредствомъ бѣговъ небесныхъ научился я угадывать прошедшее, настоящее и будущее. Всѣ сіи знанія описалъ я въ превеликой сочиненной мною книгѣ, копорая заключала въ себѣ науку и наставленія, какъ производишь всякія невозможныя дѣла. Книгу сію, и къ ней словарь, сочинилъ я на Ассирійскомъ языкѣ, копорому научился я въ молодости моей отъ одного Ассиріянина, пришедшаго поселиться въ Скиію къ моему родителю, куда его загнали несчастія, изгнавшія его изъ Ассиріи. Сіе я учинилъ для того, чтобъ не всякой могъ его пользоваться; ибо она заключала въ себѣ всю глубину чародѣйнаго знанія.

Гордясь полью великими успѣхами моего раченія, сдѣлалъ я нѣсколько волшебныхъ вещей, копорыхъ дѣйствіе удивило моихъ подданныхъ, и вселило въ нихъ обо мнѣ высокое мнѣніе. Вскорѣ слава моего искусства разпространилася по сосѣдственнымъ Державамъ: превеликое число народа спекалося ко мнѣ

ОШО.

отовсюду, иные желая удословѣ-
ряться, другіе научиться. Спече-
нїемъ симъ Государство мое прїобрѣ-
ло себѣ въ короткое время размно-
женіе, богатство и сіянїе, какихъ
дополѣ не имѣло. Ободренный сими
выгодами, спарался я утвердить
мою славу новыми изобрѣшенїями,
и чудесами моего знанїя. Свѣденїя
моего не скрывалъ я отъ иностран-
цовъ, но позволялъ имъ все видѣть,
и всему отъ меня учиться за нѣ-
которыя прибытки, которые были
полезны новому моему Государству.
Однимъ словомъ, я началъ прода-
вать все, и чертоги мои содѣлали-
ся училищемъ волхвованїя для всѣхъ
прїбѣгающихъ; и хранилищемъ
волшебныхъ вещей, которыя разда-
валъ я всѣмъ желающимъ за вели-
кія цѣны и подарки, не мысля ни
мало о томъ, что нѣкоторыя изъ
сихъ вещей служили не токмо къ
пользѣ человѣческой, но и ко вреду,
что попомъ вскорѣ и воспослѣдо-
вало.

На конецъ раздраженный Перунъ,
сими злыми моими изобрѣшенїями,
поразилъ меня громомъ, и шѣмъ
Окон-

окончилъ дальныя мои въ чародѣй-
ствѣ изысканія; но однакожъ не
пресѣкъ шѣмъ волшебства, которое,
посредствомъ моихъ наставленій и
вещей, по всему свѣту разпростра-
нилось; а наипаче въ подвластной
мнѣ землѣ, въ Скиѣи, и въ Чуд-
скихъ странахъ.

Оспавшіяся по мнѣ дѣти, и под-
данные мои, оплакавъ меня весьма
довольно, учинили мнѣ погребеніе
по Скиѣскому обряду, слѣдующимъ
порядкомъ: сперва вскрывъ мое чре-
во, и вычиспя оное, наполнили на-
рѣзаннымъ Галганшомъ, курипель-
нымъ порошкомъ, сѣменами правы
пепрушки и анисомъ, и пошомъ за-
шили; а шѣло мое все облѣпили
воскомъ. Послѣ сего положила меня во
гробъ, поставили оный на одрѣ, и
шакъ вынесли на кладбище: поста-
вя его на ономъ, вопкнули со всѣхъ
сторонъ копья, на кои возложя ше-
спы, покрыли ихъ прутьями около
гроба. При томъ въ честь мою по-
ложили со мною вмѣстѣ, задумивъ
напередъ, наложницу мою, красче-
ва, повара, конюшева, служителя,
судостроителя, и коня; присово-
Часть III. Б купя

купа къ шому золотую чашу , и прочія любимыя мною вещи , шакже волшебную мою книгу , и съ нею словарь . По семъ дѣйстви всякой , жшо только ни провождалъ мое шѣло , спарался принести наиболѣе земли , дабы оною засыпать мой гробъ , и положенныхъ со мною ; и наконецъ насыпали надо мною шоль великій бугоръ , что оный походилъ болѣе на холмъ . Сіе обыкновеніе , чшобъ насыпать бугры надъ могилами , примолвилъ Липоксай , и вы ошъ насъ переняли .

Душа моя , продолжалъ онъ , по изшествіи своемъ изъ шѣла , предстала созочно , съ прочими погребенными со мною , предъ Подземнаго Царя , ожидая съ препешомъ отъ него себѣ осужденія . Нія возрѣвъ на меня свирѣпымъ взглядомъ , связалъ мнѣ грозно : недостойный сынъ добродѣтельнаго Таргипая ! Тако ли ты слѣдовалъ его примѣрамъ ? Намѣсто добродѣтельнаго и печительнаго правленія , ты употребилъ жизнь свою на изысканіе шаншвъ , сокрытыхъ отъ челошѣковъ Небесами : ты хошѣлъ уподобиться Богамъ ,

Богамъ, запрещенными тебѣ средствами, и силою Духовъ тебѣ служившихъ; но намѣспо блага приключилъ ты вселенной невѣдомыя ей несчастія. Проговоря сіе повелѣлъ онъ Фурѣ представить предъ меня зеркало, въ которомъ я увидѣлъ ужасное множество людей, мучимыхъ разнообразно моими учениками. Иные изъ нихъ были превращаемы въ разные гнусныя животныя, другіе помимы были ядомъ или очарованіями, третьи лишаемы были любимыхъ имъ вещей, и однимъ словомъ, усмотрѣлъ я путь всякія люшости, содѣваемыя отъ учениковъ моихъ надъ прочими смертными. При семъ ужасномъ зрѣлище вострепеталъ я паки, познавъ всю мою несправедливость и безуміе: я палъ предъ Нѣю, надѣясь моимъ уничиженіемъ и мольбами преклонить его къ себѣ на милость.

Напрасно ты стараешься, закричалъ онъ мнѣ грозно, склонить меня своими мольбами: пресупленіе твое споль велико, что не можешь его ничто загладишь кромѣ своего наказанія. По семъ ужасномъ

В 2

отвѣщъ,

отвѣтъ , повелѣлъ онъ адскимъ
спрашилицамъ меня окружить , и
наложить мнѣ всѣ шѣ мученія ,
каковымъ подвергла моя наука жи-
вущихъ во вселенной. О небо! возо-
пиль при семъ Липоксай , какихъ
не испыталъ я тогда лютошей!
Безпрестанное мое превращеніе , въ
разнообразныя и гнусныя живош-
ныя , было меньшее изъ шѣхъ му-
ченій , какими я помимъ былъ
отъ Фурій: ядъ , огонь , желѣзо ,
повсеминушно меня перзали ; и на-
послѣдокъ уже самъ немилосердый.
Нія пронулся моими мученіями ,
продолжавшимися нѣскольکو годовъ ,
и повелѣлъ меня предъ себя пред-
ставить. Не дѣла швои , сказалъ
онъ мнѣ суровымъ образомъ , исхо-
дашайствововали тебѣ оставленіе
мученій , а сожалѣніе мое ; но зло-
дѣйства швои таковы , что пре-
буютъ должайшаго очищенія. По
опредѣленію Судьбины до шѣхъ
поръ не получишь шы себѣ упоко-
енія , пока пребывъ нѣскольکو лѣтъ
во власши у мрачныхъ чародѣевъ ,
шобою произведенныхъ , не будешь
шы на конецъ освобожденъ отъ нѣ-
кошораго

котораго лютаго волхва, юнымъ Княземъ отъ рода Славенова; и ска не уничижаица со онымъ чародѣемъ, посредствомъ сего Витязя, всѣ волшебныя вещи, тобою на свѣтѣ произведенныя.

Едва онъ сіе проговорилъ, какъ мрачное и густое облако, подхвативъ меня, понесло съ великимъ стремленіемъ, и на послѣдокъ, поставя меня въ пустой Аравійской степи, оставило меня моему опчаянью. Долгое время пробылъ я на семъ пустомъ мѣстѣ, и наконецъ, по нѣкоторомъ моемъ заблужденіи, пришедъ не нарочно къ чистому источнику, взглянулъ я въ него, и увидѣлъ въ немъ все мое безобразіе, какимъ меня наказалъ Подземный Царь. Съ превеликимъ ужасомъ опсочилъ я отъ источника, моя видѣнь въ немъ нѣкое спрашилище; пришедшее паки меня мучить; но не видя никого, опять я подошелъ къ тому мѣсту, и увидя паки то же спрашилище, дѣлающее сообразныя моимъ движенія, увѣрился я на послѣдокъ, что ешо было собственное мое изображеніе. О Небо! ка-

кая грусть тогда меня объяла! Я бы охотно лишилъ себя жизни въ тогдашнемъ моемъ сокрушеніи, ежелибъ еспешство Духа, которое поднесъ я сохраняю, могло чѣмъ лишиться своего бышя, по примѣру челоѳческаго. Но однакожь послѣ я узналъ, что могу, въ отпращу мою, приниматьъ каждый день, на одинъ часъ, такой видъ, какой самъ я изберу.

Послѣ сего приключенія не долго я пребылъ шатающа: страшный адскій гласъ, произшедшій ко мнѣ вскорѣ послѣ того, опредѣлилъ меня въ Вавилонскому чародѣю, который научасъ онъ послѣдова-телей моихъ вълхвованію, и узнавъ о мѣстѣ моей книги, вырылъ въ нее избугра, въ которой она съ тѣломъ моимъ была зарыта. Посредствомъ сея книги и другихъ волшебныхъ вещей, принудилъ онъ адъ дать себѣ во услуженіе Духовъ, въ числѣ которыхъ и я къ нему былъ посланъ. Сей гнусный чародѣй, за сіе ипробованіе, обязался предать себя по смерти на вѣчное мученіе аду. Онъ сіе учинилъ съ умыслу, надѣясь посредствомъ Духовъ доспастъ себѣ безсмертіе;

смертіе; но всемогущіе Боги сіе его намѣреніе уничтожили. Сей волшебникъ не зналъ ничего обо мнѣ, и почипалъ меня просто Духомъ; на-послѣдокъ, желая отъ другихъ со-товарищей моихъ получить нѣко-торыя важныя услуги, извѣстился отъ нихъ, что одинъ я могу его въ томъ удовольствовать; а въ до-казательство того рассказали они ему мое приключеніе. Безъ сумнѣнія учинено было сіе ими по повелѣнію Нїи, дабы совершити надо мною мой рокъ. По сему извѣстію и возложилъ онъ на меня должность исполнять всѣ его приказанія; но необычай-ность и безчеловѣчность оныхъ, за-спавили меня отъ того опрещися. За сіе непослушаніе, по власни-данной ему надо мною, началъ онъ меня мучить наиплошѣйшимъ обра-зомъ, дабы преклонить меня къ повиненію; но я всю его ярость постоянно претерпѣлъ, упоая тѣмъ окончить мое сираданіе. Но опредѣ-леніе Боговъ опложило весьма на-далѣе окончаніе моего бѣдствія.

Такимъ образомъ стоналъ я подъ жестокостію его ударовъ, до самыя смерти

смерти сего чародѣя. По отшествіи души ево въ Таршарѣ, получилъ я паки мою свободу; но однакожъ не многіе годы ею пользовался, и доспался паки во власпъ нѣкошорому добродѣтельному Вавилоняину, вмѣстѣ съ моею книгою, копорую нашель онъ въ землѣ, копая себѣ колодезь; ибо прежній волхвъ зарылъ ее въ оную, опасаяся, чшобъ кто ее у него не похишилъ; но и храня ее въ землѣ, столько боялся ее потерять, что написалъ въ ней на похитителей заклятіе. Новый и добродѣтельный мой повелитель, не принуждалъ меня ни къ какому беззаконному дѣлу, ни же хотѣлъ, полученныя въ книгѣ моей свѣдѣнія, обратишь во зло своимъ ближнимъ, какъ то дѣлалъ люпый его предшественникъ; но еще избавлялъ смертныхъ и отъ пропчихъ чародѣевъ: и зашо пріобрѣлъ себѣ спокойную жизнь, и мирную кончину, передъ которою зарылъ онъ паки книгу мою въ землю, приложакъ ей сбязленіе шебѣ Видоспаномъ завѣщаніе.

цемъ своего благодѣшеля , отправя
его на люшѣйшимъ ядомъ. Учи-
нивъ сѣ онъ сокрылся , и избравъ
своимъ пребывалищемъ одинъ изъ
здѣшнихъ острововъ , на которомъ
принудилъ насъ поспроить себѣ
зѣмокъ. Изъ сего шо ужаснаго зѣм-
ка выходя , причиняетъ онъ свѣшу
ужасныя злосчастія , какія только
выдумать можетъ. О злодѣйскихъ
его поступкахъ съ Видссѣаномъ и
прочими извѣстными шебѣ людьми,
мы самъ довольно вѣдаемъ; а о про-
чихъ его злодѣянїяхъ скажу шебѣ
коротко.

Сей гнусный чародѣй , получа
во власть свою меня и прочихъ Ду-
ховъ , вознамѣрился овладѣть на-
шею помощію цѣлымъ свѣтомъ , и
учиниться безсмертнымъ; но вели-
кіе Боги суешному и высокоумно-
му его желанію посмѣялись; пока-
завъ ему въ насъ слабыхъ исполни-
телей его гордости; ибо сѣ его же-
ланіе удовлетворишь мы отказа-
лись , сколько онъ ни принуждалъ
насъ къ тому наказаніями. Кара-
чунъ лишасть въ помѣ своей надеж-
ды , вознамѣрился къ тому доспиг-
нуть

нуть самъ собою: онъ началъ выискивать всѣхъ волхвовъ , и лишать ихъ волшебныхъ ихъ вещей , надѣясь сими средствами учиниться сильнѣе всѣхъ , въ чемъ онъ дѣйствительно и успѣлъ. Ибо сколько ни обрѣшалось волшебниковъ во вселенной, онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ разными проницаньями , и овладѣлъ ихъ вещами ; и шѣмъ учинился столько силенъ и сиротенъ , что самъ Нія не смѣлъ иногда сопротивляясь его волѣ. Таковою его властію раздражась Боги , и опасаясь его мѣщности , лишили его силы умерщвлять всякаго человѣка , и опредѣлили ему скорую казнь , что я узналъ онъ прочихъ Духовъ, моихъ соповарящей.

Долго бы разсказывать мнѣ , продолжалъ онъ , о всѣхъ его злодѣйствахъ, ежелибъ описывать ихъ подробно; но я скажу тебѣ о томъ вообще. Съ шѣхъ поръ , какъ овладѣлъ онъ моею книгою и Духами , не приключилоя во свѣтѣ никакого важнаго несчастія , коего бы не былъ онъ виною. Сей мерскій Египъ, лишаась власти умерщвлять людей.

перзаетъ ихъ напротивъ того всякими люшбйшими мученіями, и лишаетъ ихъ своими очарованіями естественнаго ихъ вида. При чемъ употребляетъ онъ такую хитрость, что все очарованные имъ, по тѣхъ поръ неизвѣстны бываютъ свѣту, пока всѣ продолжается ихъ очарованіе; и одни Боги могутъ человѣкамъ открыть ево козни. Онъ построилъ еще себѣ на нѣкоторомъ здѣсь островѣ замокъ, и опредѣлилъ его на свои увеселенія; но однакожъ кромѣ досадъ и огорченій ничего въ немъ болѣе не находить. Ибо покищенные имъ оповсюду въ сей замокъ красавицы, какія онъ ни употребляетъ прельстивша для прельщенія ихъ, все до единой презираютъ его, и гнушаются имъ; ибо правосудные Боги, въ наказаніе ему, и для предосторожности неповинныхъ красавицъ, лишили его власти являться къ нимъ въ другомъ видѣ, кромѣ ево собственнаго. А собственное ево гнусное лицо, неудобно прельстивши и самой наипозорбйшей женщины. Вотъ каково ево изображеніе:

Теперь

Теперь осталось мнѣ сказать тебѣ окончаніе собственной моей повѣсти. Я нашелъ, будучи еще живъ, лучшее средство умерщвлять людей разнообразно, хотябы и сами Боги смерти ихъ сопропивлялись. Но сего варварскаго таинства не включилъ я въ мою книгу, ниже кому о томъ повѣдалъ, опасаясь худыхъ отъ того слѣдствій. Сія же воздержность и спасла меня во адъ отъ конечнаго моего погубленія, и сіе есть причиною переняго моего заключенія. Ибо сей лучший волхвъ, увидавъ отъ соповарищей моихъ о сей моей тайнѣ, хотѣлъ отъ меня объ ней узнать, но я ему твердо въ томъ отказалъ, что и навлекло мнѣ отъ него самое варварское мученіе, и темницею сей островъ. Но я надеюсь, что милосердые Боги, за претерпѣнные мною страданія, скорѣе избавятъ меня отъ власти сего ширана человѣческаго рода. Ибо ты, государь, продолжалъ онъ, точно мнѣ кажущаяся тѣмъ Випяземъ, отъ коего Боги опредѣлили мое избавленіе. Я уже весьма давнее

В 3

время

время нахожуся на семь островѣ ,
вседневно ожидая съ тобою моя
свободы. На послѣдокъ увидѣвъ здѣсь
тебя, предпріялъ я испытать швое
добродушіе , и тѣмъ увѣришья ,
что ты будешь мой избавитель
отъ лютаго Карачуна. Для сего
то точно и превратился я въ мо-
лодаго человѣка , и силою моего
знанія , обратилъ на себя толпу
лютыхъ звѣрей ; и когда доброе
швое сердце склонило тебя вдашь-
ся для меня въ опасносшь, тогда я
бросилъ въ толпу сихъ живошныхъ
нѣкошорый приготошленный мною
составъ , кошорый возбуждѣ въ нихъ
бѣшенство , обратилъ ихъ на са-
михъ себя.

Едва Липоксай скончалъ свою
повѣсть, какъ пресильное землетря-
сеніе взорвало въ пещерѣ полъ , и
учинило великое оцверстіе , изъ
кошго съ превеликимъ пламенемъ и
сгущеннымъ дымомъ выскочилъ къ
нимъ Исполнѣ , вооруженный саб-
лею. Умри, вскричалъ онъ Свѣпло-
сану, замахнувши на него оружіемъ,
и прекрати надежду сего невѣрна-
го Духа, и швою собственную. Но

Липоксай

Липоксай въ самый потѣ мигѣ опхватилъ Князя отъ пораженія , и вынесъ его вонъ изъ пещеры. Дерзновенный! вскричалъ Исполинъ Духу , ты осмѣливаешься защищать люнѣйшаго моего врага ; но вѣдай, что ты симъ усугубилъ только свои и ево мученія. Ничто васъ не избавитъ отъ мщенія Карачупова. Проговоря сѣе, кинулся онъ за Свѣтлосаномъ , который , лишиась волшебнаго своего меча при поимпленнн , принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ , не имѣя къ защитѣ своей другаго способа. Помощю летящихъ Сандайлъ , прибѣжалъ онъ вскорѣ на поверхность моря , но Исполинъ , который былъ почно Карачунъ , не оставилъ за нимъ гнаться и по морю , будучи подерживаемъ Духами.

Конечно бы отъ руки его погибъ тогда Славенскій князь , ежелибъ нечаянный случай , который казался угрожающъ ему прямо погибѣлю , не спасъ ево жизни. Отъ продолжительнаго бѣжанія , духъ у него началъ уже занимать , и лишающъ его всей надежды ко спасенію : от-

чаяніе овладѣло ево мыслями : онѣ возвелъ глаза свои на небо, для испрошенія себѣ помощи свѣще; но въ самое то время запнувшись упалъ, и мнилъ уже себя попопшимъ, какъ въ самый шотъ мигъ почувствовалъ у себя въ рукахъ нѣчто такое, которое паденіе ево остано-вило. Онѣ вспалъ шотчасъ опять на ноги, и увидѣлъ подъ собою пре-великаго Дельфина, держащаго во рпу своемъ волшебный Левсиловъ мечъ. Обрадованный Князь симъ при-ключеніемъ, едва осмѣлился повѣ-рить своимъ глазамъ: воздавъ благо-дареніе Безсмертнымъ, ухватилъ онѣ свой мечъ, и съ превеликою храбростію обратился на гоняща-гося за нимъ Карачуна, который весьма уже близко отъ него нахо-дился. Сей гнусный волхвѣ, сколь-ко ни нагавъ былъ и ни дерзоспенъ, но усмотря Левсиловъ мечъ въ свѣ-тлосановой рукѣ, вострепеталъ и обратился въ бѣгство. Но не возмогъ бы онѣ избѣжать достойной себѣ казни шогда же, ежелибъ не спасся отъ шого своимъ коварствомъ; ибо превращаясь въ рыбу, повергнулся онѣ

онъ въ море, и шѣмъ избавился отъ неминуемаго себѣ смерти.

Свѣплосанъ лишаеь такимъ образомъ своея побѣды, принужденъ былъ возвратиться на островъ, дабы посовѣтовать съ Липоксаемъ, какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть до окончанія своего предпріяшя, въ разсужденіи ниспроверженія сего коварнаго врага. Желаніе свое весьма похвально и велико, сказалъ ему Липоксай, оно избавляетъ мѣръ, и меня, отъ налюшѣйшаго ширана; и сколько мнѣ ни будетъ стоить подать тебѣ о семъ мое мнѣніе; ибо чародѣй сей не упустишь наложить мнѣ за сіе најжесточайшихъ мученій; однакожъ невзирая на все то, хочу себя въ семъ удовольствовать. Я уже тебѣ объявилъ, продолжалъ онъ, что Карачунъ имѣетъ у себя два замка: одинъ изъ нихъ украшенъ всѣми нѣжностями и пріятствами великолѣпія и пышности, а другой имѣетъ видъ самаго ада, по причинѣ ужасныхъ своихъ предметовъ. Въ семъ послѣднемъ замкѣ обитаетъ Карачунъ, и всякому

изъ смертныхъ входъ въ него запре- щенъ подъ лишеніемъ за то жи- вога. Кромѣ сего окруженъ онъ отовсюду преужасными заграждені- ями, копорыхъ кромѣ Боговъ и Ду- ховъ нишо преодолѣть не можетъ, не подвергая жизни своей неминуе- мой смерти. Въ семь замкѣ хра- нитъ Карачунъ всѣ похищенныя имъ волшебныя вещи, подъ стра- жею наужаснѣйшихъ чудови- щей. Никакъ нельзя покуситься взойти открытой силою въ сей замкъ, или напасъ на самого сего чародѣя, и побѣдить его явно. На- добно изыскивать случай, чтобъ исплощить его въ замкѣ, въ коемъ обитаютъ у него красавицы; ибо онъ лишается шуть почти всей сво- ей силы; либо же при помощи Боговъ войти тайно, и безъ него, въ оби- щаемый имъ замкъ, и напасъ на него соннаго. Кромѣ сего совѣща, продолжалъ Духъ, никакъ помочь тебѣ я не могу; ибо Нія запре- щилъ мнѣ вспомошествовать шѣмъ, которые пожелаютъ разрушить мою неволю. Сказавъ сіе онъ из- чезъ, а Свѣтлосанъ, оставшись одинъ,

однѣ , вознамѣрился искасть Карачуновыхъ замковъ.

Принеся напередъ молитву Богомъ , пошелъ онъ , вспомошествоваемый Сандаляями , на поверхность моря , и опредѣлилъ на немъ до стѣхъ поръ странствовать , пока мѣсто не найдетъ Карачунова жилища. Но сіе путешествованіе было бы ему гробомъ , ежели бы не помогло ему доброе его счастье , которое по справедливости бываетъ иногда лучше храбрости и досужства. По отдаленіи его отъ острова , небо пере мѣнило ясность свою на мракъ : порывистыя вѣтры возмутили стихія воды , и не оставили Свѣплосану иного пути , кромѣ опаснаго средины между волнующеюся бездною , и блистающимъ горизонтомъ. Къ довершенію напасти , темнота окружила все пространство поща , и не оставила ни малаго средства раздѣлять предметы. Въ сей крайности Князь принужденъ былъ бѣжать , по по ярящимся волнамъ , по по буншующему воздуху. Такимъ образомъ путешествовалъ онъ двои сутки , на ходясь въ безпрестанной

ной

ной опасности отъ моря и грома. На конецъ послѣдовала ясность, но которая не принесла ему ни малаго облегченія; гладъ и ушомленіе, объявшіе Свѣтлосана, лишили его почти всѣхъ силъ. Уже немощенныя ево ноги едва ему служили, и онъ началъ уже отъ великїя усталости спомыкаться, и приходитъ въ нѣкоторый родъ обморока, который былъ его на вѣки погрузилъ въ море; какъ въ самое то время увидѣлъ онъ превеликїй оштакъ разбитаго корабля. Съ великою радостію пошелъ онъ къ нему, благодаря Небу за столь очевидную помощь. Дошедъ съ немалымъ трудомъ до сего оштакъ, сѣлъ онъ на него, и опдохнувъ довольное время, почувствовалъ онъ въ себѣ изнуряющій голодъ и жажду. Весьма долгое время боролся онъ съ ними; но наконецъ побуждающая его къ насыщенію природа начала изнемогать, и лишала его чувствъ. Въ сіе время прищупленные его взоры, едва уже обращающіеся по поверхности водъ, ласкались надеждою обрѣсти на нихъ нѣчто

что къ утоленію жажды и глада, увидѣли вдали пловущее живошное, кошорое несло нѣчто во рту. Нѣкая надежда обновилася въ сердцѣ Свѣшлосана: онѣ поднялъ голову, чтобѣ разсмотрѣть получше сіе живошное, кошорое прилывало къ нему часѣ отѣ часа ближе, и съ великою радостію увидѣлъ наконецѣ, что ето былѣ морской левѣ, кошорый несѣ во рту своемѣ превеликій куствѣ съ кокусовыми орѣхами. Какѣ скоро подплылъ онѣ къ Свѣшлосану, то осипавя при ногахѣ его свою ношу, нырнулѣ въ воду, и по нѣсколькихѣ минутокѣ, вынырнувѣ отѣ него въ немаломѣ разстояніи, поднялся на воздухѣ въ видѣ превеликія пилицы.

Но Свѣшлосанѣ, въ тогдашнемѣ своемѣ состояніи, не весьма старался то примѣтитѣ, и все свое попеченіе обратилѣ къ кокусову дереву. При ослабленіи своихѣ силѣ едва онѣ выволокѣ его изѣ воды, и напоследокѣ, разрѣзавѣ одинѣ орѣхѣ своимѣ мечемѣ, выпилѣ изѣ онаго сокѣ, кошорый показался ему тогда настоящимѣ Невшаромѣ. Та-
кимѣ

кимъ образомъ сія неожиданная помощь возвратила ему жизнь, шоль много кратъ подверженную смерти. Сіе счастливое приключеніе привело его въ состояніе путешествовать далѣе : снабдясь симъ пріятнымъ плодомъ, и принеся молитву Богамъ, вдался онъ паки своему путешествію, и по счастію своему, черезъ нѣсколько дней увидѣлъ онъ островъ, окруженный оповсюду дремучимъ лѣсомъ и каменными утесами.

Съ превеликимъ трудомъ пробрался онъ сквозь чащу онаго, въ надеждѣ сыскать нѣсколько плодовъ способныхъ въ пищу. По путешествіи имъ сея густоты, увидѣлъ онъ высокія кремнистыя горы, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, и на которыя ни коимъ образомъ человекъ не можно было взойти. Однако жъ Свѣтосавъ, вознамѣрясь осмопрѣть островъ, превозмогъ сію трудность, вспомошествоуемъ будучи Сандаліями. Но какое было его удивленіе, когда онъ, по возшествіи на сія горы, увидѣлъ съ нихъ доль, изобилующій плодоносными деревьями и благо-

благовонными цвѣтами ; а далѣе того великолѣпный замѣкъ , окруженный рѣкою , на подобіе превысокія горы , украшенныя разнородными цвѣтами. При семъ пріятномъ видѣ Славенскій Князь палъ на колѣни, и воздѣвъ руки къ небу, произнесъ сію молитву: Великій Перунъ , и ты всемошное Божество бѣдствующихъ людей ! внимаше моленію смертнаго , обожашаго васъ нелицѣмерно: естли я не обманываюсь , то сіе великолѣпное зданіе естъ швореніе гордаго Карачуна. Вспомоществуйте мнѣ прейти безбѣдственно всѣ оставшіяся трудности : споборствуйте моему подвигу , и устройте мою руку на опмищеніе спраждающаго челоучества , сопроводите ее въ сердце нечесливаго пирана вселенныя. Я обѣщаюсь принести вамъ пучную жерлву , и удовлетворить вполне челоучеству.

По совершеніи Свѣтлосаномъ молитвы, громъ возгремѣлъ въ десной его странѣ , и блеснувшая молнія казалася стремящеюся на зданіе замка. Князь пакы палъ на землю , благо-

благодаря Бсговъ за шоль явствен-
ное предвозвѣщаніе ихъ благово-
лїя. Послѣ чего , наполнивъ несу-
мѣннымъ надѣянїемъ на помощь
Бесмертныхъ, пошелъ онъ прямо къ
зѣмкѣ. Чѣмъ ближе онъ къ оному
подходилъ , тѣмъ больше умножа-
лось великолѣпіе онаго. Чертоги
его, подобящїеся высокой и утесни-
стой горѣ , были сооружены изъ
разноцвѣтныхъ блистающихъ кам-
ней: золото и серебро были послѣд-
нїя стѣны ихъ украшенїя; преизя-
щнѣйшія истуканы изобиловали на
нихъ повсюду; крыльца , переходы
и перемки являли на себѣ видъ не-
подражаемаго художества. Однимъ
словомъ зданїе сіе походило на нѣ-
кій священный храмъ , превосходя-
щій красою и великолѣпїемъ сво-
имъ всѣ шѣ преузорочныя достопа-
мятности, которыя Греками семью
чудесами именовались. Но сколько
зѣмокъ сей былъ великолѣпенъ ,
столько присупъ къ нему былъ
труденъ: стѣны его, сооруженныя
изъ крѣпчайшаго мрамора , утныка-
ны были на подобїе щепины остр-
рыми рожнами , а ворота его со-
ставляли

стояли изъ непроницаемыя спали. Кромѣ сея пвердья заграды, окружала замокъ глубокая и быстрая рѣка, наполненная преужасными чудовищами, которыя всплывая на поверхность водъ, произносили страшный свистъ и ревъ, являя огромныя и гнусныя свои шбля. Сверхъ того находился на берегу желѣзный истуканъ, вооруженный всѣми орудіями, какія только изобрѣла кровавая война, для опшнтія жизни у человекѣвъ. Сей грозный истуканъ, произнося прешрашныя завыванія и вопли, обѣгалъ, быстрѣе вихря, берегъ окружающій замокъ, и грозилъ умершвишь всякаго, ктобъ ни опважился въ оный испуцить; ибо силъ его ничто прошивишь не могло.

Славенскій Князь усмопря сего стража, обнажилъ свой мечъ, и надѣясь помощію его крѣпости одолѣть сіе страшилище, пошелъ къ нему безбоязненно. Желѣзный стражъ, увидя идущаго на себя Свѣшлосана, бросился къ нему съ ужасною свирѣпостію, и поднявъ мѣдную свою палицу, хотѣлъ его

Часть III. Г сразить

сразить его на розно ; какъ вдругъ ;
 посмопрѣвъ на сего Князя , возо-
 пилъ помнымъ голосомъ , и отско-
 чилъ отъ него весьма поспѣшно.
 Толь нечаянный случай привелъ
 Свѣтлосана въ нѣкоторый родъ не-
 доумѣнія и робости: онъ не вѣдалъ,
 что ему о семъ приключеніи мы-
 слишь; между тѣмъ подходилъ онъ
 къ нему ближе, желая лучше его
 разсмопрѣть, и ежели можно, увѣ-
 дать отъ него о всемъ, о чемъ ему
 нужно было узнать. Но испуканъ,
 усмопря ево къ себѣ приближеніе ,
 побѣжалъ къ мосту , ведущему
 чрезъ рѣку, который состоялъ все
 изъ желѣзныхъ пружинъ сплочен-
 ныхъ совокупно , и вспалъ на кон-
 цѣ онаго ; и какъ только Свѣтло-
 санъ къ нему подошелъ , то желѣ-
 зный сей мужъ шопнулъ въ мостъ
 ногою , проговоря нѣсколько словъ ,
 отъ чего оный въ потъ же мигъ
 сбѣожился. Сіе удивительное при-
 ключеніе еще въ большее привело
 удивленіе Славенскаго Князя. Меж-
 ду тѣмъ испуканъ то опдалаяся
 отъ Свѣтлосана , то приближался
 къ нему на желѣзномъ своемъ мостѣ:

во время опдаленія своего дѣлалъ онѣ разные шѣлодвиженія и знаки, и весьма печальныя и смѣшныя рожи, которыми старался онѣ нѣчто дасть знать Славенскому Князю, а приближаясь къ берегу хотѣлъ его поразить. Сіе чудное дѣйствіе привело въ вѣщее недоумѣніе Свѣтлосана: онѣ не зналъ что начать; ибо знаками своими испрашивалъ у него испуканѣ нѣкоея милосши, а нападеніями своими приводилъ его въ раздраженіе. Но въ самое то время, когда юный Князь о семъ размышлялъ, а желѣзный мужѣ подплылъ къ нему на мосту, дѣлая нападенія, налетѣлъ на Свѣтлосана, отѣ стороны зѣмка, и почти изъ за самаго испукана, превеликій морскій орелѣ, какѣ будипо бы желая на него напасть, и съ нимѣ сразиться. Возбужденный сею нечаянною опасностію Князь, устремилъ на него свой мечѣ; но вмѣсто онаго поразилъ онѣ желѣзнаго стража, который въ самый тошѣ мигѣ превратился въ средолѣтнаго человѣка, одѣяннаго въ Армянское платье; а

орелъ между шѣмъ отъ нихъ скрылся.

Превратившійся изъ истукана Армянинъ палъ въ ноги Свѣшлосану, и обѣмля его колѣна: Государь! сказалъ ему, я не обманулся, съ самаго перваго на тебя взора, почтя тебя Героемъ и любимцемъ Боговъ; ибо хотя способомъ сего прежде принадлежавшаго мнѣ меча избавилъ ты меня, но не вспомошествоемый вышеестественными силами не могъ бы ты дойти до сего не приступнаго мѣста. Какъ! перехватилъ рѣчь его Князь, развѣ ты Левсилъ? Такъ, государь, ошвѣчалъ онъ, я мужъ несчастный Превраты: люшый Карачунъ, вспомошествоемый предательствомъ невѣрнаго моего друга, разлучилъ меня съ нею, и лишивъ всего, превратилъ меня въ шо ужасное состоянїе, изъ коего храбрость швоя меня извлекла; ибо окончанїе моего очарованїя состояло въ пораженїи меня моимъ мечемъ. Последъ него рассказалъ онъ ему подробно все свое похождение, и распро съ Карачуномъ. Сей ужасный чародѣй, присовокупилъ онъ, исплосна меня въ моемъ

вѣ моемъ замкѣ, и изблевавѣ на мѣ-
 ня шьму ругашельствѣ, повелѣвѣ
 оковашь меня шяжкими цѣпями, и
 окружа безчисленною спашею мрач-
 ныхъ Духовѣ, увлекѣ меня изѣ пре-
 лестнаго моего жилища вѣ сѣи мѣ-
 ста, исполненныя плача и стenanія.
 И когда мы поровнялися надѣ по-
 верхностію сей рѣки, тогда нежало-
 спливый мой похитишель, схватя
 меня вѣ преогромныя свои руки,
 (ибо онѣ имѣвѣ тогда образѣ Ис-
 полина,) кинулѣ на сей желѣзный
 мостѣ, произнося сѣи слова: Воспрѣи-
 ми свойство и крѣпость сего мос-
 та, и изѣ люшѣйшаго моего врага
 содѣлайся ужаснымѣ спражемѣ се-
 го мѣста, по шѣхѣ порѣ, пока не
 поразитѣ тебя опасное твое ору-
 жіе. Слова ево раздалися сѣ ужас-
 нымѣ громомѣ и шрескомѣ по всему
 горизонту, и снишли до врадѣ сви-
 рѣпаго ада. А я лѣтя сѣ превели-
 кимѣ стремленіемѣ, ударился обѣ
 мостѣ, который отѣ удара сего
 свѣожился, произнеся помный и
 пронзительный звонѣ. Паденіе сѣе
 долженствовало бы естественно ли-
 шить меня жизни; но злодѣй мой
 Г 3 устроилѣ

успроилъ такъ , что я въ самый мигъ моего удара превратился въ желѣзный испуканъ , и потерявъ прежнюю свободу моихъ мыслей , наполнился неистовымъ алканіемъ убивать всѣхъ попадающихся мнѣ въ глаза. Получа сѣ варварское стремленіе , скочилъ я съ моста на берегъ , и помчался быстрѣе вихря вокругъ замка : попадающіяся мнѣ звѣри и птицы вскорѣ почувствовали неистовую мою ярость ; я ихъ всѣхъ переспрѣлывалъ моими стрѣлами, и въ одинъ день учинилъ пустынь и неприступнымъ сей берегъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ до сего часа , обѣгая повсеминутно сей берегъ, не видалъ я никого изъ живущихъ до самаго моего прихода , который возвратилъ мнѣ прежній мой видъ.

Окончавъ свою повѣсть, бросился было онъ паки къ Свѣшлосану въ ноги , но Князь его до того не допустилъ , и пріявъ его въ свои объятія, увѣрялъ его о своей дружбѣ, благодаря припомъ за угощеніе его супруги. Какъ, государь! вскричалъ удивленный Левсилъ, неуже-

аи жена моя имѣла счастье угостишь
 у себя поль великаго Героя? А я ее
 мнилъ равно погибшею отъ нагло-
 сти нашего злодѣя. Она бы дѣй-
 ственительно и теперь еще отъ уда-
 ровъ ево спрадала, отъ вѣспивовалъ
 Князь, ежели бы Боги не освободили
 ее, посредствомъ моей руки, отъ
 сего спрашнаго щирана. По семъ
 разказалъ онъ ему вкратцѣ свои и
 ея приключенія. О Небо! возопилъ
 тогда Аомянинъ, кого тебѣ остало-
 ся поражать, когда ты оставляешь
 безъ казни таковаго злодѣя! Госу-
 дарь, продолжалъ онъ говорить
 Свѣшлосану; я думаю однакожъ,
 что онъ не долго уже будетъ
 пользоваться плодами своихъ зло-
 дѣствъ. Повсемѣстная жалоба
 ежечасно призываютъ Боговъ ко
 опмщенію: и ежели я не обманываюсь,
 то и самъ Карачунъ предузнаетъ
 скорую свою погибѣль: я его нинѣ
 зрю всегда уже смущенна и робѣюща.
 Рѣдкія ево посѣщенія въ сей
 замокъ довольно доказываютъ ево
 беспокойствіе. Онъ безпрестанно
 окружаетъ сей, и собственный
 свой замокъ, ужаснѣйшими
 спрашданіи

спрашилицами, мня ими заградишь
 всякому въ нихъ входъ; но можешь
 ли онъ ими воспрепятствовать
 мщенію Безсмертныхъ? Тебя, госу-
 дарь, продолжалъ онъ, познаю я
 орудіемъ и исполнителемъ правед-
 наго ихъ гнѣва; и ежели сіе испин-
 но, такъ вооружая ихъ покро-
 вительствомъ, спускай наказаніе ши-
 рана, и избавишь несчастныхъ отъ
 сего лютаго чудовища.

Такимъ образомъ говоря, понуж-
 далъ онъ вступитъ Свѣтлосана на
 желѣзный мостъ; но едва занесъ
 на него Князь свою ногу, какъ
 мостъ возшумя пресстрашнымъ об-
 разомъ свѣожился, а наполняющія
 рѣку чудовища, вынырнувъ въ изъ-
 воды, разинули свои пасти, и произ-
 нось пресстрашный вой, свистъ и
 ревъ, угрожали Свѣтлосана поже-
 рать, ежели осмѣлишься онъ пере-
 правляться черезъ рѣку. Но сей не-
 устращимый Князь, возлагая наде-
 жду на Боговъ, и призывая ихъ
 въ помощь, началъ поражать своимъ
 мечемъ приближившихся къ нему
 спрашилищъ. При всякомъ ударѣ,
 мужество его получало награжде-
 ніе.

ніе : ибо на какомъ мѣстѣ ни поражалъ онъ чудовищей , то во мгновеніе ока спановилось оное швердымъ , а вода со страшными лицами исчезала. Ободренный симъ успѣхомъ Свѣшлосанъ подвигался все далѣе , поражая уродовъ , и очищая шѣмъ путь за собою Левсилу. Такимъ образомъ вскорѣ дошелъ онъ до другаго берега ; и лишъ на оный вступилъ , то вся рѣка , окружавшая замокъ , провалилась сквозь землю съ превеликимъ шумомъ и шрескомъ. Свѣшлосанъ и Левсилъ , познавая въ семъ чудѣ ясно Божескую къ себѣ помощь , пали на землю , принося благодареніе Небожителемъ.

По такыхъ успѣхахъ , Славенскій Князь не сомнѣвался уже болѣе преодолѣть заградъ , препинавшихъ входъ въ замокъ. Ополченный бодростію и надѣянїемъ , подошелъ онъ къ ворошамъ замка , чшобъ попытаться и оныя себѣ отверсти ; но едва онъ къ нимъ присступилъ , какъ спальные ихъ верей превратились въ преужасныхъ Волотовъ , зїяющихъ пламенемъ , а двери въ престрашную огненную хлябъ , преисполненную

разнообразныхъ чудовищъ. Всѣ сїя
страшилищи, увидѣвъ идущаго къ
себѣ Князя, приготовилися къ сово-
купному на него нападенію; но Свѣ-
шлосанъ, призвавъ въ помощь Без-
смертныхъ, и возвысивъ своей мечъ,
пошелъ на нихъ безъ всякія боязни.
Понѣсколькихъ ево ударахъ, почув-
ствовалъ онъ себя угрызена въ
лядвію: сїе угрызеніе воспалило еще
болѣе ево храбрость: горя опмщені-
емъ за сїе ему оскорбленіе, и собравъ
всѣ свои силы, поразилъ онъ сво-
имъ мечемъ въ самое отверстіе зѣв-
шей на него хляби, желая однимъ
ударомъ сокрушитъ всѣхъ ея чу-
довищей. Напряженіе ево споль бы-
ло сильно, что онъ упалъ; но какъ
онъ удивился, когда по возснаніи
своемъ увидѣлъ себя уже внупри
замка! Послѣдовавшій ему Левсалъ
вывелъ его потчасъ изъ сего удив-
ленія, объявивъ ему слѣдующее;
(ибо онъ все сїе дѣйствіе примѣ-
тилъ, слѣдуя за нимъ изъ далека:)
что когда Свѣшлосанъ поражалъ
пламенныхъ чудовищъ, то онѣя
поминутно опѣ него мало по малу
изчезали; между шѣмъ одна ужас-
нѣйшая.

нѣйшая Саламандра , изпоргнувшись изъ самыя глубины хляби , хотѣла его спремленіемъ своимъ опровергнууть ; но въ самый шопъ мигъ поразила ее снишедшая съ небесъ огненная спрѣла : чудовище изчезло , а Князь воспаленный гнѣвомъ поразиъ мечемъ въ хлябъ , кошорая въ шужь минууу изчезла; и Свѣплосанъ , увлеченный своимъ напряженіемъ , принужденъ былъ упасиь во внушренносиь замка.

Сія очевидная Божеская помощь извлекла радосиные слезы изъ очей Славенскаго Князя : онъ принесъ благодареніе Безсмерпнымъ , въ чемъ и Левсилъ ему послѣдовалъ. Наполнясь вящею надеждою , пошли они къ палапамъ , споязыимъ по срединѣ замка. По нѣсколькихъ шагахъ почувсвовали они нѣчто осшановишее ихъ: и коня осматривалися они по всемъ споронамъ , однакожъ не могли ничего такого увидѣшь , что бы ихъ осшановляло. Недоумѣвающемуся о семъ Князю вскричалъ Левсилъ , что онъ мнишь познавалъ въ семъ хипросиь Карачунову: ешо конечно, говорилъ онъ,

невидимая стѣна , которая репнаетъ насъ пущь въ чертоги ; но я думаю , примолвилъ онъ , что и она не постоитъ отъ грознаго твоего оружія. И въ самомъ дѣлѣ , лишь только Свѣтлосанъ махнулъ своимъ мечемъ , то невидимая препопа потеряла свою силу , и оставила насъ свободный ходъ. Но едва они отъ нее освободились , какъ намѣсто ее предстала другая : превеликая толпа молодыхъ и прекрасныхъ дѣвушекъ , одѣтыхъ наипрелестнѣйшимъ образомъ , въ самую эту минуту ихъ окружила. Иныя изъ нихъ пѣли , другія плясали , нѣкоторыя играли на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ , а прочія имѣли въ рукахъ самыя прелестнѣйшія плоды въ корзинкахъ , и буылки съ виномъ. Сии приманчивыя машинки , обступя Свѣтлосана и Левсала , предложили имъ свои услуги , и всякая изъ нихъ наперывъ спаралася прельстить юнаго Князя и его соуптника. Добродушный Свѣтлосанъ , видя къ себѣ шаковыя ласки отъ столь прелестнаго рода смертныхъ , уже хотѣлъ

хотѣлъ отвѣтствовать имъ равно-
мѣрными учтивостями, и согла-
ситься на ихъ предложеніе, какъ
благоразумный Левсилъ, обхватя
его своими руками, вскричалъ ему:
берегися, государь, паче всего сихъ
обманчивыхъ прелестей, сихъ опа-
сныхъ Сиренъ: епо еще козни лю-
паго Карачуна. При сихъ его сло-
вахъ Свѣплосанъ ошановился, бу-
дучи приведенъ въ недоумѣніе, а
окружающія ихъ прелесницы под-
няли превеликій смѣхъ и хохотъ
надъ Левсиломъ, называя его тру-
сомъ и невѣжею; и въ самое то
время лаская наиболѣе Князя, и
спараяся всѣми силами склонить
его на свое предложеніе, чшобъ онъ
вкусилъ предлагаемыя ему забавы.
Но Свѣплосанъ, подкрепляемый
увѣщаніями Левсила, и превожимый
неопшступными ласканіями сихъ
прелесницъ, понялъ ясно Кара-
чуново коварство. Онъ началъ оп-
шталкивать опъ себя сихъ обман-
щицъ, и поспѣшавъ войти въ по-
кой; однакожъ симъ не могъ опъ
нихъ избавишься. Онъ окружа его
со всѣхъ сторонъ, и ухватя за

руки и плашье, старалися увлечь его за собою. Между тѣмъ Армянинъ, окруженный другою ихъ спашею, весьма уже далеко былъ отъ него опшашенъ; но при всемъ томъ не перешавалъ онъ кричать Свѣплосану, чтобъ онъ какъ можно старался отъ нихъ освободиться. Въ сіе самое время одна изъ прелестницъ, ухватя у Князя мечъ хопѣла вырвать; но Свѣплосанъ примѣшя сіе, и предвидѣвъ отъ того всю опасность, пришелъ въ подлинный спрахъ, и наполнясь негодованіемъ, вырвалъ у нее изъ рукъ сіе драгоцѣнное оружіе. Спрешленіе, съ каковымъ онъ въ семъ случаѣ поступилъ, принудило его изпоргнуть мечъ совсѣмъ изъ ноженъ. И лишь только сіяніе онаго блеснуло имъ въ глаза, какъ въ шожъ мгновеніе, всѣ сіи прелестныя обманщицы, разлетѣлись отъ него въ видѣ преужасныхъ Гарпій.

Между тѣмъ Левсилъ, опшелеченный сими привидѣніями весьма далеко, находился въ опасности своей жизни; и ежели бы Князь хошя еще одну минушу не уско-
рилъ

риль отъ него прогнать сихъ опасныхъ Сиренъ, то бы Армянинъ погибъ конечно. Избавясь такимъ образомъ отъ послѣднѣя и опаснѣйшїя Карачуновы козни, воздали они благодареніе Небесамъ, и пошли въ предстоящїя палатки, не встрѣчая уже болѣе себѣ ни какого препятствїя.

Крыльцо сихъ великолѣпныхъ чертоговъ, по которому надлежало имъ восходить въ покой, кромѣ другихъ безчисленныхъ и драгоценныхъ рѣдкостей, было украшено испуканами изъ восточнаго хрустала, Опала и Сапфира, которые представляли слѣдующїя мирскїя Божества: Любочестіе, Любоимѣніе, Властолюбіе, Пышность, Гордость, Любострастіе, коварное Самолюбіе, многовидную Роскошь, и другїя безчисленныя ихъ отрасли; а при самомъ вхождѣ въ сѣни стояли на возвышенныхъ подножїяхъ три спальные испукана, кои казались быль повелителями прочихъ. Первый изъ нихъ представлялъ мрачное Суевѣріе, другой безчеловѣчное

Варварство, а претій гнусное Невѣжество.

Свѣплосанъ осмотрѣвъ не много сія испуканы, пошелъ далѣе; но едва только вступилъ онъ въ сѣни, какъ загремѣла въ нихъ преогромная музыка, и на подобіе вихря раздалась и пошекла по всѣмъ покоямъ великолѣпнаго сего зданія, и вскорѣ отъ слуха ихъ умолкла. Славенскій Князь и сопушникъ ево весьма приключенію сему удивились, и къ великому соболѣзнованію вскорѣ узнали, что оно значило; ибо по вѣществіи своемъ въ первую комнату, увидѣли они двухъ дѣвицъ безъ чувствъ стоящихъ, хотя онѣ и сохраняли всю свою живность. Это было новое коварство безчеловѣчнаго Карачуна; какъ они попомъ отъ самыхъ сихъ дѣвицъ узнали. Сей гнусный волкъъ устроилъ такъ, что какъ скоро побѣдяшя внѣшнія огражденія сего замка, шобъ злое ево очарованіе подъ образомъ музыки пролилося по всѣмъ покоямъ, и опняло чувства у всѣхъ живущихъ въ нихъ красавицъ, да-

бы . никакъ не возмогъ ими овладѣть .

Свѣтлосанъ и Левсилъ проходя великолѣпные покои сего замка , повсюду находили въ разныхъ положеніяхъ лишенныхъ чувствъ красавицъ . Сіе печальное зрѣлище извлекло изъ глазъ ихъ многія слезы , наполнивъ ихъ сердца преострымъ сожалѣніемъ ; но Славенскому Князю собрегалось ипуть плачевнѣйшее позорище . Опечаленное ево сердце сими жалоспвыми предметами предавалося уже воздыханію и жалобамъ , какъ вдругъ слезящимъ ево взорамъ предстала несчастная Милослава , ево сестра , лежащая на колѣняхъ у красавицы , коея прелести помрачали всѣ украшенія замка , и обитавшихъ въ ономъ дѣвицъ . Любая горестъ , изображавшаяся на ея лице . не могла помрачить ни малѣйшихъ пріятностей ея красоты . Ею была самая Лада , Богиня любви . Какоежъ долженствовало произвеси чувствованіе сіи два предмета въ Свѣтлосановомъ сердцѣ ? Вдругъ двѣ жарчайшія чувспенности воспламенили ево душу : сожа-

лѣніе и любовь, родившіяся вмѣстѣ со удивленіемъ. Но родство превозмогло тогда надъ ево нѣжностію: онъ бросился къ бѣдной Милославѣ, спараяся подать ей помощь. Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ произвести въ ней нѣкое чувство; но всѣ ево спаранія были безплодны. Милослава и подруга ея, такъ какъ и всѣ прочія, сохраняя естественную живность шѣла, пребыли бездыханны.

Тогда по ярость и сожалѣніе, овладѣвшія сердцемъ Славенскаго Героя, принудили его выступить нѣсколько изъ порядка ево благоразумія: произнеся шьму проклятій и ругательствъ на злобнаго Карачуна, началъ онъ разрушать непреодолимымъ своимъ мечемъ всѣ украшенія бѣдственныя сихъ чертоговъ, во ожиданіи подобной казни гнусному ихъ зданію. Ни что не спаслося отъ ярости ево гнѣва: прензашные истуканы, драгоценныя картины, великолѣпныя свѣщильники, зеркала, и всѣ пышности сихъ палащъ были въ ничто обращены праведнымъ ево мщеніемъ.

Но

Но не одна бѣшенная ярость къ еему его побудила : онѣ мнилѣ разрушивѣ сїя украшенїя, разрушитѣ и очарованїе любезныхѣ ему особѣ. Левсилѣ стоялѣ во все это время безмолвенѣ ; но когда усмотрѣлѣ онѣ , что гнѣвѣ ево гораздо упишился , тогда подступя къ нему сказалѣ : Непобѣдимый Выпязь ! не симѣ надлежитѣ тебѣ побѣждать Карачуна : надобно самого его низпровергнуть , испоргнувѣ изѣ него симѣ желѣзомѣ вредоносную ево жизнь. Свѣтлосанѣ , возвращенный сими словами въ прежнїя свои чувствованїя , обратился паки къ сестрѣ своей и ея собѣсѣдницѣ : онѣ стоялѣ долго не спущая съ нихѣ глазѣ : на лицѣ ево являлися по перемѣнно умиленїе и нѣжность. О Боги ! возопилѣ онѣ на послѣдокѣ , возможволи подумать , чтобѣ наилучшее и наимпрекраснѣйшее творенїе вашихѣ рукѣ было такѣ уничтожаемо ? Воздыханїя прервали ево слова ; и слезы смѣшанныя съ нѣжными взорами , каковыя кидалѣ онѣ на красавицу , сидѣвшую подлѣ ево сестры , показали ясно ево чувствованїе.

ваніе. Но онъ его и самъ не скрылъ: обратясь къ Левсилу сказалъ онъ воздыхая страстно, что къ претерпѣнію всѣхъ бѣдствъ, которыми онъ вдавался, дабы сыскать и побѣднть Карачуна, побуждала его сперва одна добродѣтель; а теперь присовокупилась къ оной и любовь, говорилъ онъ, которая еще болѣе произведетъ въ немъ мужества, дабы опважиться на сраженіе со врагомъ, коего цѣлая вселенная трепещетъ. Левсилъ, обрадованный его словами, началъ его наиболѣе побуждать къ сему предпріятію, и на конецъ благоразумными своими совѣтами и прозьбами склонилъ его болѣе не мѣдлить; хотя Князь, пронутый сожалѣніемъ и любовію, не весьма спѣшилъ оставишь шоль любезные ему предметы.

Препроводя въ замкѣ нѣсколько времени въ безплодныхъ изысканіяхъ средствъ, дабы разрушитъ очарованіе красавицъ, и не сыскавъ ни какого, опредѣлилъ на конецъ Свѣтлосанъ пуститься паки въ путь. При изшествіи своемъ изъ замка сожалѣлъ онъ весьма, что не могъ

могъ бытъ сопровождаемъ Левсиломъ; ибо хожденіе по морю одному ему было возможно, по причинѣ лежащихъ ево Сандалий; а Превратинъ мужъ не имѣлъ ни какого къ тому средства, по тому что онъ лишенъ былъ Карачуномъ всѣхъ своихъ волшебныхъ вещей, коими могъ нѣчто произвести. Чего ради положили они, чтобъ Левсилъ остался въ семь замкѣ по шѣхъ поръ, пока не возвратится въ оной Князь; а ежели судьба опредѣлитъ ему въ семь путешествій смерть, чтобъ онъ спасался изъ ужаснаго сего мѣста такъ, какъ ему поможетъ счастье; илибъ великодушно умеръ, когда Богомъ такъ угодно будетъ. Въ сихъ и подобныхъ сему разговорахъ прошли они даже до морскаго берега: при семь рубежѣ своего пути Левсилъ, сколько былъ ни мужественъ, но возсеналъ и залился слезами. Въ сію ужасную минушу представились ему вкупѣ всѣ случаи, которые могутъ лишитъ его навсегда обхожденія со свѣтомъ, и нѣжныхъ ласкъ любезной ево супруги. Славенскій Князь упо-

употребилъ все къ ево утѣшенію , и наконецъ увѣря его о непремѣнной Боговъ защитѣ , и принеся онымъ свою молитву , простился съ своимъ другомъ , и вступилъ на жидкую и непостоянную стихію.

Сколько взоръ Левсиловъ могъ простираться по пошпу , и пока могъ видѣть идущаго по немъ Свѣтлосана , пошуда не спускалъ онъ съ него глазъ ; и когда онъ сокрылся уже совѣмъ отъ ево очей , тогда степенщій Армянинъ , возсылая на Небо моленія въ его пользу , возвратился паки въ замокъ.

Между шѣмъ Славенскій Князь , побуждаемый надеждою найсти и побѣдить Карачуна , летѣлъ болѣе нежели шоль. Онъ вдался въ пріятную задумчивость , которую произвела въ немъ прелестная незнакомка : нѣжность ея и красота , впечатлѣвшіяся въ ево сердце , наполнили все ево воображеніе , и переводили ево душу изъ снраспи въ снрасть ; шо воспалаяся наисильнѣйшею любовію , клялся онъ во вѣкъ ее любить и обожать ; шо вспомя ея очарованіе , приходилъ онъ въ ужасную

ную ярость, и призывая на помощь Боговъ и смертныхъ, бѣжалъ обнажа свой мечъ, мня поспигаать Карачуна, и поражаши его. Въ семъ волнованіи спрасшей пребылъ онъ по самую темную ноци; но и она бы не разрушила его задумчивости, когдабъ не извлекъ его изъ огня сильный шрескъ, подвѣзшійся на воздухъ. Свѣтлосанъ остановился, и озираяся повсюду, увидѣлъ на воздухъ преужасное облако, которое составлено было изъ всѣхъ стихій: вода ярилась въ немъ отъ преужаснаго огня, коимъ вся сія Громада была наполнена; земля, и спершійся въ ней воздухъ, угнетаемый разными металлами и минералами, будучи разжигаемы пламенемъ, производили между собою пресшрашную борьбу, громъ и шрескъ, подобный преужасному трясенію земли. Однимъ словомъ, ето былъ видъ истиннаго Хаоса, о коемъ повѣспвующи намъ стихотворцы. Сія прегрозная туча лешя прямо на Славенскаго Князя, готова была его сжечь, и преворити въ небывіе: уже она на него ниспадала, и одиявъ мигъ

мигъ оставался ево жизни , какъ неустрашимый сей Князь , лишенный всякїя помощи , и долженствовавшій умереть отъ единого ужаса , выхватилъ свой мечъ , и не размышляя ни мало , поразилъ имъ въ сіе облако , которое въ шотъ же мигъ лопнуло и исчезло , а вмѣсто его явился на воздухъ гнусный Карачунъ , въ видѣ преспаднаго Исполна . Ты не избѣжишь отъ моея казни , злодѣй ! вскричалъ онъ Свѣпелосану ; искусство мое преодолѣетъ наконецъ твое безстрашіе . Сказавъ сіе скрылся онъ изъ вида , во образѣ ужасныя кометы . Славенскій Князь ввергнушій симъ видѣніемъ въ превеликое удивленіе , стоялъ нѣсколько минушъ чюдясь сему приключенію . На послѣдокъ , усматривая въ семъ случаѣ ясно Божескую къ себѣ помощь , воздалъ онъ благодареніе Небожителемъ , и предавъ себя ихъ защитѣ , отправился пакы въ свой путь , неся съ собою обнаженный свой мечъ , думая симъ предостеречь себя отъ внезапныхъ Карачуновыхъ нападений .

И въ самомъ дѣлѣ мечь сей имѣлъ такую силу, что отъ блистанія ево изчезало всякое привидѣнiе ; и уже Свѣшлосанъ не имѣлъ на себя явнаго нападенія. При усмотрѣнiи на пути своемъ острова , взшелъ онъ на него , и провелъ на немъ спокойно всю шу ночь , не смѣя однакожъ сомкнуть своихъ очей. На другой день , будучи помимъ жаждою и голодомъ , сыскалъ онъ въ лѣсу нѣсколько Кокусозыхъ орѣховъ , копорые алчъ ево ушодили. Онъ ихъ взялъ нѣсколько съ собою , и отправился паки въ пушь , прося Боговъ препроводить его поскорѣ къ Карачунову замку. Такимъ образомъ странствовалъ онъ съ мѣсець , дни препровождая въ безпреспанномъ шествiи , а ночи на островахъ въ презожномъ снѣ; ибо опасность отъ Карачуна прерывала ево сонъ почти по минушно.

Всѣ сiи трудности , безпреспанное шествiе, голодъ и жажда, зной и хладъ , и безпокойный сонъ , не токмо не ослабили бодрости Славенскаго Князя , но паче еще прiумножали оную надеждою сыскашь и

побѣдишь Карачуна. Вв одинъ вечеръ, когда онъ подходилъ къ нѣкоторому большому острову, чтобъ по обыкновенію своему на ономъ переночевать, и запаснись плодами на дороге, вдругъ вода, по которой онъ шелъ, начала подъ нимъ кипѣть, такъ что жара, производившаго ошъ нее, не могъ онъ стерпѣть, и принужденъ былъ подняться на воздухъ; откуда онъ увидѣлъ, что лежащей предъ нимъ островъ находился весь въ дыму и пламени. Подошедъ къ оному поближе усмотрѣлъ онъ, что островъ сей колеблемъ былъ преужаснымъ землетрясеніемъ, которое умножалось по всеминутно: вдругъ превеличайшія ево горы съ громомъ и прескомъ проваливались сквозь землю, и оставляли на мѣсто свое глубочайшія пропасти, исполненные дыма и огня; въ другихъ мѣстахъ долины, обремененныя прешолстыми древами, взрывало на воздухъ, съ превеличайшимъ стукомъ, прескомъ и лопаньемъ, и поднявшіеся ошъ того песокъ и пыль, зашмевая свѣтъ, летѣли по всѣмъ сторонамъ съ обломками

ками деревъ и каменьевъ. Вой и ревъ живописныхъ, присовокупившіеся къ симъ ужасамъ, представляли тогда сей часъ послѣднимъ часомъ, и истиннымъ преславленіемъ свѣта.

Свѣплосанъ при видѣ сего нестроенія природы остановился, мня себя долженствующимъ уклониться отъ сего острова, и искать другаго; ибо песокъ, щебень и каменя, затмевавшіе свѣтъ, летѣли даже до него, и начали причинять ему безпокойствіе и вредъ; а далѣе слѣдовать и совсѣмъ невозможно казалось, пошому что на всякомъ мѣстѣ острова дѣлалися то пропасти, то взрывы, а вода вокругъ онаго кипѣла какъ въ котлѣ. И такъ Славенскій Князь поворошилъ отъ него вправо, увидя въ сей сторонѣ другой островъ. Но лишь только зачалъ отъ него идти прочь, то и почувствовалъ въ себѣ нѣкую тягость, которая пригнѣтала его къ морю; и какъ только спустился онъ на поверхность воды, то и началъ въ оной вязнуть и тонуть. Сіе неожиданное приключеніе привело его въ превеличайшее недоу-

мѣнѣ : онѣ не могѣ понять сему причины , и не зналъ что дѣлать. Въ семѣ ево недоумѣнїи , вынырнувшій предѣ нимѣ престрашный Аллигаторѣ такѣ его испужалѣ , что онѣ кинулся отѣ него назадѣ , и къ великому своему удивленїю нашелѣ , что вода за нимѣ такѣже была для него тверда , какѣ и преждѣ. Сей случай паки заставилѣ его размышлять : онѣ зачалѣ испытывать воду то назадѣ то напередѣ , и на послѣдокѣ увидѣлъ , что вода ведущая къ острову была для него тверда , а назадѣ такѣ жидка , что не могѣ на ней держаться. Сей случай подалѣ ему мысль думать , что не Боги ли сіе чудо дѣлають для понужденїя его ити впередѣ , изобразуя можетѣ быти симѣ , что онѣ найдеть впередѣ Карачуна ; а ежели обратится назадѣ , то спашеть отѣ него отдалять.

Сїя мысль такѣ вкоренилась въ него , что онѣ предпрїялъ ей слѣдовать ; поблагодаря сперва Боговъ за сіе внушенїе , и призвавъ ихѣ въ помощь , обратился назадѣ. Однакожѣ пошелѣ онѣ не прямо къ острову ,
колебав-

колебавшемся отъ землетрясенія , но вѣво отъ него ; но лишь только поровнявшись съ онымъ хотѣлъ отъ него отдалиться , то опять спалъ вязнуть. Сей случай паки привелъ его въ недоумѣнїе : онъ началъ испытывать воду по всемъ сторонамъ , и нашелъ на послѣдокъ , что она повсюду была для него вязка кромѣ той полосы , кошорая вела къ колеблющемуся острову. Сїе паки свергло его въ размышленїе , кошорого не могъ онъ разобратъ ; но въ семъ сомнѣнїи будучи , увидѣлъ онъ нисходящую молнїю съ небесъ , кошорая стремилась прямо на островъ , и лишь только на оный снишла , то шрясенїе ево вполы уменьшилось. Сїя случайность заспавила его мыслишь , что на островъ семъ скрывается для него какая нибудь тайносшь , къ отккрытїю коея сами Боги его привлекаютъ. Утвердясь въ сей мысли пошелъ онъ къ острову , и по швердости пуши удостовѣрился въ томъ наиболѣе.

Но по приближенїи его къ сему острову наипаче оный воспламенил-

ся, и горящая пыль, обломки, каменья и цѣлыя глыбы полетѣли на Свѣтлосана больше прежняго. Будучи въ сей крайности старался онъ всячески оиѣ ихъ уклоняться; но не возмогая успѣшь въ томъ совершенно, по причинѣ множества летѣвшихъ на него камней, вздумалъ онъ отвращать ихъ отъ себя волшебнымъ своимъ мечемъ; и лишъ только учинилъ онымъ первое по ихъ движеніе, то къ несказанной своей радости увидѣлъ, что сія сыплющаяся пуча очевидно стала умаляться. Побуждаемый симъ успѣхомъ, началъ онъ поскорѣе ити къ острову, и мечемъ своимъ отвращать и поражать сыплющійся на него щебень, каменья и глыбы, которые по мѣрѣ его поражений часъ отъ часа умалялись. Такимъ образомъ дошелъ до самаго берега по воздуху, увидѣлъ онъ къ своему огорченію, что никакъ не можно было вступить на островъ, по причинѣ умножившагося безмѣрнаго его трясенія.

Онъ остановился опять при семъ рубежѣ, и не зналъ что за-
часть;

чашь : назадъ не пушчала его жид-
 коспъ воды и воздуха , а на берегѣ
 вспупишь онѣ опасался , дабы не
 провалишься ; но вообразя , что къ
 сему его побуждаюшъ сами Боги ,
 принявъ онѣ отважное намѣреніе
 послѣдовать ихъ волѣ , и въ семѣ
 первомѣ движеніи своея бодрости
 вскочилъ онѣ на берегѣ , который
 восколебавшись отъ иго сильнѣе ,
 уронилъ его на землю. Тогда Князь
 подумалъ , что онѣ погибѣ ; но къ
 превеликой своей радости увидѣвъ ,
 что берегѣ спалъ пряснися пише ,
 будучи пораженъ при его прико-
 сновеніи волшебнымъ ево мечемъ.
 Возставъ отъ земли принесъ онѣ
 теплыя моленія Богамъ , благодаря
 ихъ за покровительство , и прося
 продолжиши къ нему свое защище-
 ніе. Между тѣмъ колеблющійся ос-
 тровъ не преспавалъ возмѣпашъ на
 него пламенбующіе камни и глыбы ,
 которые Свѣплосанъ принужденъ
 былъ по всеминутно отвращашъ сво-
 имъ мечемъ , подвигаяся припомъ
 безпреспанно впередъ. Во время сего
 труднаго ево шесшвія , подыавшейся
 изъ одной пропасти , превеликій ра-
 спален-

спаленный камень лешѣль прямо на Свѣшлосана, чшобѣ сокрушить его и лишить жизни въ одну минуту. При приближеніи онаго Князь, принеся паки Безсмершнымѣ свою молитву ошановилса, и прицѣлясь на него своимѣ мечемѣ, поразилѣ его споль сильно, чшо по ударѣ своемѣ спотыкнулся и упалѣ. Камень разсыпалса сѣ превеликимѣ спукомѣ въ дребезги, а Свѣшлосанѣ, воспавѣ на ноги, былѣ пораженѣ неожидаемымѣ предметомѣ.

Островѣ, колебавшійся прешрашно до сей минушы, сдѣлалса по восшаніи ево неподвиженѣ, и на мѣсто пламени, дыма и пропащей, былѣ покрытѣ превысокими горами, одѣянными снѣгомѣ и льдомѣ, по срединѣ которыхѣ явилса замокъ, сооруженный весь изѣ спали, блестящейса на подобіе лучезарнаго камня. Видѣ ево споль былѣ ужасенѣ, чшо онѣ походилѣ болѣе на жилище Нии, прямой адѣ, въ которомѣ сохраняющса казни для беззаконныхѣ человѣковѣ. О Боги! вскричалѣ увидя его Князь, вошѣ конечно жилище ужаснаго
 Карачуна.

Карачуна, къ которому благоволили вы меня препроводить, не смотря на всё его ухищрѣнїя! И когда вы явились въ семь только для меня щедры, то пробавьте ко мнѣ въ сей спрашннй часъ вашу благость, и помогите мнѣ низложить сего пресипрашнаго врага человѣческаго рода. При окончанїи его молитвы небо возгремѣло пресильнымъ образомъ, и тѣма молній ниспала на блиспающій зѣмокъ, который въ шужь минушу лишился всего своего сїянїя.

Увидя сіе чудо Славенскій Князь, позналъ изъ того ясно, что Небо по немъ побораесть, и уменьшаесть ему труды и опасности. Онъ пролилъ отъ радости слезы, и бросясь на колѣни возмалъ Небожителямъ усерднѣйшїя благодаренїя и молебны. Окончавъ же свои моленїя, пошелъ онъ прямо къ зѣмкѣ, въ швердомъ будучи намѣренїи или погибнуть, или побѣдншь Карачуна. Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ сему зданїю, тѣмъ болѣе изъявлялися всё его ужасности; всё онаго стѣны и кровли покрыты были такими пресипрашннми

Часть III. Ж ми

ми чудовищами, что одно смотрѣ-
 вѣе на нихъ могло умершвишь про-
 спаго человѣка. Но Свѣплосанѣ,
 имѣя съ подобными имъ спрашили-
 щами многія сраженія, изъ копорыхъ
 завсегда выходилъ побѣднелемъ,
 уповалъ и сихъ съ помощію Боговъ
 преодолѣть. Чего ради не сомнѣва-
 яся нимало поднялся онъ на воз-
 духъ; ибо иначе чрезъ спѣны не
 можно было перейти, а воротъ ни-
 гдѣ у оныхъ не было. Но лишь
 шолько поднялся онъ вровень со
 спѣнами, и хотѣлъ чрезъ нихъ
 перелетѣть въ замокъ, но вдругъ
 всѣ покрывавшіе оной спрашилищи
 съ преужаснымъ ревомъ, скрежежомъ,
 и пламеннымъ зѣніемъ, устремилися
 къ нему въ такомъ множествѣ, что
 зашмили весь около него свѣплѣ. Ка-
 кою бодростію и мужеспвомъ ни
 былъ вооруженъ Свѣплосанѣ, и
 какъ проворно ни защищался все-
 имъ мечемъ, но на конецъ множе-
 ство ихъ начало его преодолѣвать.
 Вскорѣ попомъ драгоцѣнный ево
 мечъ вышибло у него изъ рукъ, и
 къ совершенію ево несчастія, одинъ
 изъ наилоудѣйшихъ сихъ спраши-
 лидѣ

лицѣ сорвалъ у него съ ноги Сандаляю , коея лилася Князь , не могъ болѣе держаться на воздухѣ , и полетѣвъ спремглавъ на землю , которую увидѣвъ онъ разверзнуся на подобіе ужасныхъ хляби , изъ коея выходило пламя , гошное превворишь его мгновенно въ прахъ .

При видѣ сея блискія смерти , Славенскій Князь лишился всей своей бодрости , и столько лишь сохранилъ въ себѣ мужества , чтобъ предать безбоязненно душу свою Богамъ . Напротивъ чего Карачунъ , имѣвшей тогда видъ гнусѣйшаго и ужаснѣйшаго страшилища , возрадовался и восплескалъ своей побѣдѣ , и въ пущее посрамленіе Свѣшлосану , принявъ на себя точный свой видъ , и приказавъ скрыться всѣмъ слѣдовавшимъ за нимъ чудовищамъ , погнался одинъ съ саблею за Свѣшлосаномъ , чтобъ имѣнь лютое удовольствіе умертвить его самому , во время его паденія , и мертвого уже низринуть въ приготовленную сему Князю пропасть .

Онъ догналъ его вскорѣ , крича ему ругаяся : постой , любимецъ

Безсмертныхъ: постой, и восприми отъ меня доспойное награжденіе за свою дерзость. Но разгнѣванные Боги лютоспію сего злодѣя, обрашили самому ему во зло ево надмѣнность. Ибо гдѣ ни взявшись превеликій крылатый змѣй, держащій во ршѣ своемъ предлинный каменный ножъ, подхватилъ лешащаго Свѣтлосана къ себѣ на спину, и шѣмъ самого его привелъ въ состояніе напасть на Карачуна. Князь видя къ себѣ толь явную Божескую помощь, выхватилъ ножъ изъ змѣиныхъ пасти, и не упуская ни мало времени напалъ на своего злодѣя, не ожидавшаго отнюдѣ сего нападенія, и вонзивъ ему оный ножъ во грудь, повергъ его мертва.

По семъ ево храбромъ дѣянїи воспрепечала вся земля, громъ, шѣма, молній, и сгущенный мракъ возмутили всю природу, и не оставили нигдѣ ни малаго свѣта и спокойства. Успрашенный вѣзвзапно стію сея бури Свѣтлосанъ, не зналъ что о томъ помыслишь, и что начать; какъ вдругъ, по недолгомъ продолженїи сего неспроенія, увидѣлъ

дѣлъ себя на пространной и изпещренной благовонными цвѣтами долинь , и подѣлъ себя зяпя своего Вельдюзя. Онѣ обомаѣлъ отъ радости при видѣ поль любезнаго челоуѣка: несказанное восхищеніе обьяло ево душу: онѣ бросился къ нему въ объятія , и отъ радости на силу могѣ промолвить слово. Вельдюзь равномѣрнымъ объятѣ былѣ чувствіемъ въ разсужденіи его , и не могѣ порядочно извяснить ему своихъ мыслей въ первомъ движеніи своего воспорга. На конецѣ облобызавъ другѣ друга, и извясивъ всѣ ласки дружбы и родства , сѣли они потомъ на праву , чпобѣ удовольствовать себя взаимно разсказаніемъ своихъ приключеній. Сперва Сѣвплосанѣ обьявилъ о своихъ похожденияхъ; а потомъ началъ разсказывать Вельдюзь свои приключенія слѣдующимъ порядкомъ, обьявля въкратцѣ о томъ , о чемъ уже вѣдалъ ево шуринѣ.

*

*

*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВЕЛЬДЮЗЕВЫ.

Когда люшый Карачунъ , говорилъ онъ , обманувъ бѣднаго Видоспана подѣ образомъ Китайца , похищилъ его изъ зѣмка , тогда я , и всѣ ево придворные , искавъ его по всюду тщетно , такъ какъ и мнимаго Богдоханова сына , не знали что о томъ заключить , какъ вдругъ увидѣли на полу въ залѣ , въ кошерую тогда всѣ мы собралися , начертанное золошыми буквами имя Карачуново. При видѣ сего всѣ мы возгласили сіе проклятое имя , и не сомнѣвались уже болѣе , чтобъ не имъ былъ похищенъ великодушный нашъ Видоспанъ. Къ горесипи , объявшеи тогда наши сердца , присовокупилися спрахъ и опасность , чтобъ и намъ самимъ не попасть подѣ власть сего ужаснаго чародѣя. Чего ради положили мы всѣ совокупно , чтобъ не выходишь вонъ изъ зѣмка , пока не узнаемъ чего о Видоспанѣ ; ибо мы увѣрены были , что въ зѣмкѣ намъ Карачунъ ни чего не сдѣлаеть , по причинѣ завороженнаго Видоспанова кабинета.

Но

Но однакожъ безопасность моя въ семъ случаѣ была мнѣ бесполезна, какъ ты теперь самъ услышишь.

Спустя двѣ недѣли по похищеніи Видостановѣ, скучился я сидѣть въ комнатѣ, и вздумалъ прогуляться въ саду, что я и учинилъ поужь минуны, не объявивъ о томъ никому изъ придворныхъ. Епо случилось подъ вечеръ. Благоприятворенноснѣ воздуха, и прельщающіе предметы Видостанова сада, произвели во мнѣ пріятную задумчивость, въ которой будучи ходилъ я очень долго, и наконецъ былъ изъ нее изпоргнутъ пріятнымъ пѣніемъ Колибри. Я оглянулся шуда, откуда слышалъ ея голосъ, и увидѣлъ, что она сидѣла отъ меня недалеко на землѣ. Видъ ея сполько мнѣ прелесненъ показался, что я вознамѣрился ея позмать; чего ради и пошелъ за ней, чтобъ исплоша ея схватать. Но чѣмъ ближе я къ ней подходилъ, тѣмъ больше она отъ меня отдалялась, перепрыгивая впередъ помаленьку. На послѣдокъ дошелъ я съ неко до спѣны сада, раздѣляющей его съ

полеми: ппичка вскочила на стѣну и запѣла, а я между шѣми, подкравшись попохоньку, схватилъ ее за хвостъ. Но лишь только сіе учинилъ, какъ съ превеликою силою былъ ею поднятъ на воздухъ, и выпущенъ вонъ изъ сада; и малая Колибрія превратилась въ потъ же мигъ въ превеликаго строуса. Тогда то, въ чрезвычайномъ моемъ удивленіи и ужасѣ, позналъ я, что подался въ руки ко страшному моему злодѣю.

И въ самомъ дѣлѣ ето былъ Карачунъ: онъ принялъ потчасъ любимый свой видъ, преспрашнаго и прегнуснаго Волопа; и схватя меня въ преогромныя свои руки, поднялся со мною на воздухъ. Онъ опомчалъ меня въ минушу весьма далеко отъ замка, и поровнявшись со мной надъ каменною горою, сказалъ мнѣ свирѣпымъ голосомъ: слабый и дерзновенный врагъ! неужели ты думалъ, что Карачунъ оставитъ тебя спокойна по претерпѣніи отъ тебя обиды? Нѣтъ, етова подлова чувствованія ячуждъ, и великой моей душѣ едино мщеніе приспойно и угодно. Избавишель твоей

твой уже наказанъ ; присоволюпилъ онъ; познай и шы въ свой рядъ дѣйствіе моего гнѣва. Выговоря сіе бросилъ онъ меня съ воздуха на каменную гору, произнося сіи слова: когда уже по власти немилосердыхъ Боговъ не можно мнѣ моихъ враговъ умершвлять, такъ по крайней мѣрѣ превратися въ итакое гнусное живошное, чпобъ жизнь швоя въ ономъ была тебѣ горчае смерти, и пребудъ во странномъ видѣ до сама мя моя кончины. Адъ голосъ ево услышалъ, и Боги, за несправедливое мое убіеніе неповинныхъ Князей, на зложеланіе ево соизволили. Я упалъ на объявленную мною гору, и разбѣгшись почти въ дребезги, превратился въ скорпію.

Представъ себѣ, любезный мой Свѣплосанъ, говорилъ Полошскій Князь, какая горестъ доваѣла тогда объяви мое сердце! Я охотно соглашался тогда умереть, чпобъ избавишься только отъ шоль гнуснаго вида; но не имѣя силы шого исполнишь, принужденъ былъ повиноваться злему моему року. Чувствуйжъ чпо сами Небожители на

сіе попушають, предпріялъ я повинувашься ихъ волѣ, и по предписанію ихъ помогаю несчастнымъ, есѣли возмогу найши къ тому случаю. И въ самомъ дѣлѣ не долго я онаго искалъ: ибо по нѣсколькихъ дняхъ пресмыканія моего по лѣсамъ, набрелъ я нѣкогда на шайку разбойниковъ, кои ограбя извѣстнаго тебѣ Древлянскаго Князя, привязали его къ дереву, и одинъ наилучшій изъ нихъ хопѣлъ его застрѣлить, то я въ самое по время ужалилъ его смертельно въ ногу; и шѣмъ одного наказалъ за безчеловѣчіе, а другаго избавилъ отъ смерти. Сіе мое дѣяніе не оставили милосердые Боги безъ награжденія: я получилъ тогда же видѣ ворона, и въ семъ образѣ подиался совершенно освободить отъ смерти Оспана, привлекии себя къ нему. Боги не оставили меня и за сіе безвъздаянія: я превратился въ зайца, и въ семъ новомъ видѣ имѣлъ счастье спасти тебя отъ львовъ, разтерзавшихъ твоего коня.

Какъ мнѣ желалось тогда содѣлаться паки человекомъ, чѣтобъ
 обло-

облобызать себя, и раздѣлать съ тобою всѣ свои труды, дражайшій мой свойственникъ; но судьба моя шому еще прошивилась, и преращя меня въ соловья, увлекла меня на помощь шой дѣвицѣ, которую похишилъ сказанной тобою разбойникъ. Вотъ какъ ешо производило. По прешворенїи моемъ въ сїю пшичку, почувствовавъ въ себѣ нѣкое стремленїе лепѣть на Индїйское море, направилъ я шуда мой полетъ, и по нѣкоемъ времени прилетѣлъ на одинъ изъ ево острововъ. Сѣвъ на дерево, и начавъ осмапривать сїю прекрасную шрану, услышалъ я визгъ производившей недалеко отъ того мѣста, гдѣ я находился, я обративъ шуда глаза увидѣлъ, что мужчина, свирѣпаго вида, держалъ въ своихъ рукахъ прекраснаго лица дѣвицу, и хотѣлъ силою похишнить у нее то, что свойственно снискивать одними только услугами и ласками, или полновѣсными червонцами, смопря по свойшву красавицы. Дѣвушка кричала изо всей силы, и рвалась у него изъ рукъ, однакожъ силы

ея

ея не соопеѣвспрововали ея невинно-
 спи; и разбойникѣ конечно бы ея
 преодолѣлъ, естѣлибѣ не послали
 Боги меня къ ней на помощь. Ибо,
 будучи пронувѣ слезами и несча-
 сшїемѣ сея неповинныя красавицы,
 пожелалѣ я оупѣ всего моего сердца
 ей помочѣ, и вдругѣ увидѣлъ себя
 превращенна, несомнѣнно по волѣ
 всемогущихѣ Боговѣ, въ свирѣпаго
 шигра. Лишѣ только принялъ я сей
 видѣ, то и кинулся на разбойника,
 и не давѣ ему времени справихся,
 разшергалѣ его почти до смерпи.
 Дѣвушка между шѣмѣ убѣжала на
 морской берегѣ, находившейся не-
 далеко оупѣ насѣ, успрашася меня,
 и боясь и себѣ подобной же учаспи,
 какую имѣлъ и разбойникѣ; но
 свойство и образѣ шигра даны мнѣ
 были для наказанїя злодѣйства, а
 не для покаранїя невинности. Я
 побѣжалѣ за нею, чшобѣ сохранишѣ
 ее оупѣ опасносшей, могшихѣ ей
 приключихся; а она увидя меня
 бѣгуща за собою, испужалася того
 пущѣ, и бросилася въ опчаянїи
 своемѣ въ море; я кинулся шакже
 шуда за нею, и увидѣлъ себя опять
 пре-

превращенна въ Дельфина. Получа сей видъ, подплыль я шопчасъ къ сей дѣвицѣ, и подхватя ее къ себѣ на спину, понесъ ее по морю, будучи влекомъ невѣдомою мнѣ силою, и чрезъ нѣскольکو часовъ привезъ ее къ берегу ея родины.

Какъ шолько она вышла на оный, шо и была шопчасъ окружена знакомцами и сродниками своими; ибо городъ ихъ споялъ подлѣ самаго берега. А я, не имѣя нужды больше шуть мѣдлить, погрузился въ море, и плавая нѣскольکو времени во глубинѣ онаго, нашель швой мечъ; я его шопчасъ узналъ, и думая что шы какимъ нибудь случаемъ находишся на семъ море, или лучше сказашь, влекомъ будучи силою Всевышнихъ, поднялся я на поверхность водъ; и въ самое шо время паки имѣлъ счастлие спасти себя отъ гонящагося за шобою Карачуна. Едва шы выхватилъ уменя свой мечъ, какъ погрузился я паки во глубину, и почувствовавъ въ себѣ нѣкую премѣну, увидѣлъ на концѣ что я уже не Дельфинъ; но морской левъ. Не странна мнѣ была
сѣя

сія перемѣна, ибо къ чуднымъ симъ превращеніямъ имѣлъ уже я привычку. Я возблагодарилъ Богомъ, что они способствовали мнѣ избавить столько людей отъ напасти, и просилъ ихъ и впредь меня употреблять къ шаковымъ же помощамъ. Молитва моя была не тщетна, любезный мой шуринъ, говорилъ Вельдюзь Свѣплосану; я тебѣ опять помогъ промысливъ тебѣ кустъ Кокусовыхъ орѣховъ. Послѣ чего превратися въ морскаго орла, и будучи побуждаемъ Богами, способствовалъ я тебѣ разрушить очарованіе Левсила; допомъ, по ихъ же побужденію, вынырнувъ предъ симъ островомъ въ видѣ Аллигатора, принудилъ тебя слѣдовать къ сему острову; и на послѣдокъ превратися въ крылатова змѣя, и нашедъ на здѣшнемъ острову каменный ножъ, полетѣлъ къ тебѣ на помощь, и имѣлъ послѣднее и наибольшее всѣхъ удовольствіе, помочь тебѣ противу общаго нашего врага и злодѣя.

Сказавъ сіе паки бросился онъ лобызашъ Свѣплосана, кошорый, услышавъ

лишавъ сколько разъ помогалъ онъ ему , и спасалъ его отъ смерти , еще болѣе былъ шѣмъ шронуть ; онъ не возмогъ порядочно ему возблагодарить , будучи восхищенъ великодушнѣмъ его ; но только проливалъ радостныя слезы , лобызая его и превознося : что было для Вельдюза сладостнѣе всякаго вѣспѣсва . Оба вкушали они тогда величайшую радость , видя и лобызая другъ друга , какъ были вдругъ приведены въ прѣятнѣйшій восторгъ , увидя идущаго къ себѣ Видостана . Всѣ шрое возгласили они имена одинъ другаго , и бросилися ко взаимному облобызанію . Чистѣйшая радость объяла ихъ души : они всѣ совокупно вѣщали другъ ко другу , извѣсняя восхищенія свои и восторги ; сіе смѣшеніе гласовъ было для нихъ тогда наипрѣятнѣйшимъ согласіемъ , и превосходнѣйшимъ всякія музыки , исчадія скуки и роскоши .

Но не успѣли еще они насытятся лицезрѣніемъ другъ друга , какъ Вельдюзь и Видостанъ вскричали , какъ будтобъ чего испужа-
 ясь :

ясе: Свѣшлосанъ подвѣялъ шуда очи, ошкуду казался производишь ихъ страхъ, и увидѣвъ идуща къ себѣ Липоксая въ шомъ безобразнѣйшемъ видѣ, въ каковомъ узрѣвъ онъ его въ пещерѣ. Князь обрадовался ему чрезвычайно, и пошелъ къ нему на встрѣчу, между шѣмъ какъ Полочанинъ и Индѣецъ стояли въ удивленіи. Липоксай бросился въ ноги Славенскому Князю, благодаря его за освобожденіе свое отъ узъ и мученія. Свѣшлосанъ, чшобъ не оставить другихъ долѣе въ безызвѣстїи, разсказалъ имъ вкратцѣ ево исторїю, и шѣмъ лишилъ ихъ всякаго страха; ибо они подумали было сперва, что епо былъ Карачунъ, оживленный силою своихъ чародѣйствъ. Но Липоксай ихъ увѣрилъ, что онъ погибъ точно; ибо злоключеніе его соединено было съ ево смертію.

По семъ прїяшномъ увѣренїи, пали они всѣ на землю, принося благодарственную молитву Безсмертнымъ за избавленіе свое отъ страшнаго Карачуна. Послѣ чего начали они вопрошашь другъ друга,

га,

га, что съ ними сдѣлалось во время ихъ разлуки ; и когда Свѣшлосанъ и Вельдюзь рассказали свои приключенія , тогда Видостанъ объявилъ имъ о своихъ слѣдующее.

Моя исторія не очень долга , говорилъ онъ : когда въ послѣдній разъ обманулъ меня въ саду злоковарный Еёювъ , и злые ево прислужники, бросивъ въ желѣзную колесницу , помчали меня по воздуху съ необычайною скоростію , по вдругъ очутился я на семъ страшномъ островѣ , посреди безчисленнаго множества прегнусныхъ чудовищъ. Минуту спустя явился и Карачунъ : онъ имѣлъ испуганный и свирѣпый зракъ. Злодѣй! сказалъ онъ мнѣ , ежелибы сила моя равна была моему мщенію , то сея же бы минушы шы, и опасныя твои друзья, были онъ меня преданы наимучительнѣйшей казни ; но когда сего удовольствія несправедная Судьба меня лишаетъ , такъ по крайней мѣрѣ восприми видъ единого изъ сихъ чудовищъ , и пребудь въ ономъ до моего издыханія. По сихъ

Часть III. 3 ужасъ

ужасныхъ словахъ ударилъ онъ меня своею дубиною , и превратилъ въ самаго гнуснѣйшаго страшилища. Вы можете себѣ представишь, государи мои, говорилъ Индїянинъ слушателямъ своимъ , сладостно ли мнѣ было влачишься въ полъ гнусномъ видѣ по сему ужасному оспрову , вспоминая первое великолѣпное мое состоянїе ! По всеминутно возсылалъ я молишвы Богамъ , чшобъ они или опняли жизнь мою , или бы возвратили мнѣ прежнїй мой видъ и состоянїе ; однакожъ долго принужденъ я былъ сего ждать ; и можетъ бышь никогда бы сего не дождался , естлибъ побѣда твоя , лишивъ жизни общаго нашего врага , не возвратила мнѣ прежняго вида и свободы. А какимъ образомъ получилъ я ихъ паки , и какїя имъ обстоятельствова предшествовали , сіе также доспойно вашего любопытства , и для того расскажу вамъ о помѣ въ короткихъ словахъ.

За день до пришествія твоего сюда , продолжалъ онъ обращая къ Свѣтлосану , предсталъ передъ меня Карачунъ во свирѣпомъ и опчаян-

чаянномъ видѣ , препровождаемый шестью единоголазыми Исполнами , копорые держали въ рукахъ своихъ тяжелья желѣзныя цѣпи. Не говоря мнѣ ни слова , приказалъ онъ послѣдователямъ своимъ оковать меня ими , и ишущишь на высочайшую гору , сипоявную прямо прошиву ево замка. И когда мы на оную^ю прибыли , тогда сей волхвъ приказалъ меня , къ оной приковать. Ты учащникъ моего злодѣя , сказалъ онъ мнѣ попомъ , копорый приближаешся сюда для нападенія на меня. Судьба опредѣлила одному изъ насъ завтра умереть : и ежели буду я побѣжденъ , то ты воспримешь паки свой видѣ , и я погибну невозвратно со всѣмъ моимъ знаніемъ. Но ежели буду я столько счастливъ , что хитроси мои превозмогутъ силу моего врага , то непременно умретъ онъ отъ моея руки , со всѣми своими единомышленниками , въ коихъ числѣ находишья и ты : ибо такъ опредѣлила владычествующая надъ Богами Судьба. Въ теперишней моей крайности , присовокупилъ онъ , принужденъ я и тебя опасаться ,

слабый врагъ! дабы не подалъ ты
 какія помощи моему сопостату; и
 для того пребудешь ты въ сихъ
 оковахъ по шбхъ поръ, пока швоя
 или собственная моя смерть не из-
 бавитъ тебя отъ оныхъ. Сказавъ
 сіе онъ исчезъ, и купно съ нимъ
 страшные ево прислужники, а я
 остался въ превеликой горести и
 боязни, не столько о своихъ дняхъ,
 сколько о жизни того Выпязя, ко-
 торый шелъ, по словамъ Карачуна,
 наказати его за ево шيرانшво.

Весь остатокъ того дня, и наи-
 большую часъ слѣдующаго, про-
 велъ я въ безпрестанномъ страхѣ
 о будущей моей судьбѣ, и въ
 принесеніи неусыпныхъ моливъ
 Безсмертнымъ. На послѣдокъ на дру-
 гой день, когда солнце начало скло-
 няться къ своему захожденію, усмо-
 трѣлъ я страшную перемѣну на
 островѣ: замокъ Карачуновъ отъ
 глазъ моихъ сокрылся, а на мѣсто
 онаго увидѣлъ я обширное облако
 пламени и дыма, стремящееся на
 высоту, и будтобъ изрыгаемое зе-
 млею. Послѣ чего весь островъ при-
 шелъ въ превеликое движеніе: горы
 ево

его исчезали, а горы воздымались; однимъ словомъ глазамъ моимъ представилося преужасное землетрясеніе; хотя въ самомъ дѣлѣ было сіе ничто иное, какъ обманъ Карачуновъ, дабы тебя усипраишь, и недопустишь до своего жилища; что я послѣ совершенно узналъ, когда Боги вспомошествова тебѣ, дражайшій мой Свѣшлосанъ, ниспустили шьму молній на сей островъ, то въ самый погѣ мигъ неспроеніе его исчезло, и онъ паки воспріялъ прежній свой видъ.

Въ погѣ самый часъ и тебя я увидѣлъ на островѣ. продолжалъ онъ говоришь Свѣшлосану, приносяща мочилву Безсмертнымъ, и гоповящася напастъ на замкъ. Между шѣмъ Карачунъ собиралъ всѣхъ своихъ лютныхъ прислужниковъ, копорые имѣли прегнусные и преспрашныя виды. О какъ погѣ, примолвилъ Индїянинъ, шрепепало мое сердце, волнуясь между страхомъ и надеждою! Чѣмъ ближе подходилъ шы къ замку, шѣмъ больше увеличивалась моя боязнь, и шѣмъ сильнѣе вооружался на тебя Еей-опѣ.

опѣ. Напослѣдокъ когда ты поднялся на воздухъ , дабы вступишь въ замокъ , тогда Карачунъ , имѣвшей видѣ прелютѣйшаго чудовища , бросился на тебя со всеѣми своими прислужниками , и окружилъ тебя со всеѣхъ сторонѣ . Я бросился на землю , проливая слезы , и умолая Боговъ ниспослать тебѣ свою помощь , не спущая однакожъ съ глазъ тебя и твоихъ враговъ . Разсуждая полютой ихъ ярости , силѣ и множеству , не могъ я ласкаться швоею побѣдою ; да и конечно бы ты погибъ , еслилибъ сами Боги тебѣ тогда не помогли ниспосылая безчисленныя молніи , кои поражая чудовищей , приводили ихъ въ безсиліе .

Наконецъ , къ превеликой моей горести и ужасу , увидѣвъ я , что снишедшая громовая стрѣла , вышибла у тебя изъ рукъ мечъ , который въ паденіи своемъ превратился въ длинный ножъ , и вскорѣ послѣ того тебя упавша , и полетѣвша стремглавъ на низъ . Я обмеръ отъ страха увидя сіе , и подумалъ , что сами Боги согласились на швою погибѣль ; но вскорѣ усмотрѣвъ

шрѣлъ мою ошибку, увидя преславную шебѣ ихъ помощь. Ибо коль скоро усмошрѣлъ Карачунъ, что ты ниспадаешь въ пригопвленную имъ шебѣ пропасть, то возгордась заранѣе своею побѣдою, воспріѣлъ испинный свой видѣ, и погнался за тобою съ саблею, чтобъ имѣшь удовольствіе самому шебя умершвить; но Боги сію ево горлосць вскорѣ посрамили. пославъ шебѣ на помощь крылатаго змѣя, сыскавшаго превращенный пивой мечь въ ножь, кошорымъ ты вооружась, поразилъ гонившагося за тобою Карачуна, и съ жизнію ево окончилъ всѣ ево злодѣиспы и злоумышленія.

Какъ же скоро ты его пронзилъ, продолжалъ Индіянинъ, то пѣма молній снисшедшихъ съ небесъ, сожгла ево шѣло на воздухъ въ прахъ; а замокъ ево, со всѣми чудовищами, провалился сквозь землю съ великимъ шумомъ, отъ чего поднявшаяся пыль и дымъ отъ молній зашпили весь воздухъ, и скрыли шебя отъ глазъ моихъ. Въ тогдашней моей радости палъ я на землю,

млю , принося жарчайшее благода-
реніе Безсмертнымъ , за дарованіе
тебѣ побѣды надъ общимъ нашимъ
врагомъ. Послѣ чего почувствовавъ
въ себѣ легкость , всталъ я отъ
земли, и увидѣлъ себя, къ несказан-
ной моей радости, безъ оковъ и въ
прежнемъ моемъ человѣческомъ ви-
дѣ. Я паки повергся ницъ, возсылая
благодарственное моленіе Небесамъ,
сошворившимъ со мною сіе чудо.

Между тѣмъ прочистившейся
отъ мрака воздухъ, явилъ очамъ мо-
имъ, на мѣсто Корачунова замка и
ево ужасовъ, прекрасную долину, и
себя сидяща на оной самдругъ. Я
бросился къ вамъ бѣжать , чпобъ
облобызати тебѣ , любезный мой
Свѣшлосанъ , и возблагодарить те-
бѣ , яко виновнику , за мою свободу
и разрѣшеніе отъ очарованія. Къ
совершенію же моей радости , на-
пелъ я съ побою и любезнато мое-
го Вельдюзя , котораго я мнилъ
давно уже погибша. Сказавъ сіе
бросился онъ паки къ лобызати ,
изъявляя имъ наичувствительнѣй-
шимъ образомъ искренность своего
дружества.

А я , сказахъ тогда Липоксай ,
возснлаю Безсмертнымъ тѣмъ вя-
щую славу и благодареніе , что
они избавя меня отъ лютаго моего
ширана , испребили съ нимъ вкупѣ
и вину моего злодѣянія; ибо въ зам-
кѣ ево , погибшемъ съ нимъ совокуп-
но , находилися всѣ произведенныя
мною волшебныя вещи , копорныя ко-
варствомъ своимъ собралъ онъ опо-
всюду. Теперь уже я уповаю , при-
молвилъ онъ , что праведные Боги
вскорѣ содѣлаютъ конецъ моему на-
казанію , и упокоятъ меня въ жили-
щѣ усопшихъ съ моими предками .

Послѣ чего разсказалъ онъ Свѣплосаю ,
какъ его ширанилъ Карачунъ , послѣ неудачнова своего на-
паденія на сего Князя , и что мещъ
ево несъ онъ по самый полнъ часъ ,
когда Свѣплосанъ лишилъ жизни
сего чародѣя . Сіе я узналъ потому ,
присовокупилъ онъ , что услышавъ
въ моей пещерѣ пресильный громъ
и стукъ , увидѣлъ себя вдругъ ос-
вобожденна отъ цѣпей , въ копо-
рыхъ я давно уже находился . Я
не могъ ничему иному сего причестъ ,
говорилъ онъ Славенскому Князю ,
: Часть III. И какъ

какъ побѣдѣ твоей надъ Карачу-
номъ и его смерти, копорую зна-
меновали Небеса пресильнымъ полъ
громомъ. Тогда возрадуясь и воз-
благодаря Безсмертнымъ, помогшимъ
тебѣ изложитъ сего пресипрашнаго
злодѣя, пошелъ я тебя искать прямо
на сей островъ, думая тебя конечно
здѣсь найти, въ чемъ я и не ошибся.

Ахъ: вскричалъ тогда Видо-
станъ, къ совершенному моему
благополучію ничего инаго теперь
не достаешь кромѣ оживленія моихъ
подданныхъ: и я бы блаженнѣй-
шимъ себя почелъ, ежелибъ и они,
подобно мнѣ, получили прежнюю
свою свободу и видъ. Не сомнѣвай-
ся и въ епомъ, сказалъ ему, безо-
бразный Духъ, они конечно ожив-
лены; ибо недумаю я, чшобъ мило-
сердые Боги попустили Карачуна
очаровать ихъ на вѣкъ. Но ежели
ты хочешь увѣдать о семъ подлин-
нѣе, примолвилъ онъ, то я тебя
опнесу въ твой замокъ, или споли-
цу, сей же часъ, естли сіе тебѣ
угодно. Ахъ: любезный мой Липок-
сай, возопилъ къ нему Индѣецъ;
ты бы симъ меня несказанно одол-
жилъ;

жилъ; и какъ мнѣ ни горестно будетъ разстаться съ сими любезными Князьями, но скажу искренно, что чувствую въ себѣ больше желанія увидѣть моихъ подданныхъ, такъ какъ чадъ моихъ и ближнихъ, что имѣшь удовольствіе подавать имъ помощь во всѣхъ ихъ нуждахъ, каковыхъ могутъ они ожидать отъ своего Самодержца. Славенскіе Князья, одобрявъ добродѣтельное ево желаніе, просили Духа обѣщаніе свое исполнить; и возблагодаря сему Государю за угощеніе, какое они отъ него имѣли, проспилися съ нимъ во слезахъ, обѣщавъ другъ другу вѣчную дружбу и воспоминованіе. Послѣ чего Липоксай, взявъ его въ свои объятія, понесся съ нимъ по воздуху, и скрылся отъ нихъ въ минуту: ибо наступавшая тогда ночь воспрепятствовала имъ далеко слѣдовать за нимъ глазами.

Свѣтлосанъ и Вельдюзь, оставшись на острову одни, имѣли свободу извѣстить другъ другу свои чувства: первое Вельдюзево слово было о Милославѣ. Я ее нашелъ въ Карачуновомъ замкѣ, отъвѣспизо-

валъ ему Князь; но увы! любезный другъ, она безъ чувствъ; любимый вохвъ лишилъ ее, такъ какъ и всѣхъ ея подругъ, всякаго движенія. При семъ извѣстїи Полоцкїй Князь обомлѣлъ отъ ужаса; онъ переспрашивалъ многократно о семъ случаѣ, и не могъ упѣшиться, пока Свѣтлосанъ, хотя и самъ о томъ сокрушался, не подалъ ему нѣкоея оправды, обѣщавъ просить Липоксая, чѣмъ онъ приложилъ всѣ свои силы привесть ее въ прежнее чувство. По семъ объявилъ онъ ему и о своей любви, которую почувствовалъ онъ къ прекрасной незнакомкѣ. Сїи два обстоятельствова подали имъ случай говорить весьма долго, такъ что въ разговорахъ сихъ засталъ ихъ Липоксай.

Сей Духъ увѣдомилъ ихъ, что Видостанъ дѣйствительно нашелъ въ замкѣ и въ сплющѣ подданныхъ своихъ оживленными, и въ прежнемъ ихъ видѣ, и принятъ былъ отъ нихъ съ чрезвычайнѣйшею радостію; и что онъ сожалѣлъ о томъ только, что не имѣлъ ихъ двухъ Князей участниками

никами и свидѣтелями своего удовольствія. Сія вѣдомость обрадовала Славенскихъ Князей; они воздали благодареніе Богамъ, моля ихъ совершить и свое благополучіе, возвращая имъ сродниковъ ихъ и друзей. Послѣ чего предложили они Липоксаю, чтобъ и ихъ перенесъ въ замокъ похищенныхъ Карачуномъ красавицъ; при чемъ извѣстили они ему, что и они опасаются въ свой рядъ, дабы очарованіе ихъ любезныхъ не пребыло вѣчно. Не опасайтесь сего, сказалъ имъ Скиевъ, при опіеніи Видостана путь мой былъ черезъ сей замокъ, и я дѣйствительно примѣшилъ въ ономъ движеніе людей, и въ комнатахъ огонь, потому что уже тогда гораздо смерклося.

Сія пріятная вѣсть въ несказанное привела восхищеніе Князей: они ни минуты не хотѣли мѣдлить на пустомъ островѣ, и просили одушевленнаго Скиеа опіенити ихъ туда поскорѣе. Липоксай съ охотою имъ повиновался, и подхватя ихъ обѣихъ на свои руки, понесся съ ними быстрѣе вихря. Немѣленно

И 3

пере-

перелетѣли они разстояніе, раздѣлявшее ихъ отъ замка, и прибыли на островъ, обитаемой красавицами. Они дѣйствительно увидѣли всѣ покои освѣщенны огнями, и получили отъ того твердѣйшую надежду. Нимало не мѣдя вошли они въ комнаты, и въ прешней избъ оныхъ, къ нескazanному своему удовольствію, увидѣли ходящаго и разговаривающаго Левсила съ Милославою, и съ прекрасною незнакомкою, окруженныхъ толпою другихъ дѣвицъ.

Свѣпассанъ побуждаемый родствомъ, а Вельдюзь любовію, бросилися къ Милославѣ, дабы облобызать ее; но нечаянный ихъ приходъ, и страшный видъ Липоксаевъ, привели всѣхъ въ смятеніе и страхъ; многія избъ дѣвицъ лишились чувствъ отъ ужаса, помня Липоксай Карачуномъ. Смятенные случаемъ симъ Князья кинулися къ нимъ на помощь, прося соупшника своего Духа удалиться избъ комнаты, пока не приведутъ въ прежнее чувство дѣвицъ, и не увѣрятъ ихъ о безопасности. Липоксай удалися, а

Свѣшло-

Свѣтлосанъ и Вельдюзь , вспомоше-
спвуемые Левсиломъ , познавшимъ
вскорѣ Князя , приложили всѣ свои
силы къ приведенію въ чувство
Милославы , и прочихъ дѣвицъ , въ
чемъ и успѣли наконецъ совершенно.

Не можно изобразить радости ,
какую почувствовала Милослава
увидя брата своего и жениха : едва
она паки не обмерла отъ объявшаго
ее восхищенія , при видѣ столь лю-
безныхъ ей особъ. Бросясь въ объ-
ятія своего брата , пролила она ис-
пощникъ слезъ , лобызая его и пре-
печа отъ радости : равномѣрное
чувствіе показала она и къ Вель-
дюзо , который самъ отъ восхище-
нія чуть не умеръ. На конецъ ко-
гда первые ихъ восторги нѣсколько
поутихли , и Свѣтлосанъ увѣрилъ
свою сестру , и прочихъ дѣвицъ ,
что Карачунъ точно погибъ , объ-
явя припомъ вкратцѣ свою , Вель-
дюзеву и Скивову исторію , тогда
совершенно всѣ обнадѣялись , и поз-
волили призвать въ комнату Ли-
покся. Видѣ его никому уже не
причинилъ ужаса ; но напротивъ
того Милослава , и прочія дѣвицы

сѣ нею, воздавая Богамъ безчислен-
 нѣя благодаренія, не имѣли радо-
 сти своей предѣла, освободяся отъ
 ужаснаго и наипостыднѣшаго своего
 Тирана. Послѣ чего окружа Свѣш-
 лосана со всѣхъ сторонъ, и назы-
 вая его избавителемъ своимъ и бла-
 годѣтелемъ, приписывали онѣ ему
 шьму похвалъ и благодареній: а
 онѣ сѣ своей стороны, ошвѣчая
 имъ ласками и учтивостями на
 ихъ благодарности, обѣщала всѣхъ
 возвратити въ ихъ дома. Сіе обѣ-
 щаніе наипаче умножило ихъ ра-
 дость и веселіе, коихъ восторги
 продержали ихъ безо сна во всю
 ту ночь. Между шѣмъ Славенскіе
 Князья просили Милославу раз-
 сказать, что сѣ нею приключи-
 лось во время ея сѣ ними разлуки,
 въ чемъ она пошчасъ и удоволь-
 ствовала ихъ слѣдующими сло-
 вамъ.

*

*

*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИЛОСЛАВИНЫ.

Когда по волѣ всеіильныхъ Боговъ снизшедшее густое облако, похитивъ меня изъ брачнаго храма, понесло по горизонту съ необычайною скоростію, по спрахъ и быспрошекущій воздухъ, лишивъ меня дыханія и чувствъ, привелъ въ такое безпамятство, чпо я ничего не чувствовала по самыхъ шѣхъ поръ, пока принесена будучи на нѣкопорый пустыи оспровъ, не освобождена была отъ моего безпамятства холоднымъ вѣпромъ, который дулъ тогда съ моря. Отверя смущенные мои глаза, увидѣла я себя на берегу морскомъ, окруженномъ омовсюду густымъ лѣсомъ. Наступавшая тогда ночь предспавила сіе мѣспо глазамъ моимъ гораздо ужаснѣе, нежели каково оно было въ самомъ дѣлѣ. Я обмерла при семъ видѣ, и не знала чпо зачатъ въ такомъ ужасномъ обспоятельствѣ. Первое мое прибѣжище было къ Небесамъ, но когда Небо не соспѣшествовало моему моленію, то вдалася я въ слезы

и рыданіе. Весь берегъ наполненъ былъ моимъ воплемъ; но ни какова не нашлося мнѣ на немъ помощника. Въ сей жестокой крайности хотѣла я броситься въ море; но трясушіяся мои ноги отказались мнѣ довести меня до онаго; я хотѣла лишиться себя жизни руками; но и слабыя мои руки не имѣли тогда силы подняться. На послѣдокъ, по безплодномъ моемъ покушеніи на жизнь, по горькихъ слезахъ моихъ и стenanіи, шаль я обезсиѣла, что повалилась на землю безъ памяти, пребыла въ семъ жалкомъ сошояніи до другаго дня.

По возхожденіи солнца опамятовалася я опять, и слезы пакн полилися изъ глазъ моихъ: на послѣдокъ, поплакавъ довольно, встала я, и пошла не зная сама куда; ноги мои завели меня въ пріятный лѣсокъ, коего благовонные плоды приманили на себя мои глаза; и на конецъ любопытство и голодъ склонили меня сорвать ихъ нѣсколько, и утолить мой алчб. По семъ слабомъ утѣшеніи моя горещи, проходила я весь шощъ день

шуда

туда и сюда, льстясь сыскаить себѣ нѣкое уиѣшеніе. Такимъ образомъ препроводила я день, а при наступленіи ночи, будучи объята страхомъ опблющыхъ звѣрей, кои хъ мнила бышь на семъ островѣ, спаралась я найти себѣ нѣкое убѣжище, и наконецъ по счастію моему нашла пещеру, въ которой и ночевала въ безпрестанномъ находясь спрахованіи. Подобно сему препровождала я и другіе дни на семъ островѣ.

На послѣдокъ черезъ нѣсколько времени была я обрадована прибытіемъ Сильфа, посланнаго Превращающею меня сыскаить, какъ вы ето сами знаете, примолвила она Князьямъ слушавшимъ ее. Я сочла сей день наиблаженнѣйшимъ; но вскорѣ учинился онъ для меня наимучительнѣйшимъ въ моей жизни. Въ вѣдаете уже, продолжала она воздохнувъ, какъ опнялъ меня тогда у Сильфа люпый волшебникъ, налетѣвшей на насъ на зіяющихъ Аспидахъ; и какъ онъ попомъ испровергнулъ себя, любезный мой Князь, говорила она обращая слово

къ

къ Вельдюю. Увы! продолжала она, тогда по мнила я истинно умереть, лилась всякѣя къ свободѣ надежды, и чая себя мертва. Я обмерла отъ ужаса и горести, и въ семъ состоянїи принесена была въ здѣшнїй замокъ. Гнусный мой похищитель, старался подасть мнѣ помощь, и возвратилъ мнѣ векорѣе прежнее чувство, посредствомъ своихъ чародѣйствъ. Послѣ чего вставъ предо мною на колѣни, открылъ мнѣ свою любовь, жаманяся изо всей силы; и стараяся меня прельстить, ласкалъ мнѣ наиподлѣйшимъ образомъ, и обѣщаль меня сдѣлать владычицею цѣляя вселенны. Предспавьте себѣ, любезные мои Князья, продолжала Милослава, съ какимъ духомъ могла я тогда принять такое объявленїе, видя передъ собою прескареднаго Арапа, и припомъ еще карла. Ежели бы находилась я въ прежнемъ благополучномъ моемъ состоянїи, то непременно бы я разхахаталась на сей гнусный предметъ; но въ тогдашней моей горести смѣхъ мнѣ на умъ не пришелъ, а на мѣсто

што его опчаянїе и яросль. Зло-
дѣй! вскричала я ему, съ какими
глазами осмѣливаешься ты мнѣ епо
говоришь, погубя мучипельнѣй-
шимъ образомъ любезнаго моего
супруга? Нѣтъ, варваръ! не жди
отъ меня ничего, кромѣ непримири-
мыя ненависти и мщенія. По семъ,
произнеся ему ильму ругательствъ,
побѣжала я въ другую комнашу,
меня отъ него уйши. Но гдѣ бы
возмогла я скрыться отъ его злобы,
примолвила она, ежели бы правед-
ное Небо не положило предѣловъ
его варварству? Ибо я проведала на
послѣдокъ отъ живущихъ здѣсь
дѣвицъ, что онъ ни одной изъ
нихъ не осмѣливался учинить ни
малѣйшаго насилія; изъ чего мы
заклучили, что само Небо защи-
щаетъ нашу неповинность отъ се-
го ужаснаго чародѣя.

Сей гнусный уродъ не надѣясь
уговорить меня въ первый разъ,
опложилъ сіе до другаго времени,
и провалился тогда же изъ замка.
А я оставшия на свободѣ, и
ходя по великолѣпнымъ здѣшнимъ
комнашамъ, вошла наконецъ въ од-
ну

ну украшенную больше всѣхъ прочихъ. Осмапривая удивительныя ея украшенія , увидѣла я вдругъ спящую на ссфѣ дѣвицу : видѣ ея сполько мнѣ милѣ показался , что я съ самой той минушы почувствовала къ ней великую любовь и дружбу, и опредѣлила искать всѣми силами и съ ея стороны къ себѣ того же. Я оспановилась сколько желая на нее наглядѣться , сполько и для того , чтобѣ не попревожить пріятнаго ея сна. Но я не долго ожидала ея пробуда , она вскорѣ проснулась , и усмотря меня изумилась, видя во мнѣ себѣ незнакомую. Я желая ее вывести изъ ея смущенія, подошла къ ней, и извиня мой приходѣ , просила ее простить меня въ неумышленномъ нарушеніи ея сна. Она отвѣтствовала мнѣ на то весьма ласково и учтиво. По оказаніи же другъ другу взаимныхъ вѣжливостей, сѣли мы съ нею , и вскорѣ разговорились о нашихъ приключеніяхъ. Я ей рассказала мои , а она о себѣ обвѣла , что она Аеннянка , именемъ Асіада , и происходитъ отъ древняго

древняго рода Царей, коихъ колѣно
отъ самыхъ баснословныхъ времъ в
ведеть свое начало. Похищеніе ея
Карачуномъ случилось ей во вре-
мя прогуливанія въ саду; и что и
она испытала многократно отъ се-
го гнуснаго Карла лубовныхъ на-
паденій, но всегда отъ него освобо-
ждалась ругательствами; или луч-
ше сказать, помощію всемогущихъ
Небесъ. Она присовокупила къ тому,
что когда онъ осмѣливался далѣе
проспирать лубовныя свои нахаль-
ства, то завсегда спановился не-
движимъ, или обемлемъ ужаснымъ
колошьеми; что завсегда принуж-
дало его удаляться отъ нее по-
гожъ часа.

Такимъ образомъ разговаривая,
познакомилась я съ нею, и на ко-
нецъ шакъ подружилась, что не раз-
лучалась уже съ нею ни на минушу,
что и самъ ты, я чаю, примѣшилъ,
любезный мой братъ, говорила Кня-
жна Свѣплосану, когда заспалъ ты
насъ здѣсь совокупно лишенныхъ
чувствъ; и сія любезная моя подруга,
есть самая сія особа, продолжала
она указывая на прелестную незна-
комку.

комку. Восхищенный симъ извѣстїемъ Свѣтлосанъ, что любовница его была прїяпельницею его сесирѣ, получилъ отъ него новую себѣ надежду, что любовь его не будетъ опринуша. Онъ сдѣлалъ ей при семъ случаѣ весьма учинное привѣщїе, на которое Асїада отвѣчала равнобѣрнымъ образомъ. По окончанїи же съ обѣихъ сторонъ взаимныхъ вѣжливостей, Милослава продолжала слѣдующимъ порядкомъ.

И такъ препровождали мы сею вмѣстѣ все время пребыванїя нашего здѣсь. Когда приходилъ къ намъ Карачунъ, то засиравалъ насъ всегда обѣихъ совокупно: онъ старался насъ разлучить; но только всѣ его ухищренїя были тщетны. И когда пыпался онъ склонить насъ соопвѣщивовать его любви, то мы на противъ того старались его упрашивать возвратить насъ въ наши дома; но завсегда какъ его такъ и наши старанїя были безплодны. Онъ не могъ склонить ни одной здѣсь дѣвицы къ своей любви; а на прошивъ того ни одна изъ насъ не
 МОГЛА

могла испросить у него себѣ свободы. Но на послѣдокъ такъ мы ему наскучили, что онъ спалъ къ намъ весьма рѣдко. Вздвигъ, чему мы нескладно были рады.

На конецъ въ нѣкоторый день, сидя съ прекрасною Асїадою, и прогоняя нашу скуку разговорами, вдругъ мы услышали въ переднихъ комнатахъ преогромную музыку: мы сему весьма удивились, и желали узнать пошому причину; но къ несчастію нашему узнали мы о томъ на собственнѣй нашъ счетъ. Ибо какъ скоро музыка сія дошла до нашей комнаты, то вдругъ, почувствовавъ въ себѣ чрезмѣрную слабость, мы обмерли и пробыли въ семъ состояніи до шѣхъ пооб, какъ ужасный громъ возвратилъ намъ всѣмъ прежнюю память. Въ сіе самое время увидѣли мы передъ собою незнакомаго человѣка: мы подумали сперва, что это Карачунъ, принявшей на себя другій видъ: но онъ скоро вывелъ насъ изъ сего мнѣнія, объявля вкратцѣ свою исторію, и что онъ освобожденъ отъ своего очарованія Славенскимъ Княземъ, который по-

Часть III. I шехъ

шелъ искать Карачуна , дабы его
 истребить. О какъ мы сему обрадо-
 вались, любезный мой братъ! гово-
 рила Милослава Свѣшлосану ; а осо-
 бливо я , какъ ты самъ можешь се
 вообразить. Я начала пошчасъ раз-
 прашивать Левсила о ево избави-
 шелъ , и на конецъ увѣрилась совер-
 шенно , что сей Славенскій Князь
 есть самой ты. Вообрази себѣ, дра-
 жайшій мой Свѣшлосанъ, какое дол-
 женствовало быть мое восхищеніе !
 Я побѣжала по всѣмъ комнамамъ ,
 чтобъ созвать всѣхъ моихъ сооби-
 тательницъ, и рассказать имъ, что
 мой любезный братъ пошелъ искать
 лютаго Карачуна , чтобъ истре-
 бить его , и освободить насъ всѣхъ
 отъ ево тиранства. Сія вѣдомость
 привела ихъ всѣхъ въ несказанную
 радость: мы окружили всѣ Левсила,
 чтобъ разпросить у него о тебѣ
 подробнѣе, въ чемъ онъ насъ и удо-
 вольствовалъ ; присовокупя еще къ
 тому , что надѣется уже и побѣ-
 жденна быть Карачуна, приводя въ
 доказательство тому наше оживле-
 ніе , и слышанный имъ сильный
 громъ и безчисленный блескъ мол-
 ній.

вѣй, что онъ приписывалъ помощи
всесильныхъ Боговъ.

Обрадованная сею вѣстїю, воз-
дали мы благодареніе Безсмертнымъ;
и надѣясь твоего сюда прибытія,
опредѣлили не спать всю нынѣшнюю
ночь. И къ дополненію совершен-
ныя нашей радости и благополучія
дождались тебя дѣйствительно,
дражайшей нашъ избавитель. Ска-
завъ сіе бросилась она паки его об-
нимаешь со всею нѣжностію сестры,
приписывая ему пѣму похвалъ и
благодареній. Князь оповѣстивъ
ей со всѣми знаками брашнаго го-
рячности, увѣряя ее, что она одна
была причиною ево путешествій,
и понесенныхъ имъ трудовъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему раз-
говорахъ заснулъ ихъ восходящій
Свѣтловидъ. Упоменные Князя и
дѣвицы, поговоря еще нѣсколько,
согласились на конецъ разойтись
для отдохновенія, что и учинили
немѣдленно. Дѣвицы разошлись по
своимъ спальнямъ, а Князя и Лев-
силъ легли въ залѣ на софахъ, ко-
ими она была украшена; но Липок-
сай, яко Духъ, пребылъ безо сна, и

вознамѣрясь учинить Свѣтлосану новую услугу, вышелъ вонъ изъ комнатъ во время ихъ спанья.

Свѣтлосанъ, Вельдюжь и Левсилъ проспали почти до самаго вечера, по приближеніи коего были они разбужены Милославою. Сдѣлавъ имъ обыкновенное привѣтствіе, предложила она имъ прогуляться въ саду, на что они съ охотою и согласились. Прощедъ великое число комнатъ, украшенныхъ наивеликолѣпнѣйшимъ образомъ, пришли они на послѣдокъ въ одну, уславленную подлѣ стѣнъ покойными широкими креслами. Милослава просила своихъ послѣдователей сѣсть на оныя, и сплукнуть въ полъ ногою. Лишь только они сіе учинили, то и поднялись всѣ на верхъ, и очутились вдругъ въ прекраснѣйшемъ саду, который находился на поверхности покоевъ. Удивленные симъ Славяне спрашивали Княжну, какимъ образомъ сіе учинилось. Самымъ проснѣйшимъ, отвѣчала она, какъ вы сами ещо видѣли; чтожь касается до устройства сихъ машинъ, то ещо не мое, а Карачуново дѣло.

КОЩО-

который, не хотя выпустить насъ изъ замка, устроилъ все сїи великолѣпія и гульбищи для насъ; и намъ стоить только ударить въ полъ, чтобъ быть въ саду: а какъ мы получаемъ тамъ пищу, епо вы пеперь же увидите. Послѣ чего просила ихъ слѣдовать за собою: они ей повиновались, и прошедъ нѣсколько накрывовъ, пришли на послѣдокъ въ пространную бѣсѣдку, коея стѣны украшены были благовонными и прекраснѣйшими цвѣтами. Послѣдователи Милославины нашла въ ней всехъ дѣвицъ, которые находились въ замкѣ. Сїи красавицы поздравя ихъ наивѣжливейшимъ образомъ, просили ихъ сѣсть за столъ, который находился уже въ готовности, хотя не было на немъ ни одного кушанья. Какъ скоро сѣли все за оный, то дѣвицы захопали въ ладоши, и вдругъ превеликое множество явилось на столѣ разнаго наипрелестнѣйшаго кушанья и напитковъ. Вотъ какъ подчивалъ насъ всегда Карачунъ, сказала Милослава своимъ госпямъ: намъ только стоило захопашь въ ладо-

ши и пожелать, что все то пред-
сказавалось намъ въ шуже минушу.
Такимъ образомъ, продолжала она,
получаемъ мы и другія всякія по-
требности.

Сказавъ сіе, просила она своего
брата, Вельдюзя и Левсила отвѣ-
дать, чѣмъ ихъ подчивалъ Кара-
чунъ. При воспоминаеніи имени сего
волхва, зашла у нихъ рѣчь о всѣхъ
его злодѣйскихъ дѣлахъ: всѣ изъ со-
пришествующихъ старались на пе-
рывъ его злословить; причѣмъ каж-
дая изъ красавицъ рассказала, какъ
была похищена симъ лютымъ чаро-
дѣемъ. На послаѣдокъ въ числѣ по-
хищенныхъ сыскалась и Чердана:
она не могла безъ слезъ вспомнить
своея разлуки съ любезнымъ своимъ
Селиномъ; но Свѣтлосанъ вскорѣ ее
ушѣшилъ, обѣщавъ опослать ее не-
мѣдленно въ ея опечесство. Сіе обѣ-
щаніе подало ему мысль вспомнить
о Липоксаѣ: онъ началъ о немъ спра-
шивать у всѣхъ, но никто не могъ
его въ шомъ удовольствовать. Сла-
венскій Князь весьма симъ опеча-
лился; но въ самое то время уви-
дѣлъ его вшедша въ бѣсѣдку съ
Бори-

Бориполкомъ: Свѣплосанъ закричалъ отъ радости и удивленія, и бросился къ нимъ на встрѣчу. Онъ обнялъ дружески своего любимца, и просилъ его сказать, какое неожиданное счастье возвратило его къ нему. Бориполкъ, по оказаніи ему съ своей стороны равномѣрной радости, увидѣвъ паки благодѣтеля своего и Государя, рассказалъ ему слѣдующее.

*

*

*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОСТАНА И БОРИПОЛКА.

Возвращеніемъ моимъ къ тебѣ, Государь, одолженъ я сему благопріятнѣйшему тебѣ Духу; чтожъ надлежитъ до прочаго моего приключенія, то и въ семъ тебѣ сейже минушы удовольствую. Послѣ чего будучи приглашенъ къ столу, и сѣвъ за оныѣ, началъ рассказывать свою повѣсть такимъ образомъ. Когда мы яростію свирѣпыя бури лишились нашего корабля, и погрузили
 въ

въ море, но по счастію нашему я и Останъ ухватились за большой отломокъ отъ сокрушеннаго нашего корабля, и пѣмъ спасли животовъ нашъ. Какъ насъ ни били ярящіяся воды, однакожъ мы на немъ усидѣли, и добрались до нѣкопорого острова. гдѣ по счастію нашему сползъ корабль, принадлежавшей Персидскому купцу, который присталъ къ сему берегу по причинѣ бури. Жалкое наше соспояніе склонило корабельщика принять насъ на корабль, на которомъ и отправились мы немедленно. какъ скоро утихла буря. Плаваніе наше было скоро и благополучно: мы прибыли на конецъ въ Персію, въ которой не много помѣшкавъ, отправились пѣшкомъ, по причинѣ нашей бѣдности, въ Болгарію, гдѣ мы надѣялись сыскашь кого нибудь изъ нашихъ одноземцовъ, и помощію его свѣхатъ въ Славенскъ. Но сихъ трудовъ вскорѣ мы избавились, щедрою Безсмертныхъ, слѣдующимъ образомъ.

На пути нашемъ изъ Персіи, приславъ въ одной корчмѣ, нашли

мы путешественниковъ одѣтыхъ и говорящихъ по Славенски: сей случай заставилъ насъ освѣдомишься объ нихъ хорошенько. Мы завели съ ними разговоръ, объявляя о себѣ, что и мы также Славяне. Одинъ изъ нихъ, который казался спарбе и почтеньбе прочихъ, весьма ласково съ нами общелся: онъ началъ разговаривать съ нами весьма учтиво, пригласилъ насъ къ своему столу, и спарался узнать о нашемъ состоянїи. Мы отвѣщивали ему съ начала коротко и глухо; но послѣ, будучи преклонены искренностїю его ласкъ и увѣщанїй, сказали ему всю правду, что мы таковы. Коль скоро выслушалъ онъ Оспанову исторїю, то вспавъ по-яжъ минушы, палъ предъ нимъ въ ноги, и поздравя его Княземъ Древлянскїя земли, объявилъ, что Тиранъ завладѣнней его престоломъ, за ужасныя свои свирѣпости къ народу, сверженъ съ онаго, и умерщвленъ позорною смертїю; послѣ чего Древлянскїй народъ узнавъ объ Оспанѣ, что онъ еще живъ, учинилъ всеобщїй приговоръ, чтобъ ра-

Часть III. К вослаше

вслать по всѣмъ землямъ нарочныхъ для его сысканія, изъ котораго числа посланныхъ находился и сей почтенный спарикъ.

Обрадованный Оспанъ шоль не ожидаемымъ себѣ счастьемъ, воздалъ благодареніе и хвалу Безсмертнымъ, а погожъ дня побѣхалъ въ свою Державу, прося меня ему соповариществовать, и обѣщая послѣ оправишь меня въ Славенскъ, на что я и согласился. Пушь нашъ до самаго Искореста не былъ ни чемъ задержанъ, и мы весьма скоро прѣбхали въ сію столицу Древянъ. Ничего вельзя представить лестнѣе для Государя, какъ любви ево подданныхъ: сіе испыталъ тогда Оспанъ самымъ дѣломъ. Какъ только извѣстились въ Икорестѣ, что онъ прибылъ, то весь городъ устремился его встрѣчать, и одни шолько немощные остались въ домахъ. Гласъ народнаго вопля и плесканій возмушилъ весь воздухъ, такъ что и птицы не могли онаго перелетѣть не упадая. Юнаго Князя препроводилъ народъ въ Княжескій домъ, и на третій день, въ продолженіе без-

безпрерывныхъ пированій, убѣждали его во храмѣ Перуна вънцемъ его предковъ. Такимъ образомъ учинился Останъ изъ несчастливаго Князя благополучнѣйшимъ Государемъ.

По окончаніи торжествъ, обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ, принесъ Останъ шучную жерпву Богамъ; народу облегчилъ подаши, почтенныхъ и заслуженныхъ Древлянъ награждалъ чинами и имѣніемъ; однимъ словомъ, онъ не оставилъ никого недовольнымъ, и показалъ въ себѣ достойнаго вънценосца. По исполненіи такимъ образомъ первыхъ своихъ должностей, хотѣлъ онъ и мнѣ исполнить свое обѣщаніе, чпобъ отправилъ меня въ Славенскъ, какъ въ самый пошль день, когда я находился одинъ съ снмъ Княземъ, предсталъ предъ насъ сей благопріязненный Духъ. Мы было сперва его испужались, но онъ потчасъ вывелъ насъ изъ страха и сомнѣнія, рассказавъ въкращѣ свою и швою, государь, испорію. Мы воздали хвалу и благодареніе Небесамъ, за избавленіе

швое отъ попопленія, и за побѣжденіе шобою Карачуна; и несказанно сему порадовались. Послѣ чего предложилъ мнѣ Липоксай, не хочу ли я тебя, государь, увидѣть. Я съ превеличайшею охотою спалъ его о семъ просишь; на прошивъ чего Османъ весьма опечалился, что не могъ тебя увидѣть въ швоемъ счастіи, и съ шобою раздѣлишь своего. Въ крайности сей удоволился онъ написать къ тебѣ письмо, которое просилъ меня тебѣ вручить. Послѣ чего просишся онъ со мною во слезахъ; а мы ни мало не мѣдя и отправились въ нашъ путь, которой въ нѣсколько часовъ и кончили. Сказавъ сіе Бориполкъ, вынулъ Османово письмо, и вручилъ его Свѣшлассану.

Сей добродѣшительный Князь прочтя оное, воздѣлъ очи и руки на небо, воздавъ хвалу Безсмертнымъ за увѣнчаніе добродушнаго своего друга. Послѣ чего, получа шолько радостныхъ обстоятельствошъ, предался онъ веселію, въ чемъ послѣдовали ему и всѣ прочіе. Пированіе ихъ продолжалось далѣе полуночи,

въ торжественныхъ пѣнїяхъ, и дружескихъ разговорахъ, въ которыхъ припоминая прошедшія свои несчастія, вкушали отъ того живѣйшее веселіе, что избавились ихъ столь благополучно. На конецъ, будучи упомянуты симъ продолжительнымъ веселіемъ, разошлись всѣ для успокоенія.

На другой день Свѣтлосанъ уведомясь, что въ замкѣ находится великое число драгоценныхъ вещей, предложилъ похищеннымъ красавицамъ, чтобъ всякая брала изъ оныхъ себѣ то, что ей угодно будетъ показаться; ибо онъ вознамѣрился ихъ съ сими подарками отослать въ ихъ дома. Послѣ сего предложенія всѣ дѣвушки, кромѣ Милославы, Асїады и Черданы, принялись разбирать Карачуновы сокровища, благодаря Князя за сіе позволеніе. Онъ нагрузили себя оными весьма довольно; ибо всѣ онѣ были весьма изъ посредственныхъ богатствомъ домовъ, и рады были, что нашли случай обогатиться на всю жизнь свою. Свѣтлосанъ ни мало ихъ отъ сего не отшрачалъ, но еще побуждалъ ихъ

кѢ шому; и когда уже онѢ удоволь-
 ствовались ими со избыткомъ, по
 просилъ онѢ Липоксая сдѣлать по-
 слѣднюю ему услугу, опіенся снхѢ
 дѣвицѢ; въ ихѢ опчизны. СкиѢ сѢ
 охотою на сѢ согласился, и попроше-
 нію Черданы, взявѢ ее первую, и пись-
 мо отѢ Свѣшлосана кѢ Моголу, поле-
 тѣлъ сѢ нею въ Индію; откуду на
 другой день и возвратился, и при-
 несѢ сѢ собою отѢ Абубекира пись-
 мо кѢ Славенскому Князю, въ ко-
 поромѢ сей ИмператорѢ чрезвычай-
 но много благодарилъ его за возвра-
 щеніе ему Селина и Черданы. Ибо
 увѣдомилъ онѢ его въ ономѢ, что
 его сынѢ за нѣсколько дней предѢ
 шѢмѢ вдругѢ ожилѢ, вскричавѢ имя
 Свѣшлосаново, почему онѢ и заклю-
 чилѢ, что конечно посредствомѢ его
 Боги возвратили жизньѢ Селину. по-
 казивѢ рукою Славенскаго Князя
 злобнаго Карачуна, что ему по-
 томѢ подівердилѢ и Липоксай,
 принесѢ кѢ нему Чердану. СкиѢ сѢ
 своея стороны объявилѢ, что
 ИмператорѢ предпріялѢ принестѢ
 за сѢ БогамѢ тучную жершву, и
 шоржесшвовашѢ пакѢ бракѢ сына
 своего

своего съ Черданою, и праздновать ихъ возвращеніе цѣлый мѣсець. Славенскій Князь, и всѣ прочіе, весьма сему порадовались, ожидая подобно и своего возвращенія въ отечество. Но чтобъ сдержать слово перязе всего дѣвицамъ, то Князь просилъ паки Липоксая отнестъ ихъ немедленно, куда кошорой потребно, что онъ и учинилъ, и разнесъ ихъ всѣхъ въ нѣсколько дней по ихъ отчизнамъ и домамъ, въ кошоромъ числѣ былъ и Левсилъ.

Между шѣмъ Славенскій Князь, горя любовію къ прекрасной Асіадѣ, но не смѣя ей о томъ открытъ изъ почтенія къ ней, объявилъ о страсти своей Милославѣ, прося ее предложить прелестной ея подругѣ о любви ево къ ней; и что онъ пылая къ ней числѣйшимъ огнемъ, не безславія ея ищетъ, но хочетъ созкупить судьбу свою съ ея священнымъ союзомъ. Княжна, любя своего брата, немедленно согласилась на ево прозьбу, и тогоже дня объявила о томъ Асіадѣ. Прекрасная Аеинянка при семъ объявленіи покрылася прелестнымъ

румянцомъ, и мало помолчавъ, сказала слѣдующее Милославъ, начавъ рѣчь свою глубокимъ вздохомъ. Я предъ шобою не должна скрываться, любезная моя прѣшельница; а наипаче когда ты сама искренна со мною. Твой достойный братъ равномерно и мое пѣнилъ сердце, и я бы наисчастливейшею себя почла, когда бы возмогла назваться ево супругою; но жестокая моя судьба великую препону межъ нами учинила. Я имѣю отца и мать, опягченныхъ великою древностію, почитающихъ во мнѣ все свое благополучіе, и которыхъ оставишь почитаю я наивеличайшимъ беззаконіемъ. Ты ихъ не оставишь, сказалъ вошедъ къ нимъ Свѣтлосанъ, и вставъ предъ нею на колѣни, ты ихъ не оставишь, прекрасная Асіада, они послѣдуютъ намъ во Славенскъ, и будутъ шамъ первые по моему родителю. Къ симъ словамъ присовокупилъ онъ столько прозбъ и убѣжденій, что Асіада не могла болѣе сопротивляясь, и обѣщала ему любовь свою и руку. Послѣ чего предложилъ

жилъ ей Князь, чѣтобъ не самой ей къ нимъ отбыть, помощію Липоксая, но послать его къ нимъ одного, и объявля имъ всѣ обстоятельствова, согласишь ихъ ѣхать или къ нимъ въ замокъ, или во Славенскъ, и ожидашь ихъ тамъ, на что Аѣинянка охотно и согласилась.

И такъ коль скоро Липоксай окончилъ всѣ свои путешествія, то Свѣплосанъ, рассказавъ ему все дѣло, просилъ его отправиться въ Аѣины для сысканія родителей Асіадиныхъ, чѣтобъ склонить ихъ на желаніе любящихся. Скуебъ охотою общался съе исполнить, и поспѣлъ пояжъ минушы. Онъ не долго находился въ своемъ пути, и вскорѣ возвратясь, принесъ весьма печальную вѣсть для Асіады. Онъ объявилъ ей, что ея родители, пораженные нечаяннымъ ее лишеніемъ, вскорѣ по похищеніи ея скончались, и что всѣ оставшееся послѣ нихъ имѣніе разграблено алчными ихъ сродниками и знакомцами. Съе ужасное извѣстіе несказанно опечалило Асіаду:

она вдалася въ слезы и въздыханія, и пребыла въ ономъ непреклонна, сколько ее ошѣ того ни отвращали; и по нѣсколькихъ уже дняхъ умѣрила она печаль свою, къ чему наиболѣе способствовали прозьбы и ласки ея любовника и подруги.

Между тѣмъ въ нѣкоторый день, когда Свѣплосанъ находился одинъ, явился ему свѣтозарный Духъ, потѣ самый, кошорый нѣкогда избавилъ его отъ Карачуна. Князь увидя его палъ предъ нимъ на колѣни, а Духъ произнесъ къ нему слѣдующія слова: На конецъ бѣдствія рода твоего окончатся, по твоему желанію, и по волѣ Небожителей: и общій вашъ врагъ побѣжденъ тобою. Однако вѣдай, что сіе учинено не твоею рукою: непреоборимыя силы Безсмертныхъ помогали тебѣ во всѣхъ твоихъ трудностяхъ, и сотворили тебя побѣдителемъ. О смертный! вспоминая всѣ твои и сродниковъ твоихъ прешедшія бѣдствія, не забуди никогда, коль жестоко наказуешься безчеловѣче, и колико чудовѣколюбіе награждаешься славою

и благоденствіемъ. Опиниѣ ни какое бѣдствіе не оскорбишѣ твоего рода, естли онѣ самѣ не огорчишѣ Безсмертныхъ какимъ беззаконіемъ. Тебѣжѣ послѣднее оспалося шеперь учинишѣ благодѣяніе челоуѣчеству: разрѣши Липоксая отѣ заклятія, каковымъ наказанъ онѣ отѣ всемогущія Судьбы. Произведенныя имѣ волшебныя вещи погибли всѣ совокупно съ Карачуномъ, и не оспалося уже во свѣтѣ ни единого волшебника, могущаго приключашѣ бѣдствія челоуѣкамъ. И такѣ возвращи успокоеніе Липоксаю, что ты можешѣ учинишѣ брося въ него оспавшуюся у тебя Сандалію. А о возвращеніи своемъ во Славенскѣ не безпокойся; ты будешѣ завтра же во ономъ съ сестрою швоею, и со всѣми прочими.

Сказавъ сіе Духъ исчезъ, а намѣсто его предспалъ Липоксай; онѣ повергся въ ноги Свѣтлосану, прося его исполнишѣ по, что повелѣно ему отѣ вѣстника Безсмертныхъ, о чемъ и онѣ отѣ онаго былѣ также извѣщенъ. Князь ни мало не мѣдя сыскалѣ Сандалію, которая

у него была спряшана, и возвращенъ къ Липоксаю повергъ ее въ него. Лишь только она ему коснулась, то въ самое то время одушевленный Скиевъ воспрепещалъ, и въ тожь же мигъ рассыпался весь прахомъ и съ Сандалиею. Тогда Свѣтлосанъ, падъ ницъ на землю, принесъ хвалу Богомъ, за скорое разрѣшеніе отъ мученій сего несчастнаго, и за безчисленныея благодѣянія, каковыя самъ онъ отъ нихъ получилъ посредствомъ сего Скиеа. Послѣ чего побѣждалъ онъ къ сестрѣ своей, которую нашедъ вмѣстѣ съ Асіадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, разсказалъ имъ подробно о явленіи ему вѣстника Боговъ, и о разрѣшеніи Липоксаевома. Услышавъ сіе воздали они всѣ благодареніе Небесамъ, радуясь о скоромъ своемъ возвращеніи въ опечество, о коемъ обнадѣжили ихъ свѣтлосарный Духъ.

Весь остатокъ того дня провели они въ несказанной радости, восхищаяся будущимъ своимъ счастьемъ; но наконецъ сонъ прекратилъ ихъ восторги. И когда наслаждалися они пріятностями онаго, тогда

Сла-

Славенскій Князь пораженъ былъ слѣдующимъ сновидѣнiемъ, Ему представилося, что онъ лежишь на густомъ облакѣ по горизонту, и видишь передъ собою блистающаго ото всѣхъ сторонъ мужа, покровеннаго бѣлыми одеждами, и который слѣдующее изрекъ къ нему слово. Возлюбленный Богами смертный! Познай всю ихъ къ тебѣ щедроту; познай Бѣлбога, покровителя добродѣтельныхъ людей, и испраждующихъ напрасно. Не одинъ Чернобогъ помогаль тебѣ во трудныхъ твоихъ предпрiятiяхъ; я паче и его спарался повсюду тебя защитишь; и лучезарный Духъ, общiй нашъ посланникъ, по моему желанiю тебѣ являлся. Хотя я вѣчную имѣю съ Чернобогомъ во всемъ распрю, но тебѣ помогаль я съ нимъ совокупно. Я утѣшилъ своего отца въ печали, объявя ему о всѣхъ твоихъ обстоятельстввахъ, и увѣря его о несомнѣнномъ твоёмъ возвращенiи. Я тебя направляль во всѣхъ твоихъ предпрiятiяхъ, благополучно тобою оконченныхъ; и на послѣдокъ, при сраженiи твоёмъ съ Карачу-

рачуномъ и его чудовищами, и превращалъ волшебный швой мечъ въ жершвенный ножъ, коего поражение содѣлалъ несравненно сильнѣе всякаго волшебнаго оружія. Твоя добродѣтель меня къ тебѣ преклонила; и опьянѣ буду я навсегда швой защитникъ, и рода твоего покровишель. Познавай истинну моихъ словъ по шперешнему моему дѣянію: ты преносишя шперъ по мсему велѣнію, со всѣми швами ближними, въ столицу швоего опечества, и завтра узришъ швоего родителя и народъ швой. Но помни завсегда, что одна истинная добродѣтель снискиваетъ смертнымъ Божеское благоволѣніе; а злое сердце погубляетъ ихъ и въ животѣ и по смерти. Ты видѣлъ сему примѣръ въ швоемъ родѣ; а паче въ лютомъ Карачунѣ, сраждающемъ шперъ въ Геенѣ. Дѣла нечестивыхъ суешны, присовокупилъ онъ, смотри на оставленный шбою замокъ, построенный имъ для ушѣхъ своихъ: въ жизни ево былъ онъ ему уничтоженіемъ и мукою, а по смерти, да вся ево слава погибнетъ съ шу-

шумомъ , ниспровергается онъ по волѣ Судьбы въ единую съ нимъ бездну, и ваше шокмо пребываніе во ономъ удерживало его на земли.

Проговоря сіе спалъ онъ невидимъ , а Свѣтлосанъ проснулся , и увидѣлъ дѣйствительно , что онъ несется на воздухѣ съ Милославою, Асіадою, Вельдюземъ и Бориполкомъ, и что оставленный ими замокъ съ превеликимъ трескомъ и шумомъ проваливается сквозь землю. Славенскій Князь, воспревоженный симъ чудомъ, хотѣлъ принести благодареніе Безсмертнымъ; но вдругъ глаза его опягчались сномъ, который паки привелъ его чувства въ пріятное забвеніе.

Въ семъ состояніи пренесенъ онъ былъ съ прочими въ Славенскъ, во дворецъ Княжескій; и когда первые лучи солнца озарили землю, тогда проснувшись сей Князь, и вспомянувъ свое сновидѣніе, началъ осматриваться по всемъ сторонамъ, чтобъ увѣриться въ истиннѣ онаго. И дѣйствительно позналъ онъ тотчасъ, что видѣніе его было не мѣщательное: онъ увидѣлъ изъ оконъ городъ Славенскъ, и позналъ чер-

чертоги своего родителя. Восхищенный радостію палъ онъ на колѣни, принося благодарственныя моленія Безсмертнымъ. Послѣ чего разбудя сестру свою, невѣсту, заша и оруженосца, которые перенесены съ нимъ были въ одну комнату, объявляя имъ свое сновидѣніе, и дѣйствительность онаго. Сие извѣстіе равнобѣрное произвело въ нихъ дѣйствіе; въ чрезвычайной своей радости воздали они безчисленныя благодаренія Небесамъ; и немѣлленно предпріяли иши къ Богославу, чтобъ и его обрадовать своимъ прибытіемъ.

Но лишь только отворили они двери своей комнаты, какъ увидѣли идущаго къ себѣ сего почтеннаго Князя. Онъ былъ предуведомленъ, подобно имъ, Бѣлагомъ шоя ночи объ ихъ прибытіи, и желая въ шомъ удосщовѣриться, пошелъ ихъ искать во своемъ дворцѣ. Не можно изобразить радости и восхищенія, каковыми они объямы спали при видѣ другъ друга. Добродѣтельный Богославъ, обливаясь радостными слезами, воспринималъ каждого въ

СВОЕ

свои объятія, лобызая въ уста и въ очи; а наипаче сына своего и дочь не могъ онъ выпустить изъ своихъ рукъ. Онъ принесъ Богамъ наусердиѣннѣйшя благодаренія, и разпрося каждаго подробно о ево приключеніяхъ, рассказалъ имъ и о своей печали, каковою онъ терзался по разлукѣ съ ними; и что лишился бы онъ оцъ нее жизни, когда бы благодѣтельный Бѣлбогъ, являсь ему во снѣ, не увѣрилъ его объ ихъ здравіи, и о скоромъ возвращеніи. Свѣтлосанъ пользуясь симъ радостнымъ случаемъ, объявилъ своему оццу о любви своей къ Асіадѣ, и просилъ его покорно дозволить ему съ нею сочешаться священнымъ союзомъ, на что Богославъ съ радостию и согласился, похваляя припомъ изрядный его выборъ.

Между шѣмъ какъ сей добродушный отецъ наслаждался веселіемъ, увидѣвъ паки своихъ чадъ, вѣсть объ ихъ прибытіи разлилася потчасъ по всему городу. Всѣ онаго вельможи прѣехали потчасъ во дворецъ: народъ сбѣжался также ошовсюду на Княжескій дворъ, же-

лая увидѣшь дѣшей своего Государя, шоль долго пропадавшихъ безвѣспно. Вельможи имѣли удовольствіе первѣе всѣхъ ихъ увидѣть, и принесъ имъ свое поздравленіе; послѣ чего Богославъ желая удовлестворить и народному желанію, и принесши Богамъ досподолжное благодареніе, приказалъ учредить въ шоль день великолѣпнѣйшую жершву въ Перуновомъ храмѣ, куда со всѣми своими дѣшьями вознамѣрился ити пѣшкомъ, дабы народъ могъ насладиться ихъ зрѣніемъ. И какъ скоро донесли ему, что все къ жершвоприношенію готово, то и пошелъ онъ во храмъ, сопровождаемъ будучи своими дѣшьями и всѣмъ дворомъ. Лишь только усмотрѣлъ ихъ народъ, шоль шемы шемъ радостныхъ гласовъ и плесканій, наполнили весь воздухъ смѣшеннымъ шумомъ, ~~такъ что и слышать~~ ничего не можно было. Всякъ изъ народа старался подойти ближе къ Князьямъ, чшобъ лучше увидѣть ихъ именишыхъ особъ, отъ чего шакая сдѣлалася шѣснопа, чшо на шлау могли дойти до храма.

СКОЛЬКО

Сколько сей храмъ пространенъ ни былъ, но не могъ вмѣстить всего народа ; ибо одни только почти младенцы и немощные оспалися въ домахъ , а прочіе все сбѣжали на смотрѣніе Княжескихъ дѣпей. На конецъ по проченіи первосвященникомъ благодарственныхъ молитвъ , сопровождаемыхъ гласомъ трубъ и бубновъ , приведена была жертва , состоявшая изъ ста бѣлыхъ воловъ , увѣнчанныхъ цвѣтами , и изъ тысячи овецъ и агнцовъ. Первосвященникъ окропя ихъ чистительною водою , и ударивъ священнымъ попоромъ перваго предсавленнаго ему вола , приказалъ онаго и прочихъ съ нимъ пріуготовить къ жертвоприношенію. По вскрытіи внутренностей , осмошрѣвъ онъ ихъ прилѣжно , и увидѣвъ въ нихъ самыя благополучнѣйшія знаки Божескаго благоволенія , поздравилъ шѣмъ Богослава и его чадъ. По совершеніи же всея жертвы , испукавъ Церуновъ озарился неудобозримымъ сіяніемъ , и гласъ грома поколебалъ весь храмъ , послѣ чего

произшелъ отъ кумира слѣдующій
гласъ.

Въ проступкѣ я швоемъ казнилъ тебя
коль строго,
 Толико награжу тебя я нынѣ много:
 Твой родъ княжити здѣсь пребудетъ
навсегда,
 И не разрушится престолъ швой ни-
когда;
 Залогомъ въ томъ тебѣ прехрабрые
потомки,
 Которыхъ подвиги повсюду будутъ
громки:
 Промчится слава ихъ во всѣ земны
концы,
 И власть прострется ихъ на многіе
вѣсны.

Сей Божественный гласъ наполнилъ всѣхъ несказанною радостію; пронувшій Богославъ сею щедротою Небесъ, общался повсягодно приносить подобную жертву, что пошомъ и исполнял. Послѣ чего будучи поздравленъ отъ всѣхъ жрецовъ и вельможъ, отбылъ во дворецъ въ провожаніи всего двора и народа. По прибытіи въ оный, приказалъ

казалъ онъ учредить великолѣпный пиръ для вельможъ , и всего двора ; а для народа приказалъ поставить на многихъ улицахъ столы , изобилующіе всякимъ кушаньемъ и питьемъ. Подобное сему пиршество продолжалось цѣлый мѣсяцъ , во время коего торжествованъ былъ бракъ Свѣплосана съ Асіадою , и Мило-славы съ Вельдюземъ ; ибо прежнее сихъ послѣднихъ сочепаніе было не dokonчано, и разрушено гнѣвомъ Небесъ.

Добродѣтельный Богославъ , обрадованный шоль многими благопріятными случаями, по претерпѣннй долговременной печали, восхотѣлъ чшобъ и подданные ево почувствовали подобно ему ево радость ; чего ради приказалъ онъ выпустити изъ темницъ всѣхъ невольниковъ, и народу своему оставилъ подати на цѣлый годъ. Желаяжъ совершенно загладити свое согрѣшеніе передъ Богами, не остав-лялъ онъ ни единого способнаго случая , оказывашъ поданнымъ своимъ всякое благо. Въ семъ спасительномъ попеченіи провелъ онъ въ

Л 3

радости

радоспи всю оспавшуюся свою жизнь ; дожилъ благополучно до чадъ дѣшей своихъ : и на конецъ скончался въ мирѣ , завѣщавъ начертать на своей гробницѣ слѣдующую надпись.

О смертный ! соображаяся со обстоятельствоми моя и твоея жизни , соображаяся съ гражданскими , священными и естественными законами , не забуди никогда любить ближняго яко самъ себя

По кончинѣ сего почтеннаго Князя , вступилъ по немъ на престолъ Свѣшлосанъ , и послѣдую всѣмъ ево добродѣтелямъ , прилагалъ все свое попеченіе о содѣланіи своего народа блаженнѣйшимъ во вселенной. Страніе ево было непощенно: подданные ево учинилися счастливейшими изъ смертныхъ ; и ни одинъ народъ не дерзалъ помыслишь восстать на нихъ войною , говоря слѣдующее : кто можетъ воспани на Боговъ , и великій Славенскъ! Тако правя мирно добродѣтельный Свѣшлосанъ , учинился естрашимъ всѣмъ своимъ госѣдямъ , и пріумножилъ свою Державу , меж-

ду многими другими, Полошскимъ Княжесствомъ, по смерти зятя своего и сестры; ибо наследниковъ по нихъ ни кого не осталось. На послѣдокъ доживъ до глубокаго старости, раздѣлилъ онъ обширную свою область своимъ дѣтямъ, и скончался благополучно, почти въ одно время съ своею супругою, будучи оплаканъ горестно не токмо чадами своими, но и послѣднѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢД-
НЕЙ ЧАСТИ.

